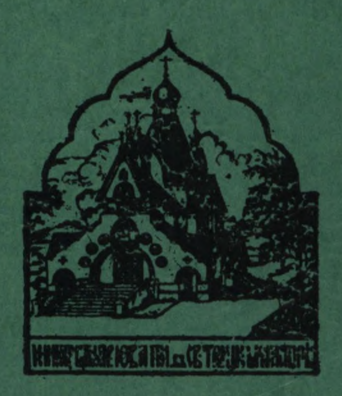
Архимандритъ Константинъ.

Лекціи по исторіи Русской словесности,

читаныя въ св. Троицкой семинаріи.

Часть первая.

ДО-ПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Тѵпографїѧ преп. Їωва Почаевскагω.
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
1967 г.

Архимандритъ Константинъ.

Лекціи по исторіи Русской словесности,

читаныя въ св. Троицкой семинаріи.

Часть первая.

ДО-ПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

Тѵпографія преп. Іова Почаевскагω.

1 9 6 7 г.

I.

Различіе оцѣнки нашего прошлго, до-петровскаго, традиціоннымъ «литературовѣдѣніемъ» и той оцѣнки его, которая раждается изъ современнаго, послѣ-революціоннаго, опыта. Проблема «эмансипаціи».

По новому сейчасъ смотримъ мы на наше прошлое. До Революціи перспектива «литературовѣдовъ» опредѣлялсь общей настроенностію общества русскаго, воспринимавшаго процессъ европеизаціи Россіи подъ знакомъ свѣтлаго расцвѣта, а «свое», до-петровское, принимавшаго лишь, какъ нѣкій бытовой фонъ, пусть не лишенный привлекательности, но на первенствующую цѣнность притязать никакъ не могущій. Сейчасъ зрячій глазъ видитъ, въ какую пропасть загнала насъ измѣна нашему духовному прошлому. Въ новомъ свѣтѣ встаетъ старина. Уже обратной можно бояться крайности: излишней иделизаціи до-петровской Руси и отверженія не-критическаго всего достоянія Имперіи. Чувство мѣры должно подсказать намъ, что Имперія, въ своемъ заданіи исходномъ, была не измѣной Исторической Россіи, а, напротивъ, продиктованнымъ обстоятельствами времени способомъ самозащиты, почему и при оцѣнкѣ достиженій Имперіи надо разбирать, въ чемъ именно погрѣшила она противъ этого заданія, а въ чемъ, напротивъ, послужила ему. Равно и оцѣнка до-петровской Руси не исключаетъ самой иногда суровой критики. Но одно безспорно: цѣнность Руси, въ ея цѣломъ, опредѣляется тѣмъ основнымъ духовнымъ зарядомъ, который обрѣла она на зарѣ своего бытія, какъ очага Православной культуры. Именно подъ этимъ, только подъ этимъ угломъ зрѣнія можетъ быть воспринята Россія, какъ историческая данность, обладающая міровымъ значеніемъ несравненнымъ. Уразумѣніе этого бросаетъ совершенно новый свѣтъ на ближайшее наше прошлое и одно только даетъ ключъ къ уясненію задачи настоящаго. Вся, въ цѣломъ, устновка предреволюціоннаго сознанія русскаго, — общественнаго, политическаго, научнаго, даже отчасти и духовнаго, — съ его устремленіемъ къ преодолѣнію нашего прошлаго, къ освобожденію отъ него, обусловливаетъ то, что въ искаженномъ видѣ отражается Россія, во всемъ наслѣдіи предреволюціонной эпохи. Надо ли удивляться тому, что и внѣшній міръ привычно воспринимаетъ «царизмъ», какъ темное царство? Паѳосъ обличенія его преимущественно вдохновлялъ вождей тогдашняго общества, и только присущая рускому человѣку чуткость къ правдѣ

сдѣлала то, что художественная литература, часто вопреки политическимъ убѣжденіямъ авторовъ, обезсмертила подлинную Россію, со всѣмъ ея исконнымъ богатствомъ. Но убѣжденныхъ, т. ск. принципіальныхъ апологетовъ этого богатства мы найдемъ мало. Во всякомъ случаѣ не они были властителями думъ. Пониманіе этого заставляетъ насъ переоцѣнивать всѣ былыя оцѣнки, воздвигая на новомъ основаніи пирамиду культурныхъ цѣнностей всего нашего долголѣтняго прошлаго.

И другое еще открывается намъ. Россія, вѣрная своему духовному содержанію исходному, т. е. Россія церковно-православная, выросла внѣ режима свободы гражданской. Это — первоосновный фактъ русской исторіи. Переходъ же ея къ режиму свободы — что было историческимъ заданіемъ Императорской Россіи, блистательно ею исполненнымъ! — такъ называемая «эмансипація» Россіи обернулась — увы! — использованіемъ этой свободы для все большаго отпаденія отъ Православія. Можно безъ обиняковъ сказать: Россія, какъ духовное цѣлое, не выдержала экзамена свободы. Этимъ опредѣляется и смыслъ того испытанія, предъ которымъ стоитъ каждый русскій человѣкъ современный, обладающій безцѣннымъ благомъ свободы: способенъ ли онъ ее употребить на то, чтобы остаться сыномъ Исторической Россіи, вѣрнымъ ея духовному существу, или остается онъ продолжателемъ, приведшей Россію къ гибели, «эмансипаціи» антиправославной? Подъ этимъ угломъ зрѣнія особенное значеніе обрѣтаетъ задача усвоенія нами здраваго пониманія нашего прошлаго, какъ сокровищницы духовной.

Удѣлъ Россіи исключительный. Являя этнографическое многообразіе, лишенное общаго историческаго прошлаго, способнаго создать національную культуру, сколько нибудь отчетливо сложившуюся, русскій народъ, въ состояніи еще, такъ сказать, культурнаго младенчества, оказался наслѣдникомъ культуры церковно-православной, ко времени выхода русскаго народа на историческую арену достигшей полнаго своего развитія — можно даже сказать завершеннаго. Въ Византіи церковно-православная культура явила все, что Господь открылъ людямъ, въ предѣльной полнотѣ доступнаго имъ вѣдѣнія. Задачей человѣчества оставалось только хранить это безцѣнное богатство. Для этой цѣли и оказался призванъ входящій въ историческую жизнь народъ, лишенный культурно-историческаго прошлаго, а потому способный освоить все это богатство во всецѣлой его полнотѣ, ничего своего не привнося. Ни грекъ, ни римлянинъ, ни даже германецъ не были способны на это: сознаніемъ ихъ владѣла въ значительной мѣрѣ до-христіанская ихъ культура. Создали, по преимуществу, церковно-првославную культуру греки, но она не стала для грековъ культурой общенародной. Таковой она стала

только въ Россіи. А для того, чтобы это стало возможнымъ, Промысль Божій такъ устроилъ, что получили мы Православіе уже облаченнымъ въ славянскую рѣчь. Вѣкомъ раньше началась эта духовная работа, предназначенная не для насъ, на чужихъ намъ почвахъ возросшая и достигшая расцвѣта, чтобы, испытавъ подлинную катастрофу, найти новое поприще, значенія уже вселенскаго, въ образѣ возникающей, какъ Православное Цѣлое, Россіи. Изъ Кирилло-Меѳодіевскаго богодухновеннаго дѣла выросла Историческая Россія. Эта Россія, ставъ православной, стала всецѣло православной. Въ этомъ — промыслительное своеобразіе Россіи. Народное умоначертаніе слилось съ Православіемъ нераздѣльно. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ, остановивъ свое вниманіе на такъ называемыхъ «былинахъ», т. е. на народномъ эпосѣ, въ которомъ на зарѣ Исторической Россіи отразилась душа народная съ силою несравненной и во всей полнотѣ человѣческихъ горизонтовъ.

II.

«Былины», какъ обнаруженіе слитности народнаго умоначертанія съ Православіемъ. Гдѣ сохранились онѣ? Циклъ былинъ. Два поколѣнія богатырей. Характеристика отдѣльныхъ богатырей. Илья Муромецъ, какъ русскій идеалъ человѣка-христіанина.

«Былина» — слово литературное, пущенное въ оборотъ этнографомъ-любителемъ Сахаровымъ. Народъ называетъ эти пѣсни «старинами» или «старинками». Подлинные тексты ихъ были впервые записаны въ Сибири, во второй половинѣ XVIII в., Киршею Даниловымъ. Въ составѣ другихъ пѣсенъ ими заинтересовался П. В. Кирѣевскій, а спеціально искать и записывать ихъ стали въ срединѣ XIX в. П. Н. Рыбниковъ, а за нимъ А. Ф. Гильфердингъ. Гдѣ же обнаружились онѣ въ сохранности своей? Не тамъ, гдѣ онѣ возникли, а совсѣмъ въ другомъ концѣ Россіи: въ Заонежьѣ, на русскомъ Сѣверѣ. Историческія событія растоптали эти поэтическіе цвѣты на Югѣ Россіи, а населенный выходцами изъ этихъ мѣстъ Сѣверъ, далекій отъ смѣняющихся впечатлѣній городской жизни и отъ политическихъ катастрофъ центральной Россіи, сумѣлъ пронести это сокровище нетронутымъ чрезъ многіе вѣка. Изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыя «старины» донесли до современности самыя малыя детали былого сказа. «Гнѣдой туръ», «ковыль-трава», «сырой дубъ», «раздолье — чисто поле». Чуждыя то слова, непонятныя сказителю. Но — «изъ пѣсни слова не выкинешь»: «такъ поется, такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ». То, что сохранились былины именно на сѣверѣ, является свидѣтельствомъ, яркимъ и неопровержимымъ, единства Россіи и дѣлаетъ безнадежной попытку истолковать Кіев-

скій періодъ русской исторіи, какъ дѣло «украинскаго» народа, тогда не существовавшаго. Законсервированность же текста въ безошибочной памяти народной открываетъ намъ возможность въ образѣ былинъ воспринимать подлинное умоначертаніе нашихъ далекихъ предковъ. И тутъ невольному удивленію даешься: въ какой мѣрѣ глубоко-христіанскимъ является духъ былинъ!

Былины образуютъ цѣлостный циклъ, охватывающій всю полноту жизни. Богатыри выведены двухъ поколѣній. Изъ старшихъ особо знаменитъ Святогоръ — воплощеніе физической силы, которая виситъ надъ нимъ тяжкимъ грузомъ. То сила — непросвѣтленная, и она — посрамляется. Похваляясь силой («какъ бы я тяги нашелъ — такъ бы я всю землю поднялъ!»), наѣзжаетъ Святогоръ на «сумочку переметную». Ухватился онъ за нее. Вытащить не можетъ — но и отказываться не хочетъ! такъ онъ и въ землю ушелъ, «угрязъ!» «Тутъ ему было и конченіе». «Тяги то земли онъ нашелъ, а Богъ его попуталъ за похвальбу», умозаключаетъ сказитель. Знаменитъ и Микула Селяниновичъ — воплощеніе скромной рабочей крестьянской силы. Ею посрамляется сила богатыря-охотника, могучаго, дружиной окруженнаго, Вольги Святославича. Разговоръ между ними завязывается, а тутъ какъ разъ встрѣтилась надобность Микулѣ «сошку» изъ земли вытянуть: казалось бы, дѣло пустое для могучихъ охотниковъ на всякаго звѣря. А вотъ никто ее сдвинуть не можетъ. Тогда Микула, однимъ махомъ, ее забрасываетъ за кусты. Изъ младшихъ богатырей особенно знамениты: Добрыня Никитичъ, боярскаго рода, отличающійся «вѣжествомъ», умница, красавецъ, гусляръ, мужество сочетавшій съ глубоко христіанскимъ сердцемъ; Алеша Поповичъ, острый, умный, храбрый, но съ пороками хвастливости и зависти, не безъ лукавства; выше же всѣхъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ. Это — идеалъ русскаго человѣка, какъ христіанина углубленнаго!

Поразителенъ самый прологъ его дѣятельности. Инвалидъ онъ. Тридцать три года сидитъ онъ сиднемъ и вызывается къ дѣятельности чудомъ, совершеннымъ надъ нимъ Христомъ и апостолами, явившимися къ нему въ образѣ нищихъ — «каликъ перехожихъ». Тутъ же даютъ они ему напутствія, исполненныя глубокаго христіанскаго смысла. Но не сразу идетъ Илья на подвигъ, на послушаніе свое. Исполняетъ онъ предварительно всю, безъ остатка, очередную крестьянскую работу, а потомъ уже идетъ къ отцу — за благословеніемъ. Высоко-значительно это благословеніе:

«Я на добрыя дѣла тебѣ благословеніе дамъ,
А на худыя дѣла благословенія нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина».

На практикѣ еще глубже проявляетъ Илія христіански-просвѣтленную осторожность дѣйствій. Нападаютъ на него станишники, по

нашему, русскому, разбойники: замыслили они ограбить и убить его. Что же дѣлаетъ Илія? Ему жалко ихъ убить до смерти — вотъ и стрѣляетъ онъ, старый, по сыру дубу, и отъ того грому попадали станишники, «а и пять часовъ безъ ума лежатъ». Поднялъ ихъ Илья. Тѣ ему въ ноги: просятъ у нихъ атаманомъ быть! А Илія въ отвѣтъ, что ѣдетъ онъ «къ Владиміру князю на вспоможеніе, на его обереженіе». Мы видимъ, какимъ великимъ и важнымъ долгомъ воспринимаетъ Илья свое «богатырство». Приближаясь къ Кіеву, освобождаетъ онъ прямой путь, ставшій непроѣзжимъ изъ-за Соловья-Разбойника, и пріѣзжаетъ къ Владиміру-князю, привозя съ собою плѣнникомъ это чудище, воплощавшее въ себѣ разбойничью удаль, мѣшавшую общежитію. Такъ строится и въ дальнѣйшемъ весь подвигъ богатырскій Ильи — какъ, дѣйствительно, «береженіе» всего святаго и цѣннаго.

Надо ли удивляться тому, что нерѣдко отожествляли со сказочнымъ богатыремъ одного Илію, тоже Муромца, почивающаго среди подвижниковъ Кіево-Печерскихъ!

Въ заключеніе представимъ живой образъ пѣвца, какъ онъ данъ намъ въ книгѣ В. Харузиной «На Сѣверѣ» (1890 г):

«Вошелъ Утка, невысокаго роста старикъ, коренастый и плечистый. Сѣдые волосы, короткіе и курчавые, красиво обрамляли высокій лобъ, рѣдкая бородка клинушкомъ заканчивала морщинистое лицо съ добродушными, немного лукавыми губами и большими голубыми глазами. Во всемъ лицѣ было что-то простодушное, дѣтски безпомощное. Почванившись немного, Утка, ободряемый присутствующими, рѣшился выпить рюмочку для голоса. «Про кого же пѣть старину тебѣ», — спросилъ онъ, сбрасывая съ себя теплый армякъ и откидывя немного назадъ свою голову. «Записывать станешь?» Старикъ уже пѣлъ былины Гильфердингу. Утка откашлкялся — всѣ тотчасъ замолчали. Утка далеко откинулъ назадъ свою голову, потомъ съ улыбкой обвелъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и, замѣтивъ въ нихъ нетерпѣливое ожиданіе, еще разъ быстро откашлянулся и началъ пѣть. Лицо старика-пѣвца мало-помалу измѣнялось, исчезло все лукавое, дѣтское и наивное. Что-то вдохновенное выступило на немъ: голубые глаза расширились и разгорѣлись, ярко блестѣли въ нихъ двѣ мелкія слезинки, румянецъ пробился сквозь смуглость щекъ, изрѣдка нервно подергивалась шея.

«Онъ жилъ со своими любимцами-богатырями, жалѣлъ до слезъ немощнаго Илью Муромца, когда онъ сиднемъ сидѣлъ 30 лѣтъ, торжествовалъ съ нимъ побѣду его надъ Соловьемъ Разбойникомъ. Иногдѣ онъ прерывалъ себя, вставляя отъ себя замѣчанія. Жили съ героемъ былины и всѣ присутствующіе. По временамъ возгласъ удивленія невольно вырывался у кого-нибудь изъ нихъ, по временамъ дружный смѣхъ гремѣлъ въ комнатѣ. Иногда прошибала слеза, которую онъ тихонько смахивалъ съ ресницъ. Всѣ сидѣли, не сводя глазъ съ пѣвца, каждый звукъ этого монотоннаго, но чуднаго, спо-

койнаго мотива ловили они. Утка кончилъ и торжествующимъ взглядомъ окинулъ все собраніе. Съ секунду длилось молчаніе, потомъ со всѣхъ сторонъ поднялся говоръ.

— Ай да старикъ, какъ поетъ, ну ужъ потѣшилъ...»

III.

Церковно-славянскій языкъ. Великое дѣло «солунскихъ братьевъ». Судьба его. Единственность его. Освоеніе его возникающей Россіей. Языкъ Церкви становится языкомъ народа. Неизреченное значеніе этого.

Промыслъ Божій проявилъ особую заботу о томъ, чтобы возникающая Россія могла стать, дѣйствительно, **всецѣло** православной: явлена была Вѣра Православная Руси на языкѣ ей доступномъ. Въ основѣ всего культурнаго бытія Россіи лежитъ Кирилло-Меѳодіевское дѣло, не для нея возникшее, но ей въ конечномъ счетѣ послужившее. Будучи призваны къ миссіонерской дѣятельности, «солунскіе братья» поняли, что просвѣщать народъ безъ письменъ все равно, что писать слова по водѣ. «Душа безбуковная мертва является въ человѣкахъ», писалъ св. Кириллъ. И вотъ на родной свой языкъ стали переводить братья богослужебныя книги, для чего составленъ былъ новый алфавитъ, близкій къ греческому, т. наз. «кириллица» (въ отличіе отъ «глаголицы», другого алфавита, близкаго къ восточнымъ знакамъ, параллельно возникшаго, но историческаго значенія не получившаго).

Первыми словами, начертанными на славянскомъ языкѣ были начальныя слова Евангелія отъ Іоанна «Въ началѣ бѣ слово», чтеніемъ которыхъ начинается на литургіи Свѣтлаго Христова Воскресенія новый церковный годъ. Этими словами начинается Евангеліе «апракосъ» (недѣльное), содержащее лишь тѣ евангельскіе тексты, которые читаются за воскреснымъ и праздничнымъ богослуженіемъ (въ отличіе отъ четвероевангелія, «тетра», содержащаго въ очередномъ порядкѣ всѣ четыре Евангелія). Начато было это великое дѣло уже на закатѣ дней св. Кирилла, когда братья были отправлены въ Моравію (первой ихъ большой миссіонерской экспедиціею была поѣздка въ Крымъ и къ хазарамъ, когда, можетъ быть, посѣтили они и Кіевъ). 862 годъ принято считать датой возникновенія новой грамоты, и въ теченіе короткихъ лѣтъ, до 867 г., когда кончилъ свои дни св. Кириллъ въ Римѣ (принялъ онъ это имя предъ смертію въ схимѣ, въ жизни же именовался Константиномъ), св. братья, имѣя центръ въ Велеградѣ, положили прочное основаніе церковно-славянской культурѣ. Римъ первоначально не препятствовалъ имъ. Даже съ честію встрѣчены были святые братья Римомъ, когда лично прибыли туда, привезя мощи св. Климента, обрѣтенныя ими въ Крыму. Но скоро обстановка рѣзко измѣнилась.

Предъ смертiю своей св. Меѳодiй говорилъ своимъ ученикамъ: «Дни мои сочтены, послѣ моей кончины придутъ злые волки, которые будутъ стараться соблазнить народъ, но вы имъ противустойте, будьте тверды въ вѣрѣ». Успѣлъ св. Меѳодiй, въ ожиданiи ухода въ другой мiръ, совершить истинное чудо: въ шестимѣсячный срокъ, при помощи двухъ учениковъ-скорописцевъ, переведены были священныя книги, кромѣ книги Маккавеевъ. Съ его смертью начались преслѣдованiя. Богослуженiя на славянскомъ языкѣ были запрещены, и лжеучителями объявлены были св. братья. Бѣжали въ Болгарiю ученики св. Меѳодiя, и тамъ продолжали ревностно служить дѣлу просвѣщенiя церковнаго. Такъ возникъ золотой вѣкъ болгарской православной культуры, связанный съ именемъ царя Симеона.

Успѣли св. братья бросить сѣмена Православiя и въ Чехiи (св. Людмила и св. Вячеславъ; Сазавская обитель, основанная св. Прокопiемъ) и въ Польшѣ. Но это было непрочно: Чехiя и Польша подпали влiянiю литинства. Иного можно было ожидать въ Болгарiи, но она, вступивъ въ политическое соперничество съ Византiею, была, въ конечномъ счетѣ, ею разгромлена. Тяжкимъ ударамъ тогда подверглась и церковная культура, поскольку она оказалась связанной со славянскимъ языкомъ, ставшимъ роднымъ для просвѣтленной свѣтомъ Православiя Болгарiи, хотя этническая окраска ея была тюркская (завоеватели-болгары). Въ этотъ моментъ могло казаться, что катастрофа полная постигла дѣло св. братьевъ и ихъ учениковъ. Но тутъ то и открылось новое великое поприще для церковно-славянской культуры: приняла какъ разъ къ этому времени крещенiе, окончательное и повсемѣстное, Русь. И такъ вышло, что наше отечество возымѣло счастье принять Православiе, пусть и отъ грековъ, но опосредствованное церковно-славянской культурой Кирилло-Меѳодiевской, т. е. понятное всецѣло и приносимое, въ значительной мѣрѣ, къ намъ непосредственно людьми этой близкой намъ культуры — бѣженцами-эмигрантами болгарскими, покидавшими свою страну въ силу разгрома ея, нарочито направленнаго противъ церковно-славянской культуры.

Неизреченно велико значенiе этой культуры. Церковно-славянскiй языкъ — явленiе единственное въ мiровой культурѣ. Онъ не выросъ стихiйно, а возникъ творческихъ порывомъ отдѣльныхъ людей, находившихся подъ дѣйствiемъ Духа Св. Богодуховновенный текстъ греческiй превращался въ Богодухновенный же текстъ славянскiй, точно ему соотвѣтствующiй. И это было воспроизведенiе не механическое, слѣпо копирующее и расположенiе словъ и всѣ грамматическiя особенности, а настолько осмысленное, что фотографическая точность сопровождалась точностiю смысловой. Это былъ единственный въ исторiи человѣчества актъ индивидуальнаго творчества, оказавшагося способнымъ дать начал **великому** языку, имѣющему, притомъ, особое назначенiе: **служить Цер-**

к в и. Многіе языки бывали, такъ или иначе, использованы для служенія Богу, но церковно-славянскій языкъ, по самому своему наименованію, есть языкъ для Богопознанія, для Богослуженія, для молитвеннаго славословія нарочито созданный. Въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ даже тотъ оригиналъ, который имъ воспроизводился. И это безцѣнное сокровище, вытѣсненное изъ тѣхъ странъ, для которыхъ оно было первоначально создано, сдѣлалось достояніемъ возникающей Православной Россіи, ставъ основой ея культурнаго бытія. «На этомъ языкѣ, говоритъ лучшій знатокъ вопроса, Шахматовъ, и писали и говорили: говорило духовенство, совершая богослуженіе и обращаясь къ народу съ проповѣдью, говорили послы въ торжественныхъ рѣчахъ, говорили такъ или иначе всѣ вообще лица, прошедшія школы, основывавшіяся на Руси въ XI вѣкѣ».

Языкъ Церкви сталъ языкомъ народа: явленіе тоже единственное въ міровой исторіи. Церковно-славянскій языкъ сталъ квалифицированнымъ, т. ск. литературнымъ русскимъ языкомъ. Рядомъ съ нимъ продолжалъ существовать, конечно, близкій къ нему языкъ бытовой, разговорный, народный, живой, дѣловой, испытывая на себѣ вліяніе «литературнаго» языка и самъ на него вліяя — по тѣсной близости. Но авторитетъ этого «литературнаго» языка былъ въ глазахъ народа недосягаемъ: вѣдь то былъ языкъ святыни! И, опять таки, особенностію неповторимой русскаго культурнаго бытія стало то, что «литература» отожествлялась съ церковностію ,ибо на Руси «культура» исчерпывалась ею. Отсюда то совершенно особое положеніе, которое заняла «книга» въ сознаніи русскаго человѣка. «Нужно отрѣшиться, говоритъ одинъ изслѣдователь русскихъ древностей, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о книгѣ. Книга въ то время была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ въ наши дни телеграфы и телефоны. Глядитъ человѣкъ въ книгу и знаетъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человѣкъ на самаго себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать и что послѣдуетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты неграмотный человѣкъ сталъ на Руси человѣкомъ темнымъ. Книга — это была мудрость, предъ которой казались ничтожнымъ всѣ хитрости волхвовъ и мудрецовъ. Книга — это глаголы самаго Бога, и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдуетъ съ самимъ Богомъ» (Барсовъ). Никакой иной книги, лишенной святаго содержанія, русскій человѣкъ и не представлялъ себѣ. Какъ святыня она и почиталась. Подвигомъ благочестія было дѣло переписки ея, и этотъ подвигъ принимали на себя иногда сами великіе князья. Рядомъ съ иконой было ея мѣсто, и вмѣстѣ съ иконами спасали ее, какъ величайшую цѣнность, во время бѣдствій.

А, вмѣстѣ съ тѣмъ, языкъ этой книги, несмотря на всю его неиз-

реченную глубину и высоту, былъ понятенъ самому простому русскому человѣку. Это былъ — его языкъ. Конечно разнился языкъ разговорный по мѣстамъ, но то были различія незначительныя. Куда бы ни приходилъ русскій человѣкъ, по всему лицу своей земли — вездѣ, входя въ храмъ Божій, онъ слышалъ тотъ же свой языкъ. «Новгородецъ въ Суздалѣ, черниговецъ въ Полоцкѣ слышалъ въ церкви тотъ же языкъ, какъ у себя дома» (Костомаровъ).

Не слѣдуетъ думать, будто языкъ разговорный гдѣ либо особенно рѣзко отличался отъ обще-церковнаго, будто, въ частности, существовалъ особый малороссійскій языкъ, отличный отъ великороссійскаго: общей была вездѣ основа языка, близкая къ великороссійскому. Это ясно изъ того, что не найдешь нигдѣ на книжномъ языкѣ того времени никакого языковаго вліянія иного. «Если бы Несторъ и продолжатели его, кіевскіе лѣтописцы, были малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобы они не дали нигдѣ примѣтить своего малороссійскаго происхожденія?» (Погодинъ). Попадаются, конечно, слова «народныя», но «вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти ,а не чоботы; квасъ, медъ, жито и т. п.». «Дайте прочесть лѣтопись малороссіянину, онъ пойметъ ихъ только поколику понимаетъ великороссійское и церковное нарѣчіе, а свое нарѣчіе не окажетъ ему никакой пользы для уразумѣнія». О томъ же говоритъ Шахматовъ: «И Гюрята новгородецъ, и Павелъ ладожанинъ въ бесѣдѣ съ кіевскимъ лѣтописцемъ, и дерзкій волхвъ новгородскій въ спорѣ съ епископомъ Ѳеодоромъ и княземъ Глѣбомъ, сыномъ Святослава Черниговскаго, и котопанъ корсунскій на пиру у князя Тмутараканскаго, и несчастный Василько въ своихъ душевныхъ изліяніяхъ во дворѣ Вакеевѣ во Владимірѣ Волынскомъ, говорили приблизительно одинаковымъ языкомъ, по происхожденію древне-болгарскимъ съ тою или иною мѣстной примѣсію».

То былъ единый языкъ, разнящійся нѣсколько по мѣстамъ, но не только со временемъ не утрачивавшій живаго единства, а, напротивъ, постоянно обновлявшій его подъ воздѣйствіемъ церковнаго языка, ставшаго и оставшагося «литературнымъ» на всемъ протяженіи русской земли до петровскихъ реформъ, ибо составлявшимъ прочную основу русской культуры. Церковь своимъ языкомъ сплачивала въ единую культурную семью все русское множество, такъ сказать, по горизонтали, и она же, тѣмъ же своимъ языкомъ, объединяла русское множество и, такъ сказать, по вертикали, сохраняя въ единствѣ всѣхъ и во времени, а не только въ пространствѣ. Ни одна другая страна не имѣетъ великаго преимущества, нами обладаемаго: понимать письменные акты и всякія проявленія словесности на всемъ тысячелѣтнемъ протяженіи исторіи своей. Это намъ далъ церковно-славянскій языкъ, который остался живымъ даже и послѣ Петра, образуя, въ частности, ту языковую стихію, которая питала новый литературный языкъ, постепенно слагавшійся въ періодъ Имперіи. Только наше вре-

мя носить на себѣ печать разобщенія съ церковно-славянской стихіей, и это грозное явленіе свидѣтельствуетъ о всей глубинѣ духовнаго одичанія, нами переживаемаго, упраздняющаго основу нашего истрическаго бытія.

IV

Ближайшая характеристика древней книжности. Главныя ея предметы. Библія, Прологъ, Четьи-Минеи, Изборники. Чужое и свое. Древнѣйшіе памятники. Похвала князю Владиміру митрополита Иларіона, какъ образецъ достигнутаго русскими совершенства. Завершительная молитва, вошедшая въ обиходъ древней Руси. «Слово» митр. Иларіона, какъ свидѣтельство самобытности русской культуры. Въ чемъ эта самобытность еще проявилась? Значеніе эпохи Ярослава Мудраго по свидѣтельству лѣтописи.

Книга, ставшая достояніемъ принявшей крещеніе Руси, была, какъ мы видѣли, не предметомъ развлеченія, не источникомъ освѣдомленія, удовлетворяющимъ пытливость, а глаголомъ жизни вѣчной. Отъ простоты «безбуковности» русскій человѣкъ непосредственно переходитъ къ простотѣ высшаго вѣдѣнія, безраздѣльно открывая для его пріятія свое простое сердце. Что же являла собою эта, обнимавшая весь духовный кругозоръ русскаго человѣка, книга, на близкомъ ему языкѣ раскрывавшая полноту Богопознанія? То была прежде всего Библія: полностію Завѣтъ Новый и не совсѣмъ полный Завѣтъ Ветхій. Извѣстны далѣе: «Прологъ», какъ ошибкой перваго переводчика названы были краткія житія каждаго дня (синаксарій); Четьи Минеи (т. е. чтомыя мѣсячныя, подраз. книги), — подробныя житія, по днямъ же; патерикъ или отечникъ, т. е. сборникъ житійныхъ повѣствованій; историческія хроники; собранія проповѣдей; сборники разныхъ душеполезныхъ сочиненій, т. н. «изборники», любимѣйшій типъ книги на Руси.Переписывались и отдѣльныя сочиненія свято-отеческой литературы. Особое мѣсто занимали богослужебныя книги. Попадали и книги, отвергаемыя Церковью, по ихъ недостовѣрности или даже предосудительности (т. н. апокрифическая или отреченная литература): она не выходила изъ круга церковныхъ вопросовъ, но привносила «мудрованіе» человѣческое. По общему правилу это было все «чужое», — по началу. Только переписка была дѣломъ русскихъ образованныхъ людей. Появляется постепенно и «свое», уже не переводное, а оригинальное. Подвижническій опытъ Кіево-Печерской Лавры раждаетъ Патерикъ Печерскій. Прославленіе страстотерпцевъ Бориса и Глѣба обусловливаетъ появленіе службы имъ. Книжность быстро становится на Руси дѣломъ высоко цѣнимымъ и напряженно культивируемымъ. Сохранившимися древнѣйшими памятниками ея являются т. н. Остромирово Евангеліе, писанное для новгородскаго посадника Остромира

въ княженіе Изяслава Кіевскаго (1056-7 г.г.), «Избраникъ Святослава» въ спискахъ 1073 и 1076 г.г. и Евангеліе Мстислава (сына Владиміра Монамаха), знаменитое своимъ богатѣйшимъ окладомъ, особо изготовленнымъ въ Царьградѣ.

Памятникомъ того совершенства, котораго достигла Русь въ дѣлѣ книжномъ, можетъ служить слово митр. Иларіона въ похвалу равноапостольному кн. Владиміру, произнесенное при Ярославѣ Мудромъ. Оно стоитъ на уровнѣ высшихъ достиженій Византійской церковной культуры. Приведемъ нѣсколько заключительныхъ фразъ:

«Встань изъ гроба твоего, честная главо! Встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь, до общаго возстанія. Встань, ты не умеръ. Не свойственно умирать тебѣ, когда ты увѣровалъ во Христа, жизнь всего міра. . . Встань, посмотри на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержатъ они благовѣріе, тобою переданное, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство, посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый святыми и божественными пѣснопѣніями, и, видѣвъ все это, возрадуйся, возвеселись и восхвали благого Бога, строящаго все сіе. . . Слѣпы мы были отъ бѣсовскаго заблужденія — но чрезъ тебя увидѣли свѣтъ Трисолнечнаго Божества, нѣмы были мы — но ты научилъ насъ говорить, и нынѣ уже всѣ мы, малые и великіе, славимъ Единосущную Троицу. . . »

Сила подлинника нѣсколько теряется при переводѣ на современный языкъ.

Приведемъ нѣсколько строкъ и молитвы, которая этимъ же святителемъ была составлена и которая и на московской Руси ежегодно читалась на молебнѣ 1 сентября, т. е. церковнаго Новаго Года: «Укротися, умилосердися на люди Твоя: ратные прожени, миръ утверди, а страны укроти ,градъ угобзи, благовѣрнаго князя нашего (имя рекъ) языкомъ огради, боляры умудри, грады разсели, церковь Твою возрасти, достояніе Твое соблюди, мужи и жены и младенцы спаси, сущая въ работѣ и въ плѣненіи и въ заточеніи и на путѣхъ и въ плаваніихъ, въ темницахъ, и въ алкотѣ, въ жаждѣ и въ наготѣ — вся помилуй и обрадуй».

Высокое совершенство иларіоновскаго слова можетъ быть оцѣнено по достоинству только въ перспективѣ исторической. На дѣвственной почвѣ возникнувъ, русская церковная культура изначала обнаружила не только поразительную переимчивость русскаго человѣка, но и многообразную его одаренность. То, что сохранилось отъ древности нашей въ области храмозданія и иконописи, свидѣтельствуетъ о неизмѣнномъ привносѣ «своего»: создавалась съ пер-
отъ древности нашей въ области храмозданія и иконописи, свидѣ-
ныя достиженія требуютъ обычно нарочито длительной подготовки,

почему появленіе у насъ, на самой зарѣ нашего «культурнаго» бытія, произведеній церковной словесности, носящихъ характеръ литературнаго шедевра, должно быть особо отмѣчено. Вообще, нельзя достаточно сильно подчеркнуть черты подлинной чудодѣйственности въ дѣлѣ расцвѣта русской церковной культуры: точно пробуждены были какія то огромныя спящія силы, оказавшіяся способными слить этническую смѣсь въ нѣкое духовное цѣлое, которое, продолжая «тянуть розно» политически и являя необыкновенную непосѣдливость, раждало, несмотря на тѣсную связь съ сосѣдними культурами, самобытное культурное единство — нераздѣльное.

V

Церковь, какъ источникъ внѣшняго объединенія Руси. Церковь, какъ источникъ и внутренняго единства. Внутреннее содержаніе жизни, ..дарованное Церковью. Значеніе Кіево-Печерской Лавры. Глубина проникновенія церковной культуры въ какихъ словахъ находитъ выраженіе, по сравненію съ Западомъ? Поученіе Луки Жидяты, какъ свидѣтельство о новомъ укладѣ жизни. Основныя черты этого уклада. Отношеніе Руси къ латинству. Завѣщаніе преп. Ѳеодосія кн. Изяславу. Отвѣтъ папѣ Клименту митрополита Іоанна.

Здѣсь умѣстно отмѣтить, что съ именемъ Ярослава Мудраго связана эпоха расцвѣта русской церковной культуры, что нарочито засвидѣтельствовала лѣтопись подъ 1037 годомъ, когда «заложилъ Ярославъ градъ великій, у того же града Золотыя Ворота, заложилъ же и церковь святой Софіи. . .»: «И стала при немъ вѣра христіанская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться, и любилъ Ярославъ церковные уставы, поповъ любилъ немало, особенно же черноризцевъ, и книги любилъ, читая ихъ часто и ночью и днемъ. И собралъ писцовъ многихъ, а переводили они съ греческаго на славянскій языкъ. И написали они книгъ множество, ими же поучаются вѣрующіе люди и наслаждаются ученіемъ божественнымъ. Какъ если бы одинъ землю вспашетъ, другой же засѣетъ, а иные жнутъ и ѣдятъ пищу неоскудѣвающую, такъ и этотъ. Отецъ его Владиміръ землю вспахалъ и размягчилъ, то есть крещеніемъ просвѣтилъ. Этотъ же засѣялъ книжными словами сердца вѣрующихъ людей, а мы пожинаемъ, ученіе принимая книжное» .

Кіевская Русь занимаетъ особое мѣсто въ исторіи Россіи: свободныя взаимоотношенія всецѣло господствовали тогда — въ отличіе отъ всего послѣдующаго времени. Если самое пріобщеніе къ христіанству русскаго народа не огнемъ и мечемъ было осуществлено, а добрымъ примѣромъ и проповѣдью, то и установившееся исповѣданіе новой вѣры явилось дѣломъ сердца, искренно устре-

мившагося ко Христу. В ѣ р а объединяла Русь **вопреки** массѣ перекрещивающихся вліяній, готовыхъ отвлечь отъ нея, и это была вѣра истинная, способная свободно и сознательно защищать себя. Многозначительнымъ было греческое имя «РОСІЯ» (черезъ одно С!) :имъ обозначалась Русь, какъ единый митрополичій округъ Греческой Церкви. И то было е д и н с т в е н н о е ВНѢШНЕЕ проявленіе единства Руси! Церковь же опредѣляла всецѣло и внутреннее единеніе жизни. «Новгородецъ въ Суздалѣ, черниговецъ въ Полоцкѣ слышалъ тотъ же языкъ въ церкви, какъ у себя дома, видѣлъ тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать тѣхъ же святыхъ... Православная церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ формъ, обычаевъ... Образовались разныя приличія и правила общежитія, общія для всей русской земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы. . . Образовывалось паломничество, которое съ одной стороны увеличивало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святыни. Наконецъ, вводились церковные законы, которые развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всѣхъ краяхъ одинаковое воззрѣніе на святость права» (Костомаровъ).

Огромное вліяніе имѣла Кіево-Печерская лавра. «Изъ Печерскаго монастыря разносилось образованіе по областямъ русскимъ съ епископами, назначенными изъ иноковъ, и всякая новая епархія дѣлалась новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь гимназіей, а новая церковь народнымъ училищемъ». (Погодинъ). Глубина проникновенія христіанства въ толщу народную наглядно проявилась въ общемъ наименованіи селянъ «крестьянами» (христіанами), въ отличіе отъ «поганыхъ» язычниковъ («paganus») — тогда какъ на Западѣ, напротивъ, слово «селянинъ», отожествившись со словомъ «пагапусъ», стало синонимомъ язычника.

Образцомъ утверждаемаго Церковью уклада жизни можетъ служить пастырское посланіе перваго на Руси русскаго по крови епископа, подъ наблюденіемъ котораго строилась новгородская Софія, Луки Жидяты (или Жиряты). «Прежде всего должны мы, братія, хранить сію заповѣдь — вѣровать во Единаго Бога, въ Троицѣ славимаго... Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, вѣчной мукѣ грѣшниковъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь къ заутренѣ, къ обѣднѣ, къ вечернѣ, и въ своей клѣти, отходя ко сну, поклонись Богу, а потомъ ложись. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молите Бога всей душой, да проститъ вамъ Богъ грѣхи. Имѣйте любовь ко всякому человѣку.. Не рой брату яму, чтобы тебя не ввергъ Богъ въ худшую. Люби правду и за правду, за Божій законъ, готовъ будь умереть, чтобы Богъ причелъ тебя къ святымъ. Переносите другъ отъ друга обиды... Не осуждай брата и мысленно... Милуйте странныхъ, убогихъ, заключен-

ныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (рабамъ) будьте милостивы... Бѣсовскихъ игрищъ творить не слѣдуетъ... Не унижай другихъ... Не будьте буйны и горды, а считайте другихъ лучшими себя... Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ. Не клянитесь именемъ Божіимъ и другаго не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите. Денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, царя чтите... Не убивай, не крадь, не лги... блуда не твори, не пей не во время и пей умѣренно... не будь гнѣвливъ, ни дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ; не ѣшьте нечистаго, святые дни чтите. Богъ же мира со всѣми. Аминь».

Проникнувшись христіанствомъ, Русь православно его приняла: она распознала ложь латинства и крѣпко отвергла его. Широкую извѣстность пріобрѣло т. наз. Завѣщаніе преп. Ѳеодосія Печерскаго кн. Изяславу, въ которомъ предлагалось оказывать милосердіе всѣмъ, кѣмъ бы кто ни былъ по вѣрѣ: жидъ, или турокъ, или латинянинъ; но за свою вѣру стоять до смерти. Особо значителенъ отвѣтъ папѣ Клименту митр. Іоанна: «Мы знаемъ, что вы изначала христіане, по благодати Божіей, и во многомъ мы одобряемъ васъ. Но вы не во всемъ согласны съ нами и кое въ чемъ отдѣляетесь. Вотъ смотрите. Всѣ признаютъ семь святыхъ и вселенскихъ соборовъ. На нихъ благочестивая и православная вѣра христіанъ изслѣдована, со всею полнотою и убѣдительностью, они семь столповъ богословствующей мудрости, на нихъ построила она свой святой домъ — Вселенскую Церковь...» Объяснивъ потомъ причины раздѣленія, отвѣтивъ на каждое изъ своеволій Рима, Іоаннъ заключаетъ: «изумительно и страшно, какъ дерзаете вы измѣнять и портить Святое Писаніе, хотя бы одною іотою или одной чертою. Ужели не понимаете, какъ великъ этотъ соблазнъ?»

Существенно знать, что связь съ Западомъ и, въ частности, съ Западомъ Латинскимъ, у насъ была достаточно живая. Праздникъ перенесенія мощей св. Николая въ Бари, отвергаемый греками, а нами незамедлительно признанный, есть, какъ это замѣтилъ уже Карамзинъ, «доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ». По католическимъ источникамъ нашъ епископъ былъ на синодѣ въ Бари, въ 1089 г., когда устанавленъ былъ этотъ праздникъ. Связь была порвана, когда осознано было «отступленіе» латинянъ. Николай Угодникъ сталъ особо почитаемымъ русскимъ святымъ, но католики стали для насъ обсолютно чужими.

«Церковь создала единство Русской Земли», справедливо сказалъ Хомяковъ, «Наша старая Русь создана самимъ христіанствомъ... Всѣ прочія связи, рыхлыя и некрѣпкія сами по себѣ, получали крѣпость и освященіе отъ одной этой неразрушимой связи».

VI

Русскія лѣтописи, какъ обнаруженіе церковнаго сознанія. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» и три начальныхъ ея вопроса. Проблема личности Нестора. Характерныя черты лѣтописнаго сказанія. Отличіе «лѣтописца» отъ «историка». Типическое заключеніе Лаврентьевской лѣтописи. Какіе интересы преобладаютъ въ лѣтописи? Міровоззрѣніе лѣтописца. «Знаменія». Оособая миссія русскаго человѣка. Созвучность голоса лѣтописца общенародному сознанію. Особое мѣсто лѣтописи русской среди хроникъ иныхъ народовъ. Оцѣнка ея Шлецеромъ. Иные труды преп. Нестора. Особое значеніе св. кнн. Бориса и Глѣба въ русской жизни.

Однимъ изъ ярчайшихъ проявленій русскаго церковно-православнаго сознанія были русскія лѣтописи, началомъ и образцомъ которыхъ была такъ называемая «Повѣсть временныхъ лѣтъ» (т. е. прошедшихъ лѣтъ), связанная съ великимъ именемъ преп. Нестора. Три основныхъ вопроса ставила себѣ эта «Повѣсть» въ словахъ, которыми начинается она: «Окуду есть пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская Земля стала есть?» Простосердечный разсказъ о начальныхъ судьбахъ Русской Земли поставленъ въ связь съ исторіей міра, въ христіанскомъ ея пониманіи, но одновременно проникнутъ живымъ сознаніемъ, какъ общеславянскимъ, такъ и національно-русскимъ. Русская древность приняла это повѣствованіе, какъ основу своего міропониманія, какъ безспорное выраженіе своего самосознанія. Всѣ лѣтописные своды, гдѣ бы они ни возникали, неизмѣнно начинались воспроизведеніемъ этой «Повѣсти». Современная наука отвергла авторство преп. Нестора въ отношеніи всего того свода, который извѣстенъ подъ наименованіемъ «Начальной лѣтописи». Тѣмъ, однако не умалено значе-Нестора. Онъ былъ завершительнымъ редакторомъ этого громаднаго труда, а не первымъ, какъ думали, его зачинателемъ. Но это не отняло отъ Нестора права на то, чтобы быть воспринимаемымъ, какъ «идеальный» лѣтописецъ, могущій служить прототипомъ Пушкинскаго Пимена. Самая же Начальная лѣтопись остается, непоколебленнымъ никакими изысканіями, основоположнымъ памятникомъ русскаго лѣтописанія, во всей духовной значительности этого явленія. Что же касается Нестора, то онъ является историческимъ лицомъ, о которомъ нѣсколько словъ находимъ мы въ Печерскомъ Патерикѣ. Онъ преставился въ 1114 г. Память его совершается Церковью 27 октября.Мощи его почивали въ пещерѣ св. Антонія, и о немъ могъ сказать архіеп. Филаретъ: «Тотъ, кто описалъ прекраснымъ перомъ и дѣянія первыхъ князей русскихъ и подвиги первыхъ мучениковъ, остался едва не забытымъ потомками, если бы благость небесная не оставила намъ нетлѣнныхъ мощей его».

Характерной особенностію лѣтописнаго сказанія, съ полной от-

четливостію обозначившейся и въ Начальной Лѣтописи, есть абсолютная правдивость изложенія и свѣтлая непосредственность его, вытекающая изъ церковно-православнаго міровоззрѣнія автора, разсматривающаго себя только, какъ свидѣтеля, предъ Богомъ и людьми, явленій, ставшихъ предметомъ его вниманія. Лѣтописецъ не историкъ, въ современномъ смыслѣ слова. Онъ не тщится истолковать событія, объясняя ихъ соціальными, политическими, расовыми, географическими или какими иными причинами. Онъ смотритъ на все бывающее со-внѣ и сверху, съ нѣкой Божіей вышки, каковой является его келья, будучи исполненъ съ одной стороны смиренія, а потому не притязая на то, чтобы пытаться проводить какія бы то ни было свои личныя воззрѣнія въ текстѣ лѣтописанія, а съ другой стороны будучи проникнутъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ предмету своихъ записей. И это не по признаку признанія какой либо особой важности за людьми и событіями, имъ изображаемыми, какъ таковыми, а исключительно по признаку уваженія къ картинѣ домостроительства Божія, такъ ясно и отчетливо предъ его вѣрующими очами раскрывающейся во всемъ, что стало предметомъ его наблюденія.

Типическую настроенность лѣтописца передаетъ прекрасно заключеніе Лаврентьевской лѣтописи, получившей это наименованіе отъ писца ея, свое имя назвавшаго въ этихъ заключительныхъ словахъ. «Радуется купецъ прикупъ совершивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ до конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ... И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду списалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите поправляя Бога дѣля, а не клените, зане книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ Бога Живаго, Ему же слава и держава и честь и поклоненіе со Отцемъ и съ Пресвятымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣки, аминь». Трудъ лѣтописца лишенъ индивидуальнаго значенія. Какъ мы видимъ, въ этомъ трогательномъ заключеніи о себѣ говоритъ инокъ Лаврентій только, какъ о писцѣ, списывающемъ нѣчто незапамятное. Но онъ естественно могъ заносить и новое, продолжая прежнюю запись: ничего личнаго онъ этимъ не вносилъ, цѣликовъ вкладываясь въ міровоззрѣніе общее, всѣхъ объединяющее. Даже такъ свойственный человѣку т. наз. мѣстный патріотизмъ проявляется въ мѣрѣ ничтожной. «Интересы высшіе, духовные являются на первомъ планѣ въ нашей древней лѣтописи, говоритъ знатокъ предмета проф. М. И. Сухомлиновъ: благо всей Земли Русской, нравственное достоинство человѣка-христіанина, благотворное дѣйствіе подвиговъ, совершенныхъ предками — вотъ предметы, которые наиболѣе занимали лѣтописцевъ».

А вотъ къ какимъ основнымъ чертамъ сводитъ тотъ же ученый

общее для лѣтописцевъ міровоззрѣніе, дѣлающее ихъ чѣмъ то исключительнымъ не только въ «литературѣ» исторической нашей, но и вообще въ составѣ аналогичныхъ явленій литературы міровой:

«Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы — Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце человѣка... Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ. Несчастія, постигающія людей, допускаются Богомъ какъ справедливое наказаніе за грѣхи и беззаконія. Не только въ событыіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, осмысливая ихъ, — что показываетъ самое названіе **знаменіе** — какъ явленіе знаменательное, предвѣщающее что-либо доброе или злое... Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла».

Приведенныя слова русскаго ученаго характерны, и какъ свидѣтельство о природѣ лѣтописнаго повѣствованія, и какъ свидѣтельство объ отчужденности современнаго сознанія, «ученаго», отъ простоты «лѣтописнаго» осмысливанія событій, усматривающаго во всемъ дѣйствіе промысла Божія. Мало доступнымъ современному сознанію является и то глубокое убѣжденіе въ особой призванности русскаго человѣка, церковно-православной, которое сквозитъ во всемъ строѣ лѣтописномъ, на протяженіи многихъ вѣковъ. Пусть оно по началу не получаетъ никакого нарочитаго идеологическаго оформленія, является оно, тѣмъ не менѣе, аксіомой. Русскій человѣкъ занимаетъ особое положеніе въ мірѣ, какъ носитель Православія, — въ этомъ непоколебимо увѣренъ каждый лѣтописецъ, гдѣ бы и о чемъ бы онъ ни писалъ. И можно быть увѣреннымъ въ томъ, что мыслилъ онъ такъ въ полномъ согласіи со всей народной толщею, отъ верха до низа, иначе не могло бы быть у лѣтописцевъ такого полнаго господства этого мiроощущенія — повсемѣстно.

Голосъ лѣтописца былъ голосомъ совѣсти народной, вполнѣ созвучной съ голосомъ Церкви, сливавшей свою судьбу съ судьбой народа, ей себя отдавшаго. Огромное явленіе русскаго лѣтописанія въ этомъ смыслѣ есть нѣчто единственное и неповторимое въ мірѣ. Неудивительно, что иные добросовѣстные иностранцы, къ лѣтописи прикасавшіеся, испытывали чувство, близкое къ благоговѣнію, несмотря даже на свою естественную отчужденность, непреодолимую, отъ духовной сути русскаго лѣтописанія. Тутъ нельзя не назвать имени нѣмца Шлецера, судьбой занесеннаго въ Россію, здѣсь получившаго доступъ къ архивамъ, въ то время (средина XVIII в.) только начинавшимъ раскрываться, предметомъ своего особаго вниманія выбравшаго именно Начальную лѣтопись, и потомъ, уже на родинѣ, посвятившаго Нестору большое научное изслѣдованіе. На фонѣ всѣхъ аналогич-

ныхъ западныхъ и византійскихъ памятниковъ письменности, онъ призналъ Нестора единственнымъ подлиннымъ лѣтописателемъ, точнымъ и справедливымъ, и иначе не писалъ о Несторѣ, какъ присоединяя къ нему эпитетъ «честный». Должно намъ, однако, памятовать, что дѣло тутъ не въ личныхъ качествахъ Нестора, явившагося только завершителемъ нѣкоего коллективнаго труда, а въ общей направленности лѣтописанія, органически связанной съ духомъ русской жизни.

Съ именемъ Нестора связаны еще два памятника ранней русской письменности: Житіе Ѳеодосія, игумена Печерскаго, и Житіе Бориса и Глѣба. Съ первымъ Несторъ былъ лично связанъ, при немъ поступивъ въ монастырь. Онъ же удостоился участвовать лично въ обрѣтеніи его мощей. Что касается князей-страстотерпцевъ, то они оказались въ центрѣ вниманія всей Руси (житіе ихъ еще раньше было написано нѣкимъ Іаковомъ мнихомъ). Обостренное вниманіе къ братьямъ, — этимъ, по выраженію историка Соловьева, «первымъ гражданамъ новаго міра», — вызвано было не только тѣмъ, что были они первыми на Руси прославленными святыми, но и особымъ свойствомъ ихъ подвига. Въ условіяхъ необузданной вольницы, господствовавшей на Кіевской Руси, эти «дѣтскіе князья» учили послушанію и покорности. «Видите ли, братіе, поучалъ Несторъ, какъ высока покорность, которую достигли святые въ отношеніи къ брату старѣйшему. Если бы они ему сопротивлялись, то едви ли сподобились бы отъ Бога такого дара чудесъ. Вѣдь многіе дѣтскіе князья, не покоряясь старѣйшимъ и сопротивляясь имъ, нынѣ бываютъ убиваемы, но не получаютъ такой благодати, какъ эти святые». Подвигъ братьевъ являлъ идеалъ христіанскаго жительствованія, рѣзко контрастировавшій съ самоуправной дѣйствительностью, и взывалъ къ совѣсти общественной, какъ укоръ. На этомъ примѣрѣ можно съ особой наглядностью удостовѣриться въ степени внѣдренности христіанскаго міровоззрѣнія въ народную толщу. Св. князья становятся покровителями для всей Руси, Въ разныхъ мѣстахъ возникаютъ въ честь ихъ храмы. Распространеніе широкое получаютъ иконы ихъ. Ихъ избираетъ себѣ въ вожди русскій народъ, тѣмъ самымъ противупоставляя окружавшему его быту устремленность къ иному строю общественныхъ отношеній. И въ высокой степени показательно, что именно св. братья явились тѣми небесными помощниками, которые зримо оказали чудесное содѣйствіе Александру Невскому, въ его борьбѣ съ натискомъ воинствующаго латинства на Святую Русь. Духовная ея природа обнаруживалась не въ блескѣ внѣшнихъ успѣховъ Кіевской Руси, а во внутреннемъ строѣ, «юродивомъ» съ точки зрѣнія міра, ибо всецѣло христіанскомъ.

Память о Борисѣ и Глѣбѣ въ народѣ держалась вѣками въ образѣ «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ», въ XII вѣкѣ составленнаго, въ связи, надо думать, съ исполненіемъ столѣтія со времени ихъ блаженной кончины.

VII

Поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха, какъ свидѣтельство христіанскаго міровоззрѣнія, проникшаго глубоко въ семейную жизнь. Посланіе Даніила Заточника, какъ обнаруженіе изощренной литературности. Другія проявленія словеснаго мастерства. Кириллъ Туровскій. Никифоръ грекъ. Начало Кіевскаго Патерика. «Хожденіе иг. Даніила въ Святую Землю». Содержаніе этого памятника. Значеніе его, какъ свидѣтельства народнаго самосознанія. Мѣсто этого памятника среди однородной литературы. Внѣшній видъ древнихъ памятниковъ. Какъ они писались? На чемъ? Какой видъ являла собою древняя «книга»?

Необыкновенно яркое проявленіе христіанскаго міровоззрѣнія, во всей его глубинѣ и цѣльности, мы находимъ въ одномъ семейномъ документѣ, ставшемъ образцомъ для многихъ аналогичныхъ, на всемъ протяженіи русской исторической жизни, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и несредственно послужившемъ руководствомъ нравственности для ряда поколѣній. Это — «поученіе», написанное своимъ дѣтямъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ и полководцемъ, внукомъ Ярослава Мудраго и по женской линіи послѣднимъ отпрыскомъ византійскаго дома Мономаховъ, Владиміромъ Мономахомъ. Онъ былъ сыномъ своего времени, лучшимъ изъ всѣхъ, признаннымъ въ этомъ своемъ качествѣ всею Русью, но именно сыномъ своего вѣка, въ высокой степени представительнымъ. Онъ не былъ, при всѣхъ его общепризнанныхъ нравственныхъ достоинствахъ, прославленъ какъ святой. Высокопривлекательный образъ его встаетъ изъ указаній, разбросанныхъ въ памятникахъ: въ слезахъ молится онъ въ храмѣ, строго соблюдаетъ посты, на пирахъ хранитъ умѣренность, дѣлая, однако, видъ, что ѣстъ и пьетъ со всѣми, щедрою милостынею истощаетъ казну свою, бѣжитъ роскоши, нося «сиротскую одежду». Недостатокъ одинъ вмѣняется ему: легко поддается онъ наговорамъ, совершая поэтому порою несправедливости. Есть на совѣсти у него и вѣроломный поступокъ. Но это — темные штрихи на обликѣ свѣтломъ, и народъ глубоко чтитъ его. Есть за что! «Поученіе» рисуетъ его въ необыкновенно привлекательномъ свѣтѣ, а въ его образѣ — и весь бытовой укладъ русскаго общества того времени. Онъ зоветъ своихъ дѣтей къ благочестію истинному, съ ночными молитвами и поклонами, съ постоянной молитвой, совершаемой даже на конѣ. Онъ зоветъ къ милосердію истинному, съ заботами постоянными о бѣдныхъ, со вниманіемъ къ каждому человѣку. Онъ зоветъ своихъ дѣтей къ смиренію истинному, оказываемому, и передъ духовными, и предъ всѣми, съ памятью постоянной о смертномъ часѣ. Онъ рисуетъ обстоятельно порядокъ жизни, всецѣло проникнутый христіанскими чувствами, и примѣнительно къ семейной жизни, и примѣнительно къ гражданскимъ отношеніямъ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же даетъ онъ подробную характеристику

своей жизни, и государственной, и ратной, и охотничьей. Предъ нами встаетъ во весь ростъ истинный богатырь, жизнь проведшій въ бояхъ и охотничьихъ приключеніяхъ. И особенно трогательный и умилительный характеръ пріобрѣтаютъ, въ силу этого, всѣ только что предъ тѣмъ изложенныя, съ такой подробностію, правила житейскаго поведенія, исполненныя кротости и смиренномудрія.

Поученіе Владиміра Мономаха — образецъ благородной простоты и непритязательности. Другой образецъ письменности, сохранившійся отъ эпохи, Посланіе Даніила Заточника (заточеннаго), являетъ примѣръ необыкновенной выспренности, прикровенности, искуственности ,замысловатости. Видна большая культура человѣка. Способность владѣть языкомъ проявлена изощренная. Слуга пишетъ разгнѣванному князю, призывая на себя его милость и раскрывая ему глаза на несправедливости, вокругъ него совершаемыя. Все это уложено въ формы сопоставленій, литературно изысканныхъ, и уклончивыхъ намековъ. Это, истинно, «цвѣты краснорѣчія», свидѣтельствующіе о высокомъ уровнѣ искусства слова, но мало что вносящіе въ сокровищницу народной словесности.

Иное надо сказать о другомъ образцѣ высокаго краснорѣчія эпохи, о проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго, которыя точно такъ же изобилуютъ сопоставленіями, сравненями, образами. Тутъ, однако, не «цвѣты краснорѣчія», а углубленная мысль, изобилующая иносказаніями. Съ Златоустомъ сравнивали современники Кирилла, именовали его «вторымъ златословеснымъ учителемъ». Временами его рѣчь возвышается до вдохновенія, позволяющаго ему говорить образами лучшихъ церковныхъ пѣснотворцевъ. Сохранившіеся отъ него образцы проповѣдей, поученій, каноновъ, являются новымъ доказательствомъ исключительно высокой культуры слова начальныхъ вѣковъ русской словесности. Назовемъ еще Никифора грека, митрополита, отъ котораго дошли до насъ два посланія, обращенныхъ къ Владиміру Мономаху. Одно истолковываетъ различіе съ нами латинянъ, другое говоритъ о постѣ. Въ послѣднемъ заключается замѣчательная характеристика князя, его мастерской портретъ, изъ котораго извлекли мы черты, выше отмѣченныя, его образа.

Наконецъ, надо отмѣтить еще два имени, связанныхъ съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Извѣстно посланіе Симона, начала XIII вѣка, другому иноку Поликарпу, который стремился стать епископомъ. Симонъ внушаетъ ему, что высшее благо — быть въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ: онъ, Симонъ, отказался бы отъ епископства, и всю славу и власть счелъ бы за ничто, лишь бы, хотя бы въ образѣ хворостины, валяющейся подъ ногами, пребывать на землѣ монастырской. Свидѣтельствуетъ онъ попутно, что около 50 епископовъ поставлено было на Руси изъ монаховъ Кіево-Печерскаго монастыря. Поликарпъ остался въ обители и, подражая древнимъ патерикамъ, составилъ житія многихъ печерскихъ угодниковъ. Это по-

служило той основой, на которой продолжало расти дѣло житійныхъ писаній, и такъ росъ Печерскій Патерикъ, дополняемый попутно многими статьями, которыя прямаго отношенія къ житіямъ не имѣли, какъ, напр., о крещеніи славянъ, о переводѣ Свящ. Писанія и т. д.

Особаго вниманія заслуживаетъ т. наз. «Хожденіе игумена Даніила въ Святую Землю», являющееся первымъ русскимъ описаніемъ паломничества къ Святымъ мѣстамъ. Даніилъ ничего не говоритъ, какъ онъ путешествовалъ по русской землѣ, и начинаетъ свое повѣствованіе прямо съ момента отплытія изъ Царьграда. Вышелъ онъ на берегъ въ Яффѣ, а оттуда направился въ Святую Землю. Жилъ онъ большую часть времени въ монастырѣ св. Саввы, оттуда совершая путешествія по всей странѣ. Пробывъ въ Палестинѣ болѣе двухъ лѣтъ, Даніилъ успѣлъ побывать всюду и далъ обстоятельное описаніе видѣнныхъ имъ святынь. Памятникъ этотъ значителенъ, между прочимъ, и какъ свидѣтельство глубокой укорененности въ сердцахъ русскихъ людей того времени сознанія единства Русской земли. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одинъ современный русскій ученый, А. В. Соловьевъ: «Недостойный игуменъ» Даніилъ, самъ родомъ съ рѣки Снови, слѣдовательно «бѣлоруссъ» родомъ, изъ Полоцкаго, наиболѣе обособившагося, княжества, поминая передъ Гробомъ Господнимъ полоцкихъ и минскихъ князей, ставитъ, однако, «лампаду съ елеемъ отъ всей Русской Земли», гордится тѣмъ, что его кадило загорѣлось раньше фряжскаго. Для него нѣтъ различія между племенами. Встрѣтивши тамъ новгородцевъ и кіевлянъ, онъ говоритъ о нихъ «вся дружина русьтіе сынове», всѣ они дружина, друзья — всѣ русскіе сыны. «И Новгородъ и Кіевъ — единая русская земля...»

Исполненный глубокаго благоговѣнія предъ святыней, ставшей предметомъ его обозрѣнія, Даніилъ съ рачительной простотой тщится дать возможно точное описаніе всего имъ видѣннаго. Этимъ не только совершаетъ онъ подвигъ добрый, личный, но стремится облегчить соотвѣтственный подвигъ и для всѣхъ соотечественниковъ своихъ. «Буди же всѣмъ почитающимъ писаніе сіе съ вѣрою и съ любовію благословеніе отъ Бога и отъ святаго Гроба Господня и отъ всѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ; пріиметъ бо мзду равну съ ходившими до святаго града Іерусалима и видѣвшими мѣста си святая вся. Блажени бо видѣвша и вѣроваша; треблажени не видѣвше вѣроваша».

Особое мѣсто въ повѣствованіи Даніила занимаетъ обстоятельное описаніе появленія благодатнаго огня на Гробѣ Господнемъ въ Великую Субботу: «О свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ Гробу Господню». Пребываніе иг. Данила въ Святой Землѣ совпало съ временемъ, когда, послѣ Перваго Крестоваго Похода, въ Святой Землѣ царствовалъ Балдуинъ. Онъ покровительствовалъ иг. Даніилу, и потому оказался поставленъ Даніилъ въ самыя выгодныя условія, чтобы наблюдать, какъ самое чудо, такъ и всѣ обстоятельства, ему сопутствовавшія. Съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ Даніилъ, какъ наглядно удо-

стовѣрена была истинность Православной Вѣры по сравненію съ латинской — только православныя кадила загорѣлись отъ святаго свѣта, у иныхъ же и «свѣтъ инакъ бѣаше». «Хожденіе» является крупнѣйшимъ достиженіемъ паломнической литературы своего вѣка, не только для Россіи, но и для всей Европы: нѣтъ ни одного изъ нихъ, на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ, которое могло бы поспорить съ Даніиломъ по обстоятельности и точности описанія, почему «Хожденіе» и пріобрѣло исключительную популярность, служа, въ частности, незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ готовящихся къ паломничеству въ Св. Землю. Время пребыванія иг. Даніила въ Св. Землѣ примѣрно 1106-1107 гг.

Заключая рѣчь о книжности древняго нашего періода, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ древнихъ памятниковъ письменности (палеографія). Писались онѣ крупными правильными буквами, так. наз. «уставомъ», не сливаясь и не соединяясь съ сосѣдними, причемъ слова другъ отъ друга не отдѣляются нарочитыми промежутками, а изъ знаковъ препинанія употребляются только точка. Строки равной величины и въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, въ одинъ или въ два ряда (столбца), по краямъ — поля (берега), на которыхъ иногда помѣщались обозначенія главъ, или иныя указанія. Писались древнія рукописи на пергаментѣ (харатья, харатейный списокъ). Огромный и кропотливый трудъ составляло уставное письмо, но этотъ трудъ еще усугублялся украшеніями — заставками, расписными иниціалами, рисунками (миніатюрами). Въ заставкахъ писанныхъ красками, любимымъ мотивомъ являлся «чудовищный» орнаментъ (фантастическія животныя), занесенный съ востока, ибо не употреблялся онъ въ Византіи. Употреблялись, однако, и воспринятые изъ Греціи орнаменты: геометрическій (разныя фигуры) и «травный» (растенія и листья). Въ готовомъ видѣ древняя рукопись представляла собою совокупность «тетрадей» (перегнутыхъ пополамъ листовъ пергамента), прошитыхъ и вложенныхъ въ доски, обтянутыя кожею, а иногда еще покрытыхъ «окладами», весьма порою драгоцѣнными (особенно на Евангеліяхъ). Доски стягивались застежками. Украшенія требовали особаго мастерства, почему рядомъ съ «доброписцами» могли участвовать въ работѣ и особые «знаменщики». Съ теченіемъ времени уставъ сталъ смѣняться полууставомъ (буквы меньше, сложнѣе, разнообразнѣе), а потомъ и скорописью, уже связывавшей буквы, еще болѣе измѣнчивыя и разнообразныя. Пергаментъ замѣняется бумагой (тряпичной). Пишутъ чернилами (заглавья киноварью или золотомъ), гусиными перьями.

VIII.

«Слово о полку Игоревѣ». Судьба его рукописи. Поэтическая сила «Слова». Какой домыслъ она вызвала? Переводы «Слова». Чѣмъ опредѣляется изолированность этого памятника? Сужденіе А. Н. Майкова. Къ какому жанру литературы надо отнести «Слово»? Чувствуется ли въ «Словѣ» личность автора? Содержаніе «Слова». Какъ себя называетъ самъ этотъ памятникъ? Фабула «Слова». Плачъ Ярославны. Характеристика средней части «Слова». Вѣрно ли, что въ «Словѣ» отразилось «двоевѣріе»? Языкъ «Слова». Переводы его на иностранные языки.

Совершенно исключительное мѣсто въ исторіи русской словесности занимаетъ такъ называемое «Слово о полку Игоревѣ». Оно было обнаружено любителемъ русскаго просвѣщенія, екатерининскимъ вельможею, гр. А. И. Мусинымъ Пушкинымъ въ его библіотекѣ въ сборникѣ рукописей, пріобрѣтенныхъ имъ у одного монастыря. Рукопись эта сгорѣла во время московскаго пожара 1812-го года, но еще ранѣе, въ 1800 г., она была издана съ переводомъ на современный русскій языкъ, а значительно позже была обнаружена и рукописная копія ея въ бумагахъ Екатерины II, и тоже была издана. Хотя при расшифрованіи оригинала были участниками крупные авторитеты того времени, но наука палеографіи была еще въ младенчествѣ, а потому допущены были явныя ошибки, впослѣдствіи исправленныя. Оригиналъ относится къ концу XIV или къ началу XV вѣка; такъ можно было судить по почерку. Но это было лишь позднѣйшій списокъ съ нѣкоего подлинника, гораздо болѣе давняго. Кто былъ сочинителемъ этого замѣчательнаго произведенія, установить возможности не представляется, но несомнѣнно былъ онъ близокъ по времени къ событіямъ, имъ описываемымъ, и, слѣдовательно, можетъ быть отнесенъ къ XII вѣку.

Произведеніе это исполнено такой поэтической силы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ обособлено отъ всего, до насъ отъ этой эпохи сохранившагося, что вызвало истинное изумленіе всѣхъ знатоковъ, которое не разсѣивается и донынѣ. Возникли сомнѣнія даже въ подлинности «Слова», къ какимъ сомнѣніямъ возвращается мысль ученыхъ и въ настоящее время. Такъ, современный французскій ученый Мазонъ склоненъ истолковывать «Слово», какъ позднѣйшее произведеніе. Однако, подобные домыслы остаются совершенно изолированными, и въ полномъ правѣ мы считать этотъ памятникъ счастливой находкой, открывшей намъ истинное сокровище нашей древности, красотами которой нельзя достаточно насладиться. До настоящаго времени поэты тщатся, снова и снова, воспроизвести, частично или въ цѣломъ, этотъ памятникъ на современномъ поэтическомъ языкѣ. Выдѣляются переводы, одинъ давній, А. Н. Майкова, другой новѣйшій, К. Д. Бальмонта. Однако, можно съ увѣренностью ска-

зать, что никому доселѣ не удавалось подняться до уровня оригинала, остающагося стоять, въ величавости недосягаемой, на удивленіе смѣняющимся поколѣніямъ русскихъ людей.

Чѣмъ объяснить, что памятники подобной литературы, образцомъ который является «Слово», не сохранились въ большемъ числѣ? А. Н. Майковъ, въ предисловіи къ переводу говоритъ объ этомъ такъ: «Эта пѣснь — одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней Кіевской Руси, дошедшій до насъ, и вотъ почему занимаетъ она такое уединенное мѣсто посреди другихъ памятниковъ письменности этой эпохи, большею частію исходящихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и, конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ее въ монастырскія книгохранилища, былъ главной причиною ея гибели, хотя, разсматривая лѣтописи, мы видимъ въ числѣ источниковъ лѣтописца во многихъ мѣстахъ и эти свѣтскія сказанія, сквозь общій монастырскій лакъ, который на нихъ наводилъ инокъ въ своемъ пересказѣ». Дѣйствительно, «Слово» принадлежитъ къ особому жанру литературы, который можно наименовать литературою «дружинною». Предъ нами народно-героическая поэма, подобія которой можно найти и въ Западной Еврпѣ (напр., пѣснь Роландѣ), но которая, несмотря на свои исключительныя достоинства, а отчасти именно въ силу своихъ исключительныхъ поэтическихъ достоинствъ, не могла войти ни въ русло монастырской письменности, ни въ русло народной словесности. Монахъ не имѣлъ повода и основанія списывать этотъ трудъ, а народъ не способенъ былъ его освоить для своего обыденнаго быта и тѣмъ сохранить, чрезъ множество поколѣній, въ своей памяти.

И если именно «Слово» изъ всѣхъ аналогичныхъ твореній сохранилось, попавъ въ рукописные сборники, то, надо думать, именно въ силу особой своей высококачественности. Одинъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ, о которомъ еще будетъ рѣчь, явно носитъ слѣды подражанія «Слову» и заимствованія изъ него — мы имѣемъ въ виду «Задонщину». Это указываетъ намъ на то, что «Слово» не выпало изъ литературнаго обихода позднѣйшей Руси. Но особнякомъ стояло оно — какъ стоитъ и сейчасъ: произведеніе то оставшагося неизвѣстнымъ генія, сумѣвшаго въ своей рѣчи слить все лучшее, чѣмъ обладалъ русскій человѣкъ эпохи, и выразить, вмѣстѣ съ тѣмъ, все лучшее, что носилъ онъ въ душѣ своей. Какъ ни богато, разнообразно, щедро оказался воплощеннымъ въ «Словѣ» бытъ эпохи, въ фокусѣ поэмы собранный во-едино, но печать индивидуальности лежитъ на этомъ произведеніи. Если въ лѣтописномъ повѣствованіи, какъ и въ народномъ сказѣ или пѣснотворчествѣ, мы не ощущаемъ «автора», какъ творческой личности, нераздѣльно связанной со своимъ твореніемъ, то въ отношеніи «Слова» мы, напротивъ того, все время чувствуемъ себя подъ обаяніемъ поэтической силы геніальнаго творца этой поэмы. И построеніе ея, и манера ознакомить

насъ съ фабулой, и словесная ткань, и поэтическая образность — все объединено именно геніемъ творческой личности, сумѣвшей эту множественность привести къ художественному единству.

Содержаніе «Слова о полку Игоревѣ» точно соотвѣтствуетъ историческому событію, повѣданному намъ лѣтописями. Авторъ его — дружинникъ, тѣсно связанный и съ самимъ событиемъ и со всѣмъ русскимъ обществомъ того времени. Его произведеніе, будучи «словомъ», то есть живой рѣчью, обращенной къ своимъ со-дружинникамъ, а черезъ ихъ голову и ко всей Русской Землѣ, является одновременно и «повѣстью» («почнемъ же, братіе повѣсть сію») и «пѣснію» («начати же мя той пѣсни»). Это — историческій разсказъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и поэтическое произведеніе: лирика и эпосъ слиты тутъ нераздѣльно. Это выражается не только въ богатствѣ образовъ, постоянно освѣжающихъ повѣствованіе, но и въ томъ, какъ перемежается повѣствованіе поэтическими отступленіями и вставками. Тѣмъ не менѣе, нить повѣствованія развивается послѣдовательно. Описывается походъ, трагически неудачный, предпринятый группой Сѣверскихъ князей, во главѣ съ Игоремъ Святославичемъ.

Начинается походъ знаменіемъ недобрымъ — солнечнымъ затменіемъ, въ которомъ участники похода готовы были видѣть предвѣстіе бѣды. Походъ все же былъ продолжаемъ. Былъ начальный успѣхъ, за котороымъ, однако, послѣдовало, полное пораженіе — катастрофическое, съ плѣненіемъ князей. Попутно авторъ вспоминаетъ и былыя побѣды и историческія событія, хорошо ему извѣстныя, горюетъ отъ лица Русской земли о несогласіяхъ княжескихъ, какъ объ источникѣ отечественной слабости, взываетъ къ князьямъ, умоляя ихъ вступиться «за обиду сего времени». Трогательная вставка, исполненная замѣчательнаго поэтическаго чувства — знаменитый плачъ Ярославны, лучшимъ переводомъ котораго надо признать давніе стихи слѣпца И. И. Козлова. Въ далекихъ половецкихъ степяхъ, за Донцомъ и Осколомъ, куда устремился со своими воинами Игорь, тоскуетъ онъ, взятый, будучи раненъ, въ плѣнъ послѣ битвы на р. Каялѣ — тоскуетъ, хотя и окружаютъ его вниманіемъ ханы, нѣкогда испытавшіе отъ него пораженіе и проникнутые уваженіемъ къ его доблести. При помощи половчанина Овлура удается Игорю бѣжать, послѣ чего и заключается слово-пѣснь торжествующей «славою».

Средняя часть «Слова», гдѣ авторъ даетъ волю своимъ чувствамъ національной горечи, облечена въ особую поэтическую ткань. Разсказывается сонъ Святослава Всеволодовича, который годомъ раньше одержалъ побѣду надъ половцами, и съ этимъ разсказмъ связываются воспоминанія о многихъ князьяхъ, сопутствуемыя изліяніемъ патріотическихъ чувствъ. Майковъ, слѣдомъ за Пушкиным и Жуковскимъ, эту часть «Слова» толкуетъ, какъ нѣчто цѣльное, исходящее

изъ устъ Святослава: онъ видѣлъ вѣщій грозный сонъ, и это даетъ ему поводъ высказаться передъ боярами своими, какъ бы обзоръ дѣлая русской княжеской дѣятельности. Это, какъ говоритъ самъ авторъ: «злато слово слезами смѣшено». Если такъ понимать эту часть «Слова», то предъ нами встаетъ воззваніе, проникнутое «духомъ любви къ Русской землѣ, чувствомъ народнаго единства». Если понимать это мѣсто иначе, (какъ то дѣлаетъ и Бальмонтъ), то оказывается предъ нами, какъ замѣчетъ Майковъ, «жемчугъ и камни, вырванные изъ своего оклада».

О поэтическихъ краскахъ «Слова» проф.Н. К. Кульманъ говоритъ: «Поэтическія красоты «Слова» необычайно обильны и разнообразны: и образъ таинственнаго «вѣщаго» Бояна; и изображеніе похода и битвы; и нѣжная лирика плача Ярославны, и полное поэтическаго движенія бѣгство Игоря, и искусное «свитіе» двухъ эпохъ, настоящаго и прошлаго, и мрачность вѣщаго сна Святослава, и мудрость его «золотаго слова», и неподдѣльная скорбь о внутреннихъ раздорахъ князей, на радость поганымъ, разоряющимъ русскую землю, и заключительные, вдохновенно-восторженные звуки «славы» доблестнымъ русскимъ князьямъ, и т. д. и т. д. — полно самой тонкой изящной поэзіи». Иногда говорятъ о «Словѣ», будто въ немъ отразилось «двоевѣріе», т. е. смѣшеніе христіанства съ язычествомъ. Это невѣрно. «Слово» проникнуто сознаніемъ глубоко-христіанскимъ, а пережитки мифологическіе являются лишь поэтической стихіей, дающей матеріалъ для яркихъ образовъ. Природа оживаетъ съ помощію этихъ образовъ. На одномъ уровнѣ съ поэтической мощію стоитъ и духовно-нравственная сила «Слва». Не только не можетъ быть о «двоевѣріи» никакой рѣчи, но можно «Слово» поставить на исключительную высоту, именно какъ выраженіе, полное и цѣльное, народнаго самосознанія, сливавшаго церковные идеалы съ національными нераздѣльно. И въ этомъ отношеніи «Слово», какъ и въ чисто художественномъ, превосходитъ аналогичные памятники Запада.

Поучительно «Слово» и какъ памятникъ русскаго языка — народнаго, испытавшаго, конечно, извѣстное вліяніе книжности, т. к. авторъ несомнѣнно былъ человѣкомъ образованнымъ, но свободнаго и широкаго въ пользованіи всѣмъ русскимъ рѣчевымъ обиходомъ. Такъ говорили воины, дружина, народъ. Значеніе «Слова» громадно во всѣхъ возможныхъ смыслахъ: ничто съ такой неотразимой убѣдительностію не свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ русской культуры начальныхъ вѣковъ русской исторіи. Признанія достигло «Слово» и со стороны Запада. Имѣются переводы его на языки французскій, англійскій, нѣмецкій, голландскій, датскій, венгерскій и, конечно, на языки славянскіе.

IX

Общая характеристика достиженій Кіевской Руси. Чего не дала Кіевская Русь? Битва при Калкѣ. Нашествіе татаръ. Отношеніе татаръ къ духовной культурѣ Руси. Молчаливый сговоръ Руси съ татарщиной. Личность св. Александра Невскаго на фонѣ великихъ событій современности его. Контрастъ матеріальнаго разоренія и культурнаго и политическаго разгрома, съ одной стороны, и духовнаго подъема, съ другой. «Святая Русь». Внутреннее сосредоточеніе Руси. Выносливость и сила самовозстановленія. Монастыри, какъ очаги духовнаго горѣнія. Расцвѣтъ духовной культуры на фонѣ оскудѣнія: иконопись и церковное пѣніе.

Кіевская Русь дала много въ области русской словесности — въ соотвѣтствіи полномъ съ тѣмъ мѣстомъ, которое заняла она, и въ исторіи Россіи, и въ современномъ ей мірѣ. То было не захолустье на окраинахъ нѣкоего міроваго центра, а одно изъ центральныхъ средоточій христіанской культуры, находящееся въ постоянномъ общеніи, и съ Византіей, духовной водительницей христіанскаго міра, и съ Западомъ, и съ нехристіанскимъ Востокомъ. Возникала здѣсь и давала плоды блистательные культура оригинальная, облеченная въ словесную ткань благодатную, вызванную первоначально къ жизни св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ на иной почвѣ, но освоенную именно нашей Родиною. Обозрѣли мы главнѣйшія обнаруженія словеснаго мастерства, достигнутаго Кіевской Русью. Теперь обратимся къ иной эпохѣ, которая нашимъ очамъ открывается въ видѣ мрачномъ.

Кіевская Русь создала и укрѣпила національное сознаніе, неразрывно связанное съ Церковью — столь крѣпкое, что способно оно было дать единство Руси вопреки подвижности всѣхъ круговъ населенія и тѣснотѣ его общенія съ иноплеменниками. Но Кіевская Русь не создала крѣпкой единой государственности, способной къ сопротивленію могущественной внѣшней силѣ. И когда такая сила обрушилась на Русь, то тѣмъ самымъ рушилась и «Росія», какъ нѣкое національно-политическое цѣлое. Битва при Калкѣ съ татарами, только задѣвшими Русь крыломъ своихъ наступательныхъ дѣйствій, кончилась пораженіемъ полнымъ. Это предостереженіе не способно оказалось, однако, послужить толчкомъ къ единенію, и, когда чрезъ нѣкоторое время на Русь устремились татарскія полчища, ея завоеваніе ставя себѣ уже прямой своей задачей, Русь, несмотря на отчаянное сопротивленіе, была по частямъ захвачена и разгромлена. Степень разоренія, опустошенія и истребленія, испытанныхъ нашимъ отечествомъ, не поддается описанію. Ни о какомъ дальнѣйшемъ сопротивленіи нельзя было и думать. На долгія десятилѣтія Русь была обречена на униженное состояніе данниковъ Орды, политически ей всецѣло подчиненныхъ. Однако, какъ ни жалка была судьба Руси,

въ одномъ отношеніи она оказалась нетронутой — и это въ самомъ главномъ: въ духовной своей природѣ. Язычники-татары, хищники, привыкшіе къ своимъ кочевническимъ обычаямъ, не имѣли никакихъ притязаній на то, чтобы смѣшиваться съ осѣдлыми русскими, подчиняя ихъ своей культурѣ и стремясь истребить культуру русскую. Татары даже и сѣли внѣ Россіи, громаднымъ станомъ. Для нихъ существенно было лишь то, чтобы русскіе отказались отъ мысли сбросить съ себя татарское иго, а выражалось это иго преимущественно въ томъ, что русскіе обязаны были аккуратно платить дань. Отсюда и возникла своеобразная молчаливо заключенная сдѣлка между татарами и русскими: послѣдніе отказывались отъ политической независимости, какъ бы выбывали изъ политическаго міра внѣшняго и одновременно брали на себя обязанность постоянно откупаться отъ дальнѣйшихъ грабежей внесеніемъ тяжелой дани, татары же оставляли нетронутымъ строй русской жизни, будучи готовы даже собираніе дани возлагать на русскую власть. Тѣмъ самымъ нетронутой оставалась русская вѣра, къ которой татары готовы были даже относиться съ особымъ уваженіемъ. Эпизодами были случаи, когда требованіями татаръ испытывалась русская христіанская совѣсть. Знаетъ и почитаетъ наша Церковь исповѣдниковъ-мучениковъ, пострадавшихъ отъ татаръ. Въ цѣломъ, однако, русская духовная жизнь могла протекать самостоятельно. Только отдавая себѣ отчетъ въ благодѣтельности такого положенія вещей, сможемъ мы понять такое явленіе, какъ св. Александръ Невскій.

Побѣдитель надъ христіанами-рыцарями, отказавшійся отъ лестныхъ предложеній Рима, Александръ безропотно склонился къ ногамъ Хана, свидѣтельствуя тѣмъ, что политически онъ всецѣло ему подчиняется. Почему такъ? Рыцари-христіане несли на остріи своихъ мечей смертный приговоръ русско-православной культурѣ, а язычники-татары оставляли ее нетронутой. Постепенно, въ ходѣ историческихъ событій, образовывали они среду, которая, въ нѣкоторой своей части, оказывалась даже способной пріобщиться къ вѣрѣ нашей и войти въ составъ нашей культуры. Татарское иго, неся намъ разореніе матеріальное и униженіе національно-политическое, вмѣстѣ съ тѣмъ не лишало насъ лучшаго нашего достоянія — Вѣры нашей и связанной съ ней культуры. Больше того — и это далеко не всегда достаточно ясно сознаютъ историки нашей культуры, а нерѣдко просто игнорируютъ — татарское иго принесло намъ огромный духовный подъемъ. Было истолковано это иго церковнымъ сознаніемъ, какъ попущеніе Божіе, обусловленное грѣхами нашей жизни, а отсюда рождалось покаянное настроеніе такой напряженности, котораго не знала ни въ какіе моменты предшествующей своей исторіи Россія. Нѣкое новое крещеніе испытала Россія, и то богатство церковныхъ достиженій, которымъ обладала она, впервые было именно теперь до конца осознано и пріято, какъ, дѣйствительно, основа нашего

бытія. Во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ было такъ, и можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что именно въ итогѣ татарскаго ига русскій народъ сталъ тѣмъ народомъ, примѣнительно къ которому могло войти въ употребленіе словосочетаніе «Святая Русь».

Русь ушла въ себя. Не могло быть и рѣчи о прежней пиршественной широтѣ. Померкла дружинная Русь, угасли княжескіе дворы, съ ихъ былымъ блескомъ. Вся внѣшняя жизнь вообще опростилась и сжалась до предѣльнаго минимума, и это не только въ силу испытаннаго жестокаго и повальнаго разоренія, но и отъ страха предъ дальнѣйшими, которыя на долгое, долгое время стали обыденнымъ явленіемъ русской жизни, не ослабѣвавшимъ въ своей силѣ даже съ ослабленіемъ татарскаго ига. Соперничала съ татарами Литва. А съ другой стороны, поскольку стала наливаться соками возраждающаяся Русь и стало близиться время, о которомъ неуклонно думала Русь, то вожделѣнное время, когда «перемѣнится Орда» (оговорка, постоянно встрѣчавшаяся въ договорахъ княжескихъ) — ослабѣвали мотивы, по которымъ татарская власть могла щадить Русь. Страхъ возможнаго въ любой моментъ хищническаго нападенія, готоваго все сравнять съ землей, все испепелить, а оставшееся въ живыхъ населеніе угнать въ полонъ — былъ обыденной реальностью, постоянной и повсемѣстной, за исключеніемъ сѣверной части Россіи. И нужно только поражаться способности самовозстановленія, которую неотмѣнно являла Русь. Какую для этого надо было имѣть внутреннюю силу! То была не просто выносливость и терпѣливость, а и свидѣтельство огромной творческой, созидательной энергіи, постоянно обновляемой, неугасаемой, неистребимой. Только сила Вѣры можетъ дать эту энергію. Она сказалась и въ томъ бытовомъ самоутвержденіи, которое явило себя въ эту, лишенную всякой увѣренности бытія, эпоху Русь. Надо ли говорить, что подобное массовое и повсемѣстное горѣніе духа должно было имѣть руководителей, вождей, направляющіе центры. Должны были быть гдѣ то очаги этого духовнаго горѣнія, въ которыхъ накапливалась сила духа, чтобы питать ею массы. То были монастыри. Церковь въ годину тяжкихъ испытаній продолжала, больше, чѣмъ когда либо, быть связующей силой. Это было естественно. Но по истинѣ поразительно то, что въ испытаніяхъ огненныхъ, Русью пережитыхъ, невиданныхъ доселѣ, результатовъ невиданныхъ достигало и внѣшнее проявленіе духовнаго возрастанія. Мы касаемся здѣсь двухъ сторонъ русскаго творчества, которыя не входятъ въ предметъ нашихъ занятій, но которыя должны быть хотя бы просто отмѣчены, какъ высшія обнаруженія духовнаго подъема, тогда Русью пережитаго. Опять таки, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что тьма, позоръ, разореніе и униженіе той эпохи сочетались съ духовнымъ подъемомъ, никогда ни въ какія иныя эпохи непревзойденнымъ. Это надо со всей силой подчеркнуть, чтобы ясно было, къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ привести пони-

маніе разсматриваемой нами эпохи, какъ времени культурнаго паденія. Матеріальная культура, общественная культура были на ущербѣ. Тутъ спора нѣтъ. Но если вниманіе остановить на тѣхъ двухъ направленностяхъ русскаго генія, какія на первое мѣсто должны быть поставлены въ исторіи русской культуры въ цѣломъ, то тутъ иное придется говорить. Иконопись и церковное пѣніе — вотъ вѣдь высшія достиженія русскаго генія, предъ которыми меркнетъ вся культура, величественная и прекрасная, даже Императорской Россіи. И надо безъ всякихъ обиняковъ сказать: тьма татарскаго ига была той атмосферой, въ которой созидались основы, а потомъ и укрѣплялись и развивались главнѣйшія проявленія, какъ иконописи, такъ и церковнаго пѣнія, поскольку именно творческое начало, національно-русское, въ нихъ получало овеществленіе.

X.

Молчаніе и собранность духа. Духовная свобода, купленная отказомъ отъ гражданской свободы, какъ формула возникающей русской государственности. Отраженіе событій въ литературѣ. Калка въ изложеніи лѣтописи. Нашествіе татаръ и паденіе Кіева. Запустѣніе въ описаніи путника въ Царьградъ. «Слово о погибели Русской Земли». Татарская неволя, какъ она отразилась въ поученіяхъ еп. Серапіона. Поученіе его же по поводу волхованій. Сопоставленіе съ Западомъ въ вопросѣ оцѣники волхованій. Татарское нашествіе въ народномъ творчествѣ. Сказаніе о разореніи Рязани. Фабула ея. Дѣйствующія лица. Заключеніе Повѣсти и плачъ.

Съ этими существеными оговорками только и можно приступить къ разсмотрѣнію русской словесности временъ татарскаго ига. Конечно, обѣдненіе и потускненіе наблюдаемъ мы, но не можетъ быть рѣчи о разрывѣ культурной традиціи, послѣ каковаго долженъ былъ бы наступить періодъ нѣкоего «возрожденія». Полная, всецѣлая преемственность культурная остается въ силѣ, и, если въ какомъ то смыслѣ наблюдается и даже господствуетъ нѣкое «молчаніе», то это молчаніе свидѣтельствуетъ о величайшей собранности духа, каковая проявляется достаточно ярко, поскольку сохранились памятники русской письменности того времени. За этимъ молчаніемъ совершается неустанная работа, плоды которой мы наблюдаемъ во времена позднѣйшія, когда снова Россія вышла на пути самостоятельности политической. То было, однако, и тогда достигаемо цѣной огромныхъ и постоянныхъ жертвъ и напряженій, никогда уже не покидавшихъ русской дѣйствительности временъ до-петровскихъ. Купивъ духовную свободу цѣною пріятія татарскаго ига, русскій народъ и послѣ сверженія его долженъ былъ отказываться отъ всѣхъ радостей свободы гражданской, ибо только этой цѣной и въ послѣдующія времена могла быть сохраняема такъ высоко имъ цѣнимая свобода ду-

ховная. Подвигъ аскетическій меньше всего ищетъ выразить себя въ словахъ: онъ воплощается въ дѣлахъ. Но отраженіе духа аскетики наблюдается во всемъ — въ частности и прежде всего въ области слова. Повторяемъ: если «Святая Русь» вырасла изъ подвига строенія русскаго Царства, какъ хранителя Православія, то этотъ подвигъ подъятъ былъ впервые противъ татаръ, чтобы уже потомъ войти въ природу русской жизни и освобожденной. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ видѣть, какъ именно это міровоззрѣніе «Святой Руси» становится содержаніемъ русской словесности, въ самомъ широкомъ ея пониманіи. Будемъ помнить, что это міровоззрѣніе сложилось именно въ эпоху сосредоточеннаго молчанія первыхъ временъ татарскаго ига.

Первое появленіе татаръ, приведшее къ пораженію на Калкѣ, такъ отмѣчено въ Лаврентьевской лѣтописи: «того же лѣта (1223) явишася языци, ихъ же никтоже добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовутъ я Татары, а иніи глаголютъ Таумены, а друзіи Печенѣзи... Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изыдоша, премудріи мужи вѣдятъ я добрѣ, кто книги разумно умѣетъ; мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но здѣ писахомъ о нихъ памяти ради Русскихъ князій бѣды, яже бысть отъ нихъ». Позднѣйшее нашествіе тамъ же описывается такъ: «Того же лѣта (1237) на зиму придоша отъ восточныя страны въ Рязанскую землю лѣсомъ безбожніи Татари и почаша воевати Рязанскую землю, и плѣноваху ю до Проньска... Сотворися велико зло въ Суждальской земли, якоже зло не было ни отъ крещенія, якоже бысть нынѣ... Бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды; за умноженіе беззаконій нашихъ попусти Богъ поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая), да быхомъ встѣгнулися отъ злыхъ дѣлъ». Еще болѣе выразительно описываетъ Ипатьевская лѣтопись паденіе Кіева: «Приде Батый (1240 г.) Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомь множествомъ силы своей, и окружили градъ, и обступи сила Татарская, и бысть градъ во обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроча его обьсидяху градъ, и не бѣ слышати гласа отъ скрипанія телѣгъ его, множества ревенія вельблудъ его, рьжанія стадъ конь его. И бѣ исполнена земля руская ратныхъ... Ту бѣаше видите ломъ копейны и щитомъ скѣпаніе (бряцаніе), стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣжденныхъ». Запустѣніе было таково, что еще спустя полтораста лѣтъ путникъ, направляясь въ Царьградъ, писалъ о придонскихъ областяхъ: «бысть же путное шествіе печально и унынливо, бяше бо пустыня зѣло; не быше бо видѣти тамо ни града, ни села; аще бо и быша грады красные и нарочиты зѣло, точію пустошь все и не населено».

Замѣчательный русскій памятникъ, размѣромъ въ нѣсколько десятковъ строкъ, бывшій, повидимому, вступленіемъ въ жизнеописаніе кн. Александра Невскаго, найденъ былъ въ концѣ XIX вѣка подъ именемъ «Слово о погибели Русской Земли». Онъ даетъ впечатлѣнія

современника татарскаго нашествія о крушеніи нашего отечества. Воспроизводимъ его въ вольномъ пересказѣ: О, свѣтло-свѣтлая и прекрасно украшенная Русская земля! Ты изобилуешь чудесными красотами: многими дивными озерами, рѣками и мѣстночестными источниками, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, звѣрьми различными ,птицами безчисленными, городами великими, селы дивными, садами обительными, домами церковными, грозными князьями, честными боярами, вельможами многими! Всего ты исполнена Земля Русская! О, правовѣрная вѣра христіанская! Именемъ Мономаха нѣкогда пугали дѣтей половцы. Боялась Литва на свѣтъ изъ своего болота выглянуть, а венгры воздвигали каменныя стѣны съ желѣзными воротами, чтобы не въѣхалъ въ нихъ Владиміръ. Нѣмцы же радовались, что они далеко за синимъ моремъ. И самъ Императоръ Мануилъ опаску имѣлъ и дары великіе посылалъ, чтобы не взялъ князь Владиміръ Царь-града!

Предъ лицомъ страшной дѣйствительности въ гиперболическомъ блескѣ рисуется русскому человѣку Русская Земля, въ всемъ многообразіи ея совершенства.

Татарская неволя, въ пониманіи ея церковномъ, прекрасно отразилась въ поученіяхъ владимірскаго епископа Серапіона. По поводу землетрясенія, какъ кары Божіей, обращается онъ мыслію и къ татарщинѣ. Не покаялись мы, пока не пришелъ «языкъ немилостивъ» попущеніемъ Божіимъ, «и землю нашу пусту сотвориша, и грады наша плѣниша, и церкви святыя разориша, отцы и братію нашу избиша, матери наши, и сестры наши на поруганіе быша». Въ покаяніи спасеніе! Къ нему зоветъ особо другое слово. Глубокая скорбь на сердцѣ Владыки. «Не тако скорбитъ мати, видяще чада своя болящa, яко азъ, грѣшный отецъ вашъ, видя вы болящa беззаконными дѣлы». Онъ молитъ своихъ духовныхъ чадъ «обновиться добрымъ обновленіемъ». «Какія казни отъ Бога не воспріяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскорѣ ли падоша отцы и братія наша трупіемъ въ землю? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени быхомъ оставше горькою си работою (рабствомъ) отъ иноплеменникъ? Се уже 40 лѣтъ приближаетъ томленіе и мука, и дани тяжкія на ны не престанутъ, глади, морове. . . и въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ, и воздыханіе наше и печаль сушать кости наши. Кто же ны до сего доведе? Наше беззаконіе и наши грѣси, наше непослушаніе ,наше непокаяніе. . . » Еще болѣе яркую картину рисуетъ другое слово о казняхъ Божіихъ. «Разрушены божественныя церкви, осквернены быша сосуди священни, потоптана была святая, святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ въ снѣдь повержени быша, кровь отецъ и братія нашея аки вода многа землю напои, князій нашихъ и воеводъ крѣпость исчезе, храбріи наша страха напольшесе бѣжаша, множайшая же братія и чада наша въ плѣнъ

ведени быша, села наша лядиною поростоша и величество наше смирися, красота наша погибе, богатство наше инымъ въ корысть бысть, въ поношеніе быхомъ живущимъ вскрай земли нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Божій». Нельзя особо не отмѣтить два другихъ поученія еп. Серапіона, направленныхъ противъ заблужденій невѣжественной черни, вмѣнявшей засуху и голодъ волхвованіямъ и педвергавшей преслѣдованію и смерти несчастныхъ людей, заподозрѣнныхъ въ волхвованіи. Виновныхъ проповѣдникъ называлъ убійцами, указывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на непослѣдовательность ихъ. «Молитеся и чтите я, дары приносите имъ» — разъ вы вѣрите, что волхвованіемъ могутъ они вызывать голодъ или даровать урожай. Поразителенъ контрастъ подобнаго міровоззрѣнія нашей Церкви по сравненію съ тѣмъ, что дѣлалось въ Зап. Европѣ, гдѣ подъ водительствомъ Церкви шла борьба съ вѣдовствомъ, и гибли тысячи на кострахъ...

Татарское нашествіе не могло не отразиться въ народномъ творчествѣ, и мы имѣемъ нѣсколько памятниковъ интересныхъ. Такъ, извѣстно Сказаніе о Меркуріи Смоленскомъ, вмѣшательствомъ чудеснымъ котораго спасенъ былъ отъ разгрома Батыемъ городъ Смоленскъ. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ этого сказанія имѣется поэтическій плачъ земли. «И восплакалась тогда сама земля, какъ чадолюбивая мать, видя бѣду, бывшую на всѣхъ христіанскихъ странахъ. Общая наша мать-земля вопіяла и стонала: «о, сыны русскіе, какъ же мнѣ оставить васъ, о любимыя мои дѣти, прогнѣвавшія Господа своего и моего Творца, Христа Бога! Вижу васъ, отторгнутыхъ отъ моей груди и судомъ Божіимъ въ поганскія руки немилостиво впадшихъ и рабское иго носящихъ на своихъ плечахъ. И стала я бѣдная вдова: о комъ же я буду прежде сѣтовать — о мужѣ или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое запустѣніе монастырей, святыхъ церквей и многихъ городовъ. Не терпя лютой бѣды, возопію къ Творцу Господу Богу: Боже, сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! Презри беззаконіе людей Своихъ и милосердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ Свой».

Съ именемъ Рязани связана обширная «Повѣсть о приходѣ Батыевой рати» или «о разореніи», въ которой слились разныя сказанія, связанныя со страшнымъ бѣдствіемъ, приведшимъ Рязань въ такое состояніе, что возстановленъ былъ городъ уже на новомъ мѣстѣ. Поэтъ Л. Мей сдѣлалъ прекрасный поэтическій пересказъ этого сказанія подъ именемъ «Пѣсни про боярина Евпатія Коловрата». Встаетъ предъ нами образъ кн. Ѳеодора, который въ ставкѣ Батыя съ негодованіемъ отвергаетъ продложеніе купить милость хана привозомъ къ нему своей жены Евпраксіи. Встаетъ образъ предателя Нездилы, отатарившагося, а рядомъ съ нимъ вѣрнаго слуги, принесшаго страшную вѣсть княгинѣ. Въ страхѣ предъ грозящимъ ей обезчещеніемъ, бросается она, съ младенцемъ-сыномъ на рукахъ,

съ высоты своего терема. «Заразилась» она тутъ до смерти, а отсюда мѣсто стало именоваться Заразъ (будущій Зарайскъ) — такъ связалась эта легенда съ чтимымъ образомъ Николы Зарайскаго. Описывается разореніе Рязани, но удовлетвореніе ищетъ народная мысль въ подвигахъ Евпатія Коловрата. Пусть онъ въ конечномъ счетѣ тоже гибнетъ, но послѣ того, какъ имъ нанесенъ страшный уронъ татарскимъ полчищамъ — такой уронъ, что въ страхъ былъ приведенъ самъ Батый. Предварительно покаранъ страшной смертію Нездила — нераскаянный грѣшникъ. Мужественно отвѣчаютъ плѣнники устрашенному Батыю, что они вѣры христіанской, что они — дружины Евпатія и «не успѣваютъ наливать чашъ на великую силу татарскую». Батый шлетъ противъ Евпатія лучшую силу — она терпитъ ту же участь. Только примѣненіе «снарядовъ» спасаетъ Батыя: приносятъ ему, наконецъ, богатырское тѣло убитаго боярина. Обращается къ тѣлу богатыря Батый со слѣдующими словами: «братъ Евпатій, гораздо ты меня употчивалъ съ малою твоею дружиною, да много и побилъ знаменитыхъ богатырей сильной орды; если бы ты у меня, царя, служилъ, то я бы тебя противъ сердца своего держалъ». И повелѣлъ царь Батый отдать тѣло Евпатіево остальной дружинѣ его, которая поймана была на побоищѣ еще живая, и повелѣлъ ихъ отпустить съ тѣломъ и ничѣмъ имъ не вредить. Завершается сказаніе тоже «плачемъ кн. Игоря Игоревича о братіи, убіенной отъ нечестиваго царя Батыя». Останки кн. Ѳеодора, жены и сына погребены въ одномъ мѣстѣ — тамъ гдѣ Никола, получившій теперь именованіе Заразскаго. А гдѣ честная могила Евпатія — «знаютъ ясныя зори съ курганами, знала старая пѣсня про витязя, да и ту унесло вѣтромъ-вихоремъ».

XI.

Александръ Невскій въ литературномъ изображеніи. Житіе. Историческая ткань въ немъ сохранившаяся. Образъ св. князя. Сказаніе о градѣ Китежѣ. Муромское сказаніе о кн. Петрѣ и дѣвицѣ Февроніи. Задонщина. Характеристика ея. Откуда ясно, что это позднѣйшая переработка? Сопоставленіе Задонщины, какъ литературно-изощреннаго произведенія, съ ранними сказаніями, эпически простыми. Нѣсколько образовъ изъ этихъ сказаній. Расцвѣтъ житійной литературы. Епифаній Премудрый и Пахомій Логофетъ. Какое внѣшнее вліяніе на нихъ обнаружилось? «Плетеніе словесъ». Характеристика обоихъ. Въ чемъ стличіе новаго типа житій отъ древнихъ? Что найдемъ мы въ этихъ житіяхъ и чего найдемъ мало? Житія, какъ школа благочестія. Характеристика монастырей, какъ очаговъ культуры духовной.

Не могъ не оставить значительнаго слѣда въ сказаніяхъ народныхъ и въ письменности образъ св. Александра Невскаго. Есть осно-

ваніе думать, что существовало жизнеописаніе его, составленное однимъ изъ дружинниковъ. До насъ дошло оно уже, переработанное въ житіе. Историческая ткань, однако, сохранилась и здѣсь во всей своей конкретности. «Бѣ же тогда день субботній, восходящу солнцу, оступишася обои, и бысть сѣча зла и трускъ отъ копей и ломленіе, и звукъ отъ мечнаго сѣченія, якожь морю мерзшу двигнутися; не бѣ видѣти леду, покрылося бяше кровію» — такъ рисуется Ледовое побоище. О Невской битвѣ узнаемъ мы, какъ Александръ «возложи печать на лицы острымъ своимъ копіемъ». Узнаемъ мы о чудесномъ видѣніи крещенаго ижорянина Пелгусія — какъ явилась дивная ладья съ двумя гребцами ,въ которыхъ можно было узнать св. Бориса и Глѣба, и говорили они о томъ, что идутъ они помочь брату Александру. Во всей своей и физической и духовной красотѣ возникаетъ предъ нами обликъ самаго Александра, въ характерномъ для него сочетаніи непоколебимаго мужества съ смиреніемъ и кротостію. Сказаніе это поэтически пересказано поэтомъ Л. А. Меемъ.

Съ нашествіемъ Батыя связано одно сказаніе, прочно вошедшее въ народное сознаніе: о градѣ Китежѣ. Этотъ городъ покрыло озеро Свѣтлояръ въ верховьяхъ рѣчки Люнды (притока Ветлуги). Праведный городъ оказался такъ сокрытымъ отъ разоренія и оскверненія: пораженныя полчища на мѣстѣ святаго града узрѣли пучину водъ, гдѣ виднѣлся лишь крестъ уходящаго въ нее Собора и откуда доносился трезвонъ колоколовъ. Благочестивые люди сподоблялись и во всѣ позднѣйшія времена слышать на берегахъ озера этотъ звонъ, а по преданію народному явится снова городъ зримъ только ко времени Страшнаго Суда. Поэтической обработкѣ это сказаніе подвергалось не разъ, а Римскому Корсакову дало матеріалъ для извѣстной его оперы, въ соединеніи (произвольномъ) съ другимъ сказаніемъ эпохи (муромскимъ) о кн. Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Это послѣднее трогательное сказаніе повѣствуетъ о нѣжной любви князя и его жены, взятой изъ простонародія, излечившей его отъ страшной болѣзни. Бояре были противъ того, чтобы надъ ними княжила Февронія, но съ ней ушелъ и самъ князь. Оба облеклись въ иноческія ризы, съ именами Давида и Евфросиніи, спасались вмѣстѣ и одновременно отошли ко Господу. Даже тѣла ихъ не могли быть разлучены.

Огромнымъ событіемъ, поднявшимъ духъ народа, была Куликовская битва. Помимо лѣтописныхъ записей ,она стала предметомъ сказаній, изъ которыхъ выросла т. наз. «Задонщина», воспѣвшая, по образцу «Слова о полку Игоревѣ» и въ прямое подражаніе ему, великое событіе. Сохранилась она не полностію и лишь въ позднѣйшей передѣлкѣ, упоминающей автора: «азъ же помяну Софонія, іерея рязанца». Историческая канва расцвѣчена поэтическими узорами и одухотворена и національнымъ и религіознымъ паѳосомъ.

Кончается «Задонщина» восторженнымъ гласомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и горестію о многихъ жертвахъ. Смѣется народъ надъ Мамаемъ: «не бывать тебѣ, поганый Мамай, въ Батыя-царя, пришелъ ты на Русь съ девятью ордами и седмидесятью князьями, а нынѣ бѣжишь самъ-девять къ Лукоморье. Нешто тебя князья русскіе гогораздо употчевали? Ни князей съ тобою ни воеводъ, нешто ты гораздо упился у быстраго Дона на полѣ Куликовѣ, на травѣ-ковылѣ?» На русской землѣ радость, но и печаль: трупы христіанъ лежатъ у Дона, который три дня кровію течетъ. Прощается съ ними кн. Димитрій Ивановичъ: «Здѣсь суждено было вамъ пасть, на этомъ мѣстѣ межъ Дономъ и Днѣпромъ, на рѣчкѣ Непрядѣ. Здѣсь положили вы головы за святыя церкви, за землю русскую, за вѣру христіанскую. Простите мнѣ, братья, и благословите насъ, а вамъ всѣмъ — вѣнецъ въ будущемъ вѣкѣ». Позднѣйшая «Задонщина» забыла великодушно одно обстоятельство, которое ножомъ острымъ ранило народное сердце: измѣну Олега Рязанскаго. Въ сказаніяхъ современныхъ бичуется это дѣйствіе рѣзко; самая лѣтопись нарушаетъ привычный свой безстрастный стиль, обличая измѣнника. Молчитъ объ этомъ позднѣйшее сказаніе. Литературно изукрашена «Задонщина». Нѣтъ основанія принижать ея достоинства, но сказанія первоначальныя остаются недосягаемы въ своей эпической красотѣ. Вотъ примѣръ. Примѣты описываются, явившіяся наканунѣ битвы: онѣ не въ пользу татаръ. Съ ихъ стороны доносится «кличъ и стукъ великій, аки торжища снимаются и аки грады зиждуще и яко трубы гласятъ. . . Волцы воюще страшно вельми, во птицахъ трепетъ велій, кричаще и крылами біюще, и враны грающе, и орлы клегчюще». А на русской сторонѣ — «тишина... точію отъ множества огневъ снимахуся зари». Но цѣна побѣды дорога. Припавъ къ землѣ слышитъ князь «землю плачущу надвое, горько зѣло и страшно; едино убо страна, яко нѣкая жена напрасно плачущи, дерзающи и кричащи татарскимъ гласомъ о чадѣхъ своихъ бьющихся и слезы изливающи, аки рѣки; а другія страны плачъ земли — аки дѣвица плачущи и воплющи, аки свирѣльнымъ плачевнымъ гласомъ въ скорби и печали велицѣ».

Духовный подъемъ, вызванный татарскимъ нашествіемъ, получилъ выраженіе въ огромномъ усиленіи иноческаго подвига, съ возникновеніемъ въ разныхъ мѣстахъ новыхъ очаговъ монашескихъ, вокругъ которыхъ понемногу образовывались и скопленія мірянъ. Обозначались все новые подвижники, становившіеся духовными вождями русскаго общества. Естественъ былъ повышенный интересъ къ нимъ и потребность знать что-то объ ихъ жизни и дѣятельности. Отсюда расцвѣтъ житійной литературы. Два имени тутъ стоятъ на первомъ мѣстѣ: Епифанія Премудраго и Пахомія Логофета. Первый, родомъ изъ Ростова (ум. ок. 1419 г.), составилъ житія двухъ крупнѣйшихъ русскихъ дѣятелей монашества: преп. Сергія

Радонежскаго и преп. Стефана Пермскаго. Второй, родомъ сербъ, трудившійся въ Россіи съ 1440 г. рядъ десятилѣтій, написалъ множество житій, пріобрѣтшихъ большую популярность. Оба, являясь представителями новаго теченія. литературно гороздо болѣе утонченнаго, чѣмъ традиція исконно-русская, несли намъ плоды южно-славянской культуры, какъ бы вторично пересаживающейся на нашу почву. Болгарія и Сербія были завоеваны турками, и потянулись къ намъ оттуда церковные дѣятели, включаясь въ нашу жизнь. Этотъ новый стиль лучше всего характеризуется словами, примѣненными самимъ Епифаніемъ къ своимъ писаніямъ: «плетеніе словесъ». Это уже литературное мастерство, которое, при всей своей высококачественности, холодокъ вноситъ. А обозначеніе Епифанія «Премудрымъ» оттѣняетъ и извѣстную трудность пониманія подобныхъ произведеній. Пахомій былъ проще и доходчивѣе. Но свойствомъ этого новаго типа житій было внесеніе въ нихъ нарочитаго заданія; то было прославленіе святаго, а не просто благоговѣйное описаніе его жизни. Добросовѣстность изображенія фактическаго матеріала этимъ не понижается: правдивость остается непреложной основой всякаго житія. Но обозначается извѣстная односторонность, завѣдомая и сознательная: святой изображается, именно какъ святой, въ его подвижническомъ образѣ, церковномъ, духовномъ, бытовомъ. Національно-политическая сторона дѣятельности даже такого крупнаго человѣка, какъ преп. Сергій, остается какъ бы за скобками: ни въ житіи Епифанія полномъ, ни въ сокращенномъ его текстѣ, получившемъ особую популярность (составленномъ Пахоміемъ), мы не найдемъ упоминанія, ни объ инокахъ-воинахъ, данныхъ Димитрію въ помощь на Куликово поле, ни о политическихъ вмѣшательствахъ преп. Сергія въ пользу Москвы въ ея столкновеніяхъ съ удѣльными князьями. Это надо искать въ лѣтописяхъ. Житія, по заданію, должны были отражать «вѣчное», воплощавшееся въ образѣ того или иного святаго. Не найдемъ мы, однако, въ этихъ житіяхъ и изображенія внутренней духовной жизни, въ ея отрѣшенности отъ всего земного. Внѣшнее, бытовое, церковное, монастырское — не потаенно-келейное! — являетъ намъ житіе, обрамляя благоуханіемъ «словесности» эту простую ткань. Очень многаго мы не извлечемъ изъ всего множества этихъ житій, впервые ставшихъ предметомъ спеціальнаго изученія въ рукахъ знаменитаго историка Ключевскаго — въ смыслѣ источника освѣдомленія о жизни эпохи вообще. Не проникнемъ и въ тайны «умной молитвы». Предъ нами, однако, раскроется «училище благочестія», присущимъ житійному мастерству языкомъ изображенное — во всемъ многообразіи конкретныхъ проявленій этого благочестія на опытѣ сотенъ русскихъ святыхъ. Направленность этого благочестія, въ общей его формѣ, сомнѣній не вызываетъ. «Сотвори умъ твой единаго Бога искати и прилежати къ молитвѣ» — эта формула одного изъ святыхъ

можетъ быть примѣнена ко всѣмъ безъ изъятія. Полная независимость отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній и полная незаинтересованность въ какихъ либо внѣшнихъ достиженіяхъ. Устремленность къ Богу всецѣлая, но не замыкающаяся отъ людей, а въ какіе то моменты, слѣдуя промыслительной десницѣ Божіей, обращающаяся и къ людямъ. Но все съ той же единственной задачей: обращенія ко спасенію души человѣческой, кѣмъ бы этотъ человѣкъ ни былъ. Отсюда и огромная, можно сказать, опредѣляющая сила воздѣйствія монастырей на весь укладъ жизни русскаго народа, отъ великихъ до малыхъ. Они были не центрами «культуры», изъ которыхъ возникали бы современные имъ университеты, сосредоточенные на «культурномъ» дѣланіи, какъ на нѣкой самоцѣли. Они были мѣстами отъединенія отъ міра во имя спасенія души — съ готовностью стать маяками на этомъ, особо-узкомъ, пути, и это для всякаго истиннаго христіанина. Церковное пѣніе, иконопись — эти стороны духовной культуры естественно могло и должны были расцвѣтать въ такихъ монастыряхъ. Но они не стали спеціальными теплицами богословствованія. Источниками духовной силы были они для всего русскаго народа, всеобщими окормителями духовными на пути спасенія, и въ этомъ направленіи такъ могущественно-реальна была связь ихъ съ русскимъ народомъ, что законнымъ стало уподобленіе всей Руси — Монастырю.

XII.

Двойная церковно-духовная генеалогія Руси. Связь съ Византіей. Лояльность къ ней Руси. Флорентійская унія. Кн. Василій и Исидоръ. Русь вырастаетъ въ преемницу Византіи, какъ хранительницы Православія во вселенной. Паденіе Царьграда. Отраженіе Флорентійскаго Собора въ литературѣ. Сказаніе о взятіи Царьграда Нестора-Искандера. Символика, въ немъ изображаемая. Пророчества, въ немъ отмѣченныя. Изображеніе паденія Царьграда лѣтописцемъ русскимъ. Углубленіе и развитіе идеи «Третьяго Рима» въ политической литературѣ. Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ. Сопоставленіе паденія Византіи съ датой ожидаемаго апокрифической литературой конца исторіи. Ненаступленіе этого конца заостряетъ интересъ къ истолкованію дальнѣйшаго хода исторической жизни. Сказанія и пророчества, возникшія въ Новгородѣ и Псковѣ. Повѣсть о «Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ». Уточненіе и полное раскрытіе теоріи третьяго Рима въ твореніяхъ старца Филоѳея. Свѣдѣнія, о немъ имѣющіяся. Посланіе къ Мунехину. Посланіе къ самому князю Василію III. Теорія Третьяго Рима, какъ принадлежность общая русскаго сознанія, какъ связующая сила, объединяющая населеніе Великой Равнины въ Русскій Народъ.

Какъ мы видѣли, Россія имѣла двойную церковно-духовную генелогію. Она приняла вѣру отъ грековъ, отъ Византіи, послушливо

воспринимая себя составной частію Царьградской Патріархіи, причемъ самое имя «Росія» явилось на свѣтъ, какъ обозначеніе греческой митрополіи, обнимающей наше отечество. Но опосредствовано было Православіе культурой славянской, истово-церковной и, примѣнительно къ нашему отечеству, лишенной всякой заостренности «автокефальной», а тѣмъ болѣе церковно-политической, анти-византійской. Греческая Имперія, въ которой огромныя достиженія благочестія, богомыслія, подвижничества и всѣхъ видовъ церковной культуры сочетались съ наличіемъ элементовъ политической и гражданской порочности («греки лукавы суть», свидѣтельствовали наши далекіе предки), не имѣла основанія подозрительно относиться ни къ русской іерархіи, ни къ русскимъ монахамъ, какъ къ соперникамъ: Византія могла быть увѣрена въ смиренной лояльности русскаго міра, благоговѣйно взиравшаго на Царьградъ, какъ на источникъ церковной благодати, Богомъ благословенный. Въ частности, Императоръ воспринимался, какъ ставленникъ Божественнаго Промысла, не допускающій соперничества, въ своей единственности, ни съ какой иной властію на землѣ, ибо являющійся главой христіанскаго «земнаго круга», Богомъ на то поставленнымъ и преемственно восходящимъ къ императорамъ Римскимъ. Колебалась Имперія Визнтійская подъ ударами варваровъ-агарянъ, но не колебало то «идеи», пока Господь проносилъ ее сквозь всѣ испытанія нерушимой. И не только іерархія наша неотмѣнно возглавлялась ставленниками Византіи, но зорко слѣдили Патріархи и за тѣмъ, чтобы неотмѣнно поминались и на возвышающейся Москвѣ Императоры-Цари, въ своей единственности не могущіе быть уподобленными никакимъ инымъ монархамъ Вселенной.

Страшный ударъ престижу Византіи нанесла Флорентійская унія. Москва отпускала поставленнаго изъ Царьграда митрополита Исидора съ наказомъ твердымъ, говоря ему устами вел. кн. Василія Васильевича: «Смотри же принеси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужаго, не приноси . . .» Какъ извѣстно, митр. Исидоръ передался латинству, подчинившись тому пагубному вѣянію византійской политики, которое пыталось цѣною отказа отъ вѣрности Православію купить помощь Запада противъ агарянъ. Торжественно встрѣченный въ Успенскомъ Соборѣ, на первой же службѣ митр. Исидоръ помянулъ Папу. Единственно нерастерявшійся князь Василій проявилъ, впервые въ русской исторіи, свою державную власть, какъ хранитель Православія: онъ приказалъ схватить отступника и ввергнуть въ темницу (откуда потомъ дали ему бѣжать къ латинянамъ, у которыхъ и кончилъ свои дни отступникъ). Россійскую митрополію возглавилъ русскій іерархъ — Іона, который, когда выровнялось положеніе въ Византіи, не принявшей Флорентійскаго отступничества, возстановилъ свое сыновнее отношеніе къ Матери-Церкви. Но

въ эпизодѣ этомъ уже сказалось то благодатное перерожденіе, которое испытывало наше отечество. Возставая къ новой государственно-самостоятельной жизнедѣятельности изъ униженія, разоренія и угнетенія татарскаго съ не только сохраненной, но и укрѣпленной и пріумноженной духовной силой, Русь вырастала въ державу, проникнутую сознаніемъ своей особой миссіи, Богомъ ей врученной: не только свято хранить въ своемъ обыденномъ быту святое Православіе, сливая съ нимъ всѣ отрасли и формы своей жизни ,но и свою возникающую державную мощь воспринимать, какъ службу Церкви охранную, возглавляемую стоящимъ во главѣ русскаго возрожденія московскимъ княземъ-царемъ. Удивленіе почтительное должно вызывать въ насъ неколебимое стояніе въ Вѣрѣ Православной нашихъ предковъ, сохранившихъ эту Вѣру не только неповрежденной, но еще внутренне усилившейся въ невзгодахъ татарщины. Но, пожалуй ,еще большее почтеніе благоговѣйное должно вызывать у насъ то новое умоначертаніе державно-политическое, которое зараждалось въ русскомъ политическомъ сознаніи — въ полномъ контрастѣ съ еще неизжитой приниженностью, въ тягчайшемъ трудѣ медленно-настойчиво преодолѣваемой.

Окончательно оформляться стало это новое умоначертаніе лишь послѣ того, какъ картина міра измѣнилась радикально съ паденіемъ, окончательнымъ и безвозвратнымъ, Царьграда въ 1453 г. Никакія временныя напасти, посѣщавшія Византію, никакія ея измѣны, никакія проявленія традиціоннаго византійскаго лукавства не могли поколебать истовой лояльности Руси въ ея послушливомъ тяготѣніи къ Матери-Церкви, нераздѣльно, Промысломъ Божіимъ, соединенной съ Императорскимъ Престоломъ Византійскимъ. Но вотъ пала Имперія. Плѣнницей стала, пріявъ мученическій вѣнецъ, Царьградская Церковь. Осиротѣлъ православный міръ. И узрѣла себя Русь — призываемой Промысломъ Божіимъ къ новому высокому д е р ж а в н о м у служенію, долженствующему заполнить возникшую пустоту.

Какое отраженіе нашли вышеупомянутыя событія и связанный съ ними духовный переворотъ въ литературѣ? Надлежитъ, прежде всего, отмѣтить нѣсколько сказаній, связанныхъ съ Флорентійскимъ соборомъ, — въ частности, точную и красочную «повѣсть» о путешествіи на соборъ и о самомъ соборѣ, вышедшую изъ-подъ пера одного изъ спутниковъ митр. Исидора, суздальскаго іеромонаха Симеона. Вотъ нѣсколько словъ изъ нея, посвященныхъ самой Флоренціи: «Градъ Флоренція великъ весьма, и такого не обрѣтохомъ въ прежде писанныхъ градехъ. . . Есть же въ градѣ томъ лечебница велика и есть въ ней за тысячу кроватей, и на послѣдней кровати перины чудны и одѣяла драгія. . . И есть во градѣ томъ икона чудотворна: образъ Пречистой Божіей Матери, и есть предъ иконою тою, въ больницѣ, исцѣлѣвшихъ людей за шесть тысячъ доспѣты

вощаны, во образъ людей тѣхъ. . . И суть во градѣ томъ Божница устроена велика, камень мраморъ бѣлъ, да чернъ; а у Божницы той устроены столпъ и колокольница и хитрости ей недоумѣваетъ умъ нашъ». Сильно въ одномъ изъ другихъ сказаній выраженъ конечный результатъ уніи: «и самому тому царю греческому отступившу. . . отъ свѣта благочестія, и омрачися тмою латинскія ереси, а отечество твоего (т. е. князя Василія московскаго) княженія просвѣтися свѣтомъ благочестія».

Взятіе Царьграда стало предметомъ замѣчательнаго сказанія, въ основѣ котораго лежатъ записи нѣкоего Нестора-Искандера, воина «много времени пострадавшаго въ ратныхъ хожденіяхъ, укрываяся сѣмо и овамо». бывшаго въ турецкихъ войскахъ при взятіи Царьграда, а потомъ принявшаго даже магометанство. Фактическій матеріалъ этихъ записей обрамленъ сѣтью идеологической, чрезвычайно характерной. Воспоминается основаніе града Царемъ Константиномъ, вѣщимъ его сномъ обусловленное. Знаменіе воспоминается, какъ во время работъ возникъ бой орла со змѣемъ и какъ побѣждающій, было, змѣй былъ убитъ подоспѣвшими людьми: такъ басурманство одолѣетъ христіанство, но «напослѣдокъ паки христіанство одолѣетъ бесерменство, и Седмихолмаго (т. е. Царьградъ) пріимутъ и въ немъ воцарятся». Описывается и слава Царьграда, и паденіе его, по грѣхамъ его. Описываются грозныя знаменія, предшествовавшія его паденію: въ образѣ огня благодать покинула св. Софію, выйдя изъ оконъ храма и взвившись къ небу! Выпалъ кровавый дождь! Подъ конецъ приводится на память пророчество Льва Премудраго о томъ, что «русій родъ» побѣдитъ Измаила, отниметъ Царьградъ и воцарится въ немъ.

Соотвѣтственно истолковывалось паденіе Царьграда и русскимъ лѣтописцемъ: «Царство безъ грозы есть конь безъ узды. Константинъ и предки его давали вельможамъ утѣснять народъ, не было правды въ судахъ, ни въ сердцахъ мужества; судіи богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ, а полки греческіе только величались цвѣтною одеждою; гражданинъ не стыдился вѣроломства, а воинъ бѣгства, и Господь казнилъ властителей недостойныхъ, умудривъ царя Магомета, коего воины играютъ смертію въ бояхъ и судіи не дерзаютъ измѣнять совѣсти. Уже не осталось теперь ни единаго царства Православнаго, кромѣ Русскаго. Такъ исполнилось предсказаніе Святыхъ Меѳодія и Льва Мудраго, что Измаильтяне (турки) овладѣютъ Византіею; исполнится можетъ быть и другое, что Россіяне побѣдятъ Измаильтянъ и на седьми холмахъ ея воцарятся».

Лѣтописецъ высказывается осторожно. Политическая мысль идетъ дальше и глубже, задумываясь надъ природой княжеской власти, выдвигаемой нынѣ на столь высокое мѣсто. Раждается «сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ», въ которомъ фантазія переплетается съ фактами. Генеалогія русскихъ князей возводится къ самому Августу,

къ роду котораго причисляется Рюрикъ. Особое значенiе придается Владимiру Мономаху и тѣмъ знакамъ царскаго сана, которые получены были имъ изъ Византiи, чтобы потомъ стать у насъ символомъ боговѣнчанности нашихъ монарховъ. Владимiръ именуется «боговѣнчаннымъ царемъ», который вѣнчался на «вольное и самодержавное царство». Показательно, что уже послѣ Куликовской битвы народное сознанiе готово было воспринимать московскаго князя, какъ Царя: въ житiйной литературѣ извѣстно «Слово о житии и преставленiи великаго князя Димитрiя Ивановича, царя Русьскаго». Вышеупомянутое «Сказанiе о князехъ Владимiрскихъ» въ такихъ словахъ выражаетъ заданiе, лежащее предъ русскимъ Царствомъ: «яко да церковь Божiя безмятежна будетъ и все православiе въ покоѣ пребудетъ подъ сущею властiю нашего царства и твоего полнаго самодержавiя великiя Россiя, да нарицаешися боговѣнчанный царь, вѣнчанъ самъ царскимъ вѣнцемъ». Такое заданiе давалось еще Владимiру Мономаху Императоромъ Византiйскимъ. Съ паденiемъ Имперiи оно получало новый смыслъ: Россiя вырастала въ новый, третiй Римъ.

Паденiе Византiи не далеко отстояло отъ даты многозначительной: въ 1492 г. истекала шестая тысяча лѣтъ отъ сотворенiя мiра. Апокрифическая литература связывала съ этой датой кончину мiра. Какъ шесть дней творился мiръ, такъ шесть дней-тысячелѣтiй долженъ онъ жить, а потомъ Господь почiетъ отъ дѣлъ Своихъ. Точная дата сотворенiя мiра приурачивалась къ ночи съ 24 на 25 марта. Настороженнымъ оказалось, естественно, вниманiе православнаго мiра — ждали многiе конца. Не наступилъ онъ. Столь же естественно заострилось вниманiе къ вопросу дальнѣйшей жизни — въ планѣ домостроительства человѣческаго спасенiя. И тутъ то и раскрылась во всей своей убѣдительности грядущая судьба Россiи, облекаясь въ ставшую отнынѣ знаменитой и вошедшую прочно въ русское церковное сознанiе теорiю «третьяго Рима».

Интересно, что получила эта теорiя свое оформленiе не въ самой Москвѣ, а была какъ бы подсказана ей окраиной, наиболѣе независимой и самобытно-русской: цѣлиной русской, самой древней, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, остающейся неизмѣнно носительницей углубленнаго самосознанiя общенацiональнаго. Сѣверъ русскiй сохранилъ намъ былины Кiевскаго цикла. Новгородъ и Псковъ дали Россiи теорiю третьяго Рима. Отраженiе ея находимъ въ возникшей въ Новгородѣ «Повѣсти о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ». То было отличiе новгородскихъ первоiерарховъ. Полученiе такого отличiя отъ Византiи (равно, какъ и полученiе Новгородомъ, согласно другому сказанiю, Тихвинской иконы Божiей Матери, первоначально бывшей въ Римѣ, а потомъ, чрезъ Константинополь, попавшей въ Новгородъ) и получило знаменательное истолкованiе: «Ветхiй бо Римъ отпаде славы и отъ вѣры Христовы гордостiю и своею волею; въ новомъ же

Римѣ, еже есть въ Константиноградѣ, насиліемъ агарянскимъ тако-же христіанская вѣра погибнетъ; на третьемъ же Римѣ, еже есть на Русской земли, благодать Святаго Духа возсія». Это предсказаніе приурочено къ самому Новгороду, но ему приходилось уступать мѣсто Москвѣ, и уже примѣнительно къ ней теорія третьяго Рима выражается въ до конца раскрытой формѣ нѣкимъ монахомъ Псковской земли, ничѣмъ кромѣ этого своего свидѣтельства-пророчества не замѣчательнымъ. Родившійся гдѣ то въ Псковской землѣ въ началѣ второй половины XV вѣка, старецъ Филоѳей извѣстенъ намъ, какъ монахъ Елеазарова монастыря, основаннаго къ этому времени неподалеку отъ Пскова св. Евфросиніею Псковскою. Самъ о себѣ старецъ въ одномъ изъ посланій своихъ пишетъ: «Я человѣкъ сельской и невѣжа въ премудрости, не въ Аѳинахъ родился, ни у мудрыхъ философъ учился, ни съ философы въ бесѣдѣ не бывалъ: учился есмь книгамъ благодатнаго закона, чѣмъ бы моя грѣшная душа спасти и избавитися вѣчнаго мученія».

Это была обычная формула, обезпечивающая право говорить, не считая себя связаннымъ какими либо авторитетами нежелательными, но былъ старецъ конечно «книжнымъ». Есть основаніе думать что онъ прикосновененъ былъ къ хронографу мѣстному 1512 г., гдѣ подъ годомъ 1453-мъ ясно проведена была мысль о Москвѣ, какъ наслѣдницѣ Византіи: «Наша же Россійская земля Божіей милостью и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ растетъ и младѣетъ и возвышается, ей де, Христе милостивый, даждь расти и младѣть и расширятися и до скончнія вѣка».

Въ бытность свою въ Псковѣ со старцемъ сблизился дьякъ Мунехинъ, по прозванію Мисюрь, т. е. египтянинъ, такъ какъ до того ѣздилъ онъ посломъ въ Египетъ, и съ его словъ было составлено даже описаніе видѣнныхъ имъ заморскихъ странъ. Къ нему и обращено посланіе старца, въ которомъ онъ, оспаривая тѣхъ, кто по звѣздамъ хочетъ открыть теченіе событій, приписываетъ перемѣны въ странахъ и царствахъ промыслительной волѣ Божіей. Господь возвышаетъ за благочестіе однихъ и губитъ за грѣхи другихъ. Если Византія предана туркамъ, то за нечестіе грековъ, склонившихся къ латинству. Если Римъ же и не плѣненъ врагами, то души латинянъ — плѣнены дьяволомъ. Одно только сохранилось подъ небесами православное Царство—Московское: «да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христіанская царства пріидоша въ конецъ и снидошася во едино Царство нашего Государя. По пророческимъ книгамъ то есть Росейское царство: два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти». Въ томъ же духѣ писалъ другой разъ старецъ уже самому Великому князю Василію III. Церковь стараго Рима пала чрезъ Аполлинаріеву ересь, второй Римъ, Константинополь, палъ отъ внуковъ Агари. «Соборная апостольская церковь новаго третьяго Рима, Московскаго царства, паче солнца свѣтится во всей поднебесной».

Кончается посланіе тѣмъ же вѣщаніемъ — уже непосредственно обращеннымъ къ богобоязненному Царю, съ призывомъ услышать и замѣтить, что всѣ царства, съ паденіемъ двухъ Римовъ, объединяются въ его царствѣ — и стоитъ третій Римъ, а четвертому не быть!

Это умоначертаніе, не обязательно въ подобной заостренной формѣ, стало достояніемъ русской жизни во всемъ ея объемѣ, отъ царскаго дворца до послѣдней хижины. И только этимъ можно истолковать несравненную выносливость русскаго человѣка въ его стояніи за вѣру православную, нераздѣльно слитомъ съ вѣрноподданническимъ служеніемъ Царю — хранителю Вѣры. Это умоначертаніе было той связующей силой, которая разбросанное и растекающееся по необозримымъ пространствамъ населеніе Русской Земли дѣлало государственно-сплоченнымъ Русскимъ Народомъ.

XIII.

Незнаніе Русью богословствованія, какъ самостоятельнаго заданія. Опасеніе предъ самочиннымъ умствованіемъ. Оригинальная литература раждается по особымъ поводамъ: проповѣди, поученія, посланія. Примѣръ: посланія преп. Кирилла Бѣлозерскаго, посланіе архіеп. Вассіана. Появленіе богословскихъ трактатовъ по особымъ поводамъ. «Стригольники» и вызванная ими литература. «Жидовствующіе». Вызванная ересями спасительная реакція. Архіеп. Геннадій. Полезныя его начинанія, косвенно обусловленныя ересями. Участіе выучениковъ Запада въ его мѣропріятіяхъ и наличіе оглядки на латинство. Опорачиваетъ ли это обстоятельство церковную реакцію на ереси въ цѣломъ? Общая характеристика этой реакціи въ ея двухъ крыльяхъ.

Древняя Русь не знала центровъ богословствованія, аналогичныхъ западно-европейскимъ, изъ которымъ выростали впослѣдствіе «университеты», обнимавшіе уже и циклъ наукъ свѣтскихъ. Но это не значитъ, что благочестивые предки наши не задумывались надъ задачею Богопознанія и не успѣли въ немъ. Характерно для строя русскаго благочестія было, однако, то, что не дѣлалось Богопознаніе нѣкой нарочитой и самостоятельной задачею, а оставалось основою общей, во спасеніе души, жизнедѣятельности подвижниковъ Церкви, неотдѣлимой отъ остальныхъ сторонъ жизни. Характернымъ было и то, что, сохраняя преемственную связь съ исконнымъ умоначертаніемъ отцовъ Церкви, наши предки крайне опасались самочиннаго умствованія, способнаго ввести въ соблазнъ. На языкѣ святоотеческомъ такое умствующее самочиніе получило обозначеніе «мнѣнія». Чтобы не впасть въ этотъ соблазнъ, необходимо строго слѣдовать ученію, принятому Церковью, считая себя связаннымъ имъ всецѣло. Такъ и мыслили наши предки, стараясь черпать Богопознаніе изъ источниковъ безспорныхъ и послушливо впитывать

его въ себя. Возникала обширная литература, удовлетворявшая этой потребности — переводная. Оригинально-русскимъ было то, что вызывалось къ жизни особыми поводами практическими. То были проповѣди, поученія, посланія, вызывавшіяся тѣми или иными обстоятельствами. Какъ примѣры замѣчательныхъ посланій укажемъ обращеніе преп. Кирилла Бѣлозерскаго въ 1400 г. къ вел. кн. Василію Дмитріевичу, по поводу раздоровъ его съ Суздальскими князьями, и его же посланія двумъ другимъ князьямъ, одно призывавшее князя «какъ властелина, отъ Бога поставленнаго, унимать людей отъ лихаго обычая», а другое утѣшительное, по поводу болѣзни княгини. Укажемъ и на посланіе архіеп. Ростовскаго Вассіана, духовника Іоанна III, взывавшее къ мужеству великаго князя предъ лицомъ «бесерменина» Ахмата. Посланіе это требовало самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, разбивая всѣ доводы, которые можно было бы приводить въ пользу медлительности и опасливости въ дѣлѣ отраженія врага. Какъ извѣстно, тактика Іоанна III оправдалась: ханъ Ахметъ отступилъ, не принявъ боя. Но это не умаляетъ значительности подобнаго выступленія Церкви. Бывали моменты, когда обстоятельства создавали необходимсть возникновенія цѣлыхъ трактатовъ богословскихъ — тогда и появлялись они, свидѣтельствуя о томъ, что были на Руси силы, способныя излагать ученіе Православной Вѣры внятно, обстоятельно, убѣдительно, вѣско. Мы имѣемъ въ виду огромное еретическое движеніе, взволновавшее русское общество и потребовавшее мобилизаціи всѣхъ духовныхъ силъ наличныхъ, чтобы отразить раждающуюся опасность. То была ересь «жидовствующихъ», родоначальницею своей имѣвшая другую ересь — «стригольниковъ».

Обѣ ереси возникли на псковско-новгородской окраинѣ, наиболѣе тѣсно соприкасавшейся съ Западомъ. «Стригольники» (повидимому отъ слова «стригольникъ»-цырульникъ, т. к. либо цырульникомъ, либо разстриженнымъ дьякономъ былъ Карпъ, одинъ изъ вождей движенія) были противниками церковной іерархіи и отрицателями догматовъ, таинствъ, богослуженія; исповѣдывались землѣ и вѣрили въ непосредственное общеніе съ Богомъ. Эта ересь вызвала къ жизни обличительныя сочиненія св. Стефана Пермскаго и митр. Фотія. Возникнувъ во второй половинѣ XIV в., оно замерло въ началѣ XV в., но лишь для того, чтобы возродиться съ новой, уже, дѣйствительно, угрожающей, силой, въ образѣ ереси «жидовствующихъ» (такъ названной и по внутренней родственности съ еврействомъ и въ виду большой роли нѣкоего еврея Схарія въ этомъ движеніи). «Явися шатаніе въ людехъ и въ неудобнѣхъ словесѣхъ о Божествѣ», опредѣляла лѣтопись смыслъ этого суемудрія. Въ немъ не найдешь, ни общей стройности мыслей, ни заостренности специфической въ какомъ либо опредѣленномъ направленіи. Было то проявленіемъ безкрайнаго вольнодумства, причудливо сочетавшаго-

ся и съ чернокнижіемъ и со звѣздочетствомъ. Поколебленными оказывались самыя основы Вѣры. Точно повѣтріемъ губительнымъ проносилось это шатаніе по верхамъ русскаго общества. Оно проникло во дворецъ царскій. Оно обрѣтало единомышленниковъ среди высшихъ іерарховъ Церкви. Оно захватывало и народъ. «Нынѣ», свидѣтельствовалъ преп. Іосифъ Волоцкій, «и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищѣхъ, иноци и мірстіи вси сонмятся, вси о вѣрѣ пытаютъ».

Спасительная возникла реакція церковная. Воплощалась она прежде всего въ Новгородскомъ архіепископѣ Геннадіи. Невѣжество было однимъ изъ источниковъ смуты, и все вниманіе архипастыря обратилось на дѣло подъема культурнаго уровня священнослужителей. Знамениты высказыванія его о тьмѣ невѣжества, царившей вокругъ него: «приведутъ ко мнѣ мужика, а я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступити не умѣетъ». Дѣятельно обратился святитель къ выполненію настоятельной задачи подготовки достойныхъ пастырей. Осуществилъ онъ и другое заданіе, насущность котораго возникшимъ шатаніемъ умовъ была особенно сильно подтверждена. Дѣло въ томъ, что потрясенія и разрушенія татарскаго нашествія повели къ уничтоженію книжныхъ сокровищъ церковной Руси такому, что безвозвратно погибшими оказались нѣкоторыя части Священнаго Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ. Полнаго текста Библіи вообще не было. Его надо было сдѣлать. Сказалось тутъ, однако, недовѣріе къ грекамъ и отчужденность отъ нихъ: переводъ дѣлался съ латинскихъ текстовъ и при технической помощи спеціалистовъ выучки западной. Такимъ образомъ, вѣяніе Запада сказалось не только въ лагерѣ еретическомъ, но отчасти и среди защитниковъ истовой церковности. Вліяніе латинства можно усматривать не только въ «Геннадіевой Библіи» (1499 г.), которая могла быть противупоставляема утвержденіямъ «жидовствующихъ», смущающимъ умы вѣрующихъ. Оно могло сказываться и въ томъ воинствованіи противъ еретиковъ, которое вѣнцомъ своимъ имѣло соборъ противъ еретиковъ въ Москвѣ 1504 г.

Это ни въ какой мѣрѣ не опорачиваетъ истово-православнаго содержанія того могучаго охранительнаго движенія, которое возникло тогда на Руси и которое лучшаго своего выразителя нашло въ преп. Іосифѣ Волоцкомъ (въ мірѣ Санинѣ). Понятно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что указанные выше уклоны, а равно и заостренность полемики съ еретиками и напряженность борьбы съ ними, способны были вызвать реакцію въ церковныхъ же кругахъ. Эта реакція, въ свою очередь, способна была вести къ извѣстнымъ чрезмѣрностямъ, сохраняя въ себѣ, однако, полноту церковно-православнаго духа. Такимъ образомъ обозначилось два основныхъ теченія русской церковности, въ которыхъ надлежитъ различать, съ одной стороны, временное и наносное, не лишенное тѣхъ или иныхъ чрезмѣрностей, а съ дру-

гой — вѣчное, предметное, существенное, что остается драгоцѣнныхъ вкладомъ въ русскую церковно-православную культуру. Два имени воплощаютъ эту характерную раздвоенность церковнаго сознанія: преп. Іосифа Волоцкаго и преп. Нила Сорскаго. То обстоятельство, что оба являются прославленными святыми, свидѣтельствуетъ достаточно ярко о внутренней правдѣ, присущей обоимъ теченіямъ.

XIV.

Іосифъ Волоцкій. Краткая его біографія. Чей онъ выученникъ? Его пребываніе въ Боровскомъ монастырѣ. Основаніе своего монастыря. Характеристика его и Іосифа въ немъ. Духовная грамота преп. Іосифа. Только ли внѣшняя дисциплина лежитъ въ основѣ монашеской жизни? Преп. Іосифъ, какъ богословъ. Своеобразіе русскаго благочестія, какъ его понимаетъ преп. Іосифъ. Опасность ересей. Борьба съ нею. Суровость мѣръ. Чѣмъ она вызывается? Есть ли тутъ подражаніе Западу? Преп. Нилъ Сорскій. Краткое его жизнеописаніе. Въ чемъ отличіе подвига монашескаго, по ученію преп. Нила, отъ ученія о томъ же преп. Іосифа? Проблема «нестяжательства». Въ какую крайность впадали «нестяжатели»? Примѣръ Вассіана Патрикѣева. Проблема государственности въ пониманіи преп. Іосифа. Подготовка іерархіи.

Преп. Іосифъ, самъ пройдя суровую школу общежительнаго монашества, выработалъ изъ себя нарочито суроваго воспитателя монашества. Будучи отпрыскомъ семьи, давшей 18 монаховъ, въ томъ числѣ отца и мать Іосифа (свидѣтельство яркое силы благочестія, присущей служилому сословію тѣхъ временъ!), будущій подвижникъ, въ мірѣ Иванъ, уже восьми лѣтъ навыкшій читать «всѣ божественныя книги» и бывшій чтецомъ и пѣвцомъ въ храмѣ, бѣжитъ съ однимъ своихъ сверстникомъ изъ міра, давая завѣтъ полнаго повиновенія Богомъ посланному старцу. Первый монастырь, куда онъ приходитъ, отпугиваетъ его: онъ попадаетъ въ трапезную съ мірянами, слышитъ сквернословіе и смѣхъ безчинный и — бѣжитъ не ѣвши. Находитъ онъ себѣ руководителя истиннаго въ лицѣ преп. Пафнутія Боровскаго, который и воспитываетъ его въ «послушаніи безъ разсужденія». Тутъ же постригается и отецъ Іосифа, больной уже и старый: за нимъ ходитъ Іосифъ до его кончины 15 лѣтъ. Въ полномъ расцвѣтѣ силъ, 38 лѣтъ отъ роду, по смерти Пафнутія, становится Іосифъ, по его выбору, преемникомъ его на игуменскомъ мѣстѣ (1477 г.). Такъ начинается неутомимая учительная дѣятельность обновителя русскаго монашескаго житія.

Его не удовлетворяетъ порядокъ жизни Боровскаго монастыря: не было тамъ полнаго «общежитія», упраздняющаго всякую личную собственность. Но не встрѣчаетъ онъ должнаго сочувствія для из-

мѣненія этого порядка у братіи. Что же дѣлаетъ Іосифъ? Онъ покидаетъ монастырь и, скрывая свой игуменскій санъ, «яко невѣгласъ простой», ходитъ, работая «на черныхъ службахъ», по монастырямъ, — дабы «избирать отъ нихъ яже на пользу». Удовлетворяетъ его изъ монастырей одинъ только: Кирилловъ, «не словомъ общій, а дѣлы», гдѣ и въ трапезной и въ храмѣ «кійждо стояше на своемъ мѣстѣ и на ино мѣсто не смѣ преступати». Въ монастырѣ Саввиномъ едва не раскрывается его инкогнито: ему выпадаетъ ненарокомъ читать въ церкви. «Бѣ же у Іосифа въ языцѣ чистота и въ очехъ быстрость, и въ гласѣ сладость и въ чтеніи умиленіе: никто бо въ тѣ времена нигдѣ таковъ явися». «Скоротекомъ» приходится ему бѣжать. Въ Боровскѣ считаютъ его уже умершимъ, когда, къ общей радости, возвращается онъ — ненадолго. Сердце его «горитъ огнемъ Святаго Духа». Покидаетъ онъ снова тайно обитель — уже окончательно, удаляясь на родину, въ волоколамскіе лѣса, чтобы тамъ основать такое монашеское общежитіе, такую «киновію», которая была бы, дѣйствительно, достойна этого именованія. Идея его встрѣчаетъ полное сочувствіе у князя Бориса Васильевича Волоцкаго, брата Іоанна III: тотъ даетъ землю подъ Волоколамскомъ и обѣщаетъ всяческую помощь. Когда приступаютъ къ возведенію храма, князь и бояре на своихъ плечахъ носятъ бревна. А чрезъ семь лѣтъ возводится уже прекраснѣйшій каменный храмъ, къ росписи котораго привлекается самъ знаменитый Діонисій. Быстро расло благосостояніе монастыря, ставшаго пристанищемъ множества ищущихъ спасенія, — въ частности и прежде всего изъ служилаго сословія. Характерной особенностію Волоколамскаго монастыря былъ разительный контрастъ между благолѣпіемъ, богатствомъ, широкой благотворительностію, вообще мощностію размаха монастыря въ цѣломъ — и убогой нищетностію каждаго монаха въ отдѣльности, поглощеннаго аскетическими подвигами. Огромное возникаетъ хозяйство, непосредственно руководимое Игуменомъ ,пусть и въ «плачевной ряскѣ», но съ лицомъ, напоминающимъ Іосифа Прекраснаго, и съ обычаемъ тароватаго русскаго барина, все, до послѣдней крохи, готоваго отдать дорогимъ гостямъ — нищей братіи, или употребить на подмогу сосѣднему пахарю.

Въ Духовной грамотѣ сосредоточилъ Игуменъ свои наставленія братіи — уставъ монашеской жизни общежительной, составленный уже передъ лицомъ близкой смерти. Необходимость строгой дисциплины, поддерживаемой строгими внѣшними мѣрами, но хранимой внутреннимъ сознаніемъ неуклонно, внѣ зависимости отъ разнообразія несомыхъ каждымъ инокомъ послушаній, иногда чисто хозяйственныхъ, тщательно формулируется въ этомъ уставѣ, тутъ же будучи иллюстрируема примѣрами житійными. Все благообразно и по чину — но питаются эти благообразіе и чинъ внутреннимъ дѣланіемъ, которое, однако, неизмѣнно именно этимъ внѣш-

нимъ обусловливается: «прежде о тѣлесномъ благообразіи и благочиніи попечемся, потомъ же и о внутреннемъ храненіи». «Стисни свои руцѣ и соедини свои нозѣ и очи смежи и умъ собери» — вотъ образъ монаха, ставшаго на молитву. И поскольку осталась у насъ въ памятникахъ картина дѣйствительной жизни Іосифова монастыря, свидѣтельствуетъ она именно объ аскетическомъ обликѣ его насельниковъ. «Молитва Іисусова безпрестани изъ устъ исходяще и ко всякому пѣнію къ началу спѣшаще». «Сами себе мучаще Христовы страдальцы, въ нощи и на молитвѣ стояще, а во дни на дѣло спѣшаще». «Слезы же отъ очію ихъ исхождаша. . . часъ смертный имѣяй на всякъ часъ». «Вси въ лычныхъ обущахъ и въ плаченыхъ (т. е. заплатанныхъ) ризахъ, аще отъ вельможъ кто, отъ князей или отъ бояръ». «Овъ пансырь ношаше на нагомъ тѣлѣ подъ свиткою, а инъ желѣза тяжкы и поклоны кладущи, овъ 1000, инъ 2000, инъ 3000, а инъ сѣдя сна вкушая». Бѣжали иные: «жестоко есть сіе житіе, и въ нынѣшнемъ родѣ кто можетъ таковая понести?» Претерпѣвые же до конца образовывали могучее, и физически, и хозяйственно, и духовно, братство, ставшее ведущей силой русскаго общества.

Что эта сила была способна и къ богомыслію, свидѣтельствуетъ замѣчательное произведеніе, вышедшее изъ подъ пера преп. Іосифа, какъ актъ апологетически-полемическаго богословствованія, обращеннаго къ русской церковной средѣ предъ лицомъ грозной бѣды еретичества: знаменитый его «Просвѣтитель». Свѣтлый умъ преп. Іосифа, прежде всего, ясный отчетъ отдавалъ себѣ въ своеобразіи русскаго благочестія, заставлявшаго съ особенной опаской относиться къ заразѣ еретичества. Вотъ какъ излагаетъ онъ судьбы нашего отечества:

Запоздала Русь въ радости пріобщенія къ свѣту Христову. «По всѣмъ же странамъ спасенія проповѣдь евангельская изыде и вси отъ тмы идольскія избавлены быша и свѣтомъ богоразумія озаришася, точію же русская земля помрачашеся тмою идолобѣсія и скверными дѣлы до конца осквернена сущи. И много убо время прейде по вознесеніи на небо Единороднаго Сына». Но вотъ, наконецъ, милостію Божіею настало крещеніе Руси — и что же? Явила юная помѣстная Церковь Русская великое благочестіе и особую ревность въ вѣрности Православію. «Отъ того времени (т. е. отъ крещенія Руси) солнце евнгельско нашу землю осія и апостольскій громъ насъ огласи и божественныя церкви и монастыри составишася и быша мнозіе святителіе же и преподобніи чудотворцы и знаменосцы и якоже златыма крылома на небеса возлетаху; и якоже древле нечестіемъ всѣхъ превзыде Русская земля, тако и нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ. Во инѣхъ же странахъ, аще и мнози бяше благочестиви и преподобни, но мнози бѣху нечестиви и невѣрни, съ ними живуще и еретическая мудрствующе; въ Рустѣй же земли не токмо веси и

села мнози и несвѣдоміи, но и гради мнози суть, иже Единаго Пастыря Христа едина овчата суть, и вси единомудрьствующе и вси славяще святую Троицу, еретика же и злочестива нигдѣ же никто видѣлъ есть». На эти послѣднія слова надо все вниманіе обратить. Это единство въ вѣрѣ всего народа, сельскаго и городского, простого и образованнаго, и есть особенность Руси.

На фонѣ этой небесной простоты, этого стоянія въ истинной Вѣрѣ всего народа русскаго, какъ единаго стада Христова — внезапно возникла угроза массоваго отступленія отъ Истины. Протекала сначала эта болѣзнь тайно, но вотъ наружу вышла зараза, и вездѣ идутъ споры о вѣрѣ: «вси о вѣрѣ пытаютъ»! Недобрая то пытливость: «не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ святыхъ отецъ, но отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ» хотятъ получить отвѣты. Соблазнъ тонокъ: жидовствуютъ, но внѣшняго обнаруженія не являютъ — обрѣзанія не требуется. А по сути — все подвергается охуленію и отрицанію, что составляетъ Истину Христову. Далѣе возникаютъ уже и кощунства и половыя безчинства. Борьба должна быть объявлена безпощадная этому нечестію — и требуетъ преп. Іосифъ отъ власти примѣненія мѣръ государственнаго прещенія. Таковъ необходимый итогъ основательнаго и всесторонняго обслѣдованія лжеученія, составляющаго основное содержаніе «Просвѣтителя». Заточенія и казни должны оградить вѣрныхъ отъ волковъ. Даже покаянію ихъ не слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ естественно встаетъ вопросъ: истинное ли это покаяніе, и не является ли оно лишь личиною, подъ которою тѣмъ удобнѣе будетъ продолжать растлительную работу.

«Мы обрадовались», писалъ преп. Іосифъ Волоцкій, «твоей благочестивой ревности противъ еретиковъ, но посылая ихъ въ обители, ты творишь пользу только мірянамъ, а инокамъ разстройство. На всѣхъ, Государь, соборахъ послѣ проклятія посылали еретиковъ въ заточенія и сажали въ темницы. Кто захотѣлъ бы покаяться, можетъ покаяться въ темницахъ: въ скорбяхъ, въ бѣдахъ, въ узахъ Богъ особенно слышитъ кающихся».

Эта установка сознанія преп. Іосифа получала, нельзя не отмѣтить этого, нарочитое оправданіе въ томъ обстоятельствѣ, что зараза проникала уже очень высоко. Тѣмъ опредѣлялось, въ какой мѣрѣ еще хрупка была сопротивляемость русскаго православнаго стада внутренняя. Въ обращеніи церковнаго сознанія къ рѣшительнымъ внѣшнимъ мѣрамъ нѣтъ поэтому надобности видѣть нарочитое слѣдованіе примѣру Запада, съ ея инквизиціей. Тутъ нѣтъ системы, примѣняемой ко всей паствѣ и носящей характеръ постоянства. Это — чрезвычайная мѣра противъ чрезвычайной угрозы, извнѣ пришедшей и чуждой обычному нашему благочестію. Это — мѣра карантинной охраны противъ заразы. Жесткость здѣсь законно оттѣсняетъ неосмысленную жалостли-

вость, чуждую вообще истовому самосознанію православно-русскому, какъ оно находитъ себѣ выраженіе и въ преп. Іосифѣ. Надо сказать, что и въ позднѣйшія времена самые кроткіе представители русско-православнаго идеала въ рѣшительные моменты способны были требовать отъ государственной власти защиты, свойственными ей мѣрами, православнаго стада отъ соблазновъ, и, при всѣхъ условіяхъ, въ обязанность именно свѣтской власти, въ ея тѣсной связанности съ Церковью, вмѣняли заботу объ огражденіи народа отъ пагубныхъ вліяній. Только отдавая себѣ въ этомъ ясный отчетъ, можно правильно оцѣнить неправильность нѣкоторыхъ уклоновъ другого теченія, которое, найдя лучшее олицетвореніе въ преп. Нилѣ Сорскомъ, заняло иную позицію въ этомъ боевомъ вопросѣ.

Постриженикъ Кириллова монастыря, Нилъ, (въ міру Майковъ, — повидимому, изъ дворянскаго рода, хотя самъ онъ однажды себя назвалъ «поселяниномъ») долго жилъ на Аѳонѣ. Возвратившись домой, онъ уединился верстахъ въ 15 отъ Кириллова монастыря на рѣчкѣ Сорѣ, въ дикомъ и пустынномъ мѣстѣ, совершенно уединенномъ. Деревянная церковка и вокругъ нея нѣсколько хижинъ-келлій, вотъ гдѣ утвердился особый образъ монашескаго житія, и не общежительнаго и не безмолвно-отшельническаго, а того срединнаго, скитскаго, которое преп. Нилъ счелъ лучшимъ изъ всѣхъ и въ которомъ и преуспѣлъ, создавъ свою школу монашескую, получившую обозначеніе «заволжскихъ старцевъ». Завѣты преп. Нила объединены въ его «Преданіи ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ». Достигнувъ возраста 75 лѣтъ, въ своемъ скиту кончилъ онъ и дни свои, завѣщавъ братіи повергнуть тѣло его въ пустыню — «да изъѣдятъ звѣріе и птица, понеже согрѣшило есть къ Богу много и недостойно погребенія».

Считая уединенное отшельничество удѣломъ «совершенныхъ», преп. Нилъ осуществлялъ то, что онъ почиталъ «царскимъ путемъ»: «еже въ двухъ или трехъ живуще, общее стяжаніе нужныхъ, общую пищу и одѣяніе, общій трудъ и рукодѣліе и всякое промышленіе житію имѣти: надъ вся же сія, отсѣкающе свою волю, повиноватися другъ другу, въ страсѣ Божіи и любви». Исчерпываетъ содержаніе подвига спасенія такъ объединившихся братьевъ т. наз. «умное дѣланіе». Всѣ завѣты преп. Нила сводятся къ указаніямъ на то, что и какъ надлежитъ дѣлать монахамъ для того, чтобы максимально благопріятны были условія для совершенія ими этого внутренняго подвига, протекающаго въ уединеніи каждой отдѣльной души. Преп. Нилъ какъ бы беретъ слово на томъ моментѣ, когда обрываетъ его преп. Іосифъ, который не касается совершенно этой потаенной стороны монашескаго восхожденія. Значитъ ли это, что для «іосифлянъ» невѣдомъ былъ совершенно и какъ бы укрытъ отъ ихъ сознанія духовный опытъ, культивируемый спеціально «заволжскими старцами»? Не думаемъ того. Іисусова молитва и ею исторгаемые

слезы служатъ порукой обратнаго. Но центръ тяжести монашескаго подвига тѣхъ и другихъ, конечно, располагается иначе: отвращены «нестяжатели» отъ міра совершенно.

Мы сейчасъ назвали послѣдователей преп. Нила «нестяжателями». Чѣмъ вызвано такое, прочно прикрѣпившееся къ нимъ, обозначеніе? Они были противниками того, чтобы монастыри вели хозяйство, владѣли имуществами, пріобрѣтали земныя богатства, которыя текли къ нимъ въ образѣ вкладовъ на поминъ души, а потомъ пріумножались хозяйственной рачительностію монаховъ. Этотъ вопросъ былъ поставленъ на извѣстномъ намъ соборѣ 1504 г., и понадобилось вмѣшательство горячее преп. Іосифа, чтобы монастырское землевладѣніе не оказалось поколебленнымъ. Спору нѣтъ: соблазнъ представляетъ имущество, особенно богатое, въ рукахъ монаха. Но развѣ, по заданію, имъ самимъ и для себя оно употреблялось? Одинъ пришлый монахъ засталъ однажды преп. Іосифа за тяжкимъ трудомъ: онъ размалывалъ зерно ручными жерновами (тогда еще не было въ монастырѣ мельницы). Признавъ ,что такой трудъ неприличенъ для о. Настоятеля, онъ сталъ на его мѣсто. То же повторилось на слѣдующій день — повторялось и въ теченіи многихъ другихъ. Покидая монастырь, монахъ одно только могъ сказать: «не перемолоть мнѣ этого игумена» .

И въ подвижничествѣ иноческомъ есть уклонъ Маріинъ и есть уклонъ Марѳинъ. Возвышенъ Господомъ первый, но не осужденъ, тѣмъ паче не отмѣненъ, второй. Извѣстная крайность сказывалась у «заволжскихъ старцевъ», въ силу полной отвращенности ихъ отъ міра, и въ вопросѣ отношенія къ еретикамъ: они явно недооцѣнивали возникшую грозную опасность! Эта крайность проявилась особенно рѣзко въ одномъ изъ ихъ представителей, на которомъ надо нѣсколько остановиться, такъ какъ онъ можетъ быть разсматриваемъ, при всемъ его аскетизмѣ, какъ родоначальникъ въ русской церковной средѣ безотвѣтственнаго вольнодумства.

Мы имѣемъ въ виду Вассіана Патрикѣева Косого — «князяинока». Тщетно внушалъ ему его учитель, благостный Нилъ: «Сохрани же ся и не тщися ни укорити ни осудити никого ни въ чемъ, аще и не благо что зрится». «Князь-инокъ» со страстью обрушивался, со всей силой своего убѣжденія, дарованія и знаній, на преп. Іосифа, называя его «законопреступникомъ», «учителемъ беззаконія» и «человѣконенавистникомъ». Онъ обличалъ монастырское «стяжательство», въ мрачныхъ чертахъ рисуя тяжкое положеніе монастырскихъ крестьянъ рядомъ съ обиліемъ монашеской жизни, и звалъ монаховъ къ осуществленію дѣйствительному обѣтовъ нищеты. Что касается борьбы съ еретиками, то тутъ онъ стоялъ рѣшительно на позиціи полнаго непротивленія мѣрами государственнаго вмѣшательства: Богу надо предоставить судить согрѣшенія людей, ибо сказалъ Господь: не судите, (да) не осуждены будете. Эти обличенія

примѣнительно къ преп. Іосифу не попадали въ цѣль, ибо онъ не былъ ни стяжателемъ, ни человѣконенавистникомъ. Среди сторонниковъ его могли, конечно, быть люди, оправдывавшіе укоризны старца Вассіана, но послѣдній все же остается образцомъ явной чрезмѣрности въ лагерѣ преп. Нила. Въ существѣ же своемъ, оба теченія должны быть воспринимаемы, какъ два крыла, восполняющихъ другъ друга въ сложномъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія, осуществляемомъ Церковію. Несправедливо, въ частности, стилизовать преп. Іосифа, какъ узкаго государственника, ставящаго Церковь на службу свѣтской власти. Церковь, въ его лицѣ, трезво оцѣнивала реальную значимость государства, именно въ его церковно-православной окрашенности, какъ естественнаго и необходимаго союзника и сотрудника Церкви. Но изъ подъ пера того же преп. Іосифа вылились строки, которыя свидѣтельствуютъ о трезвомъ пониманіи имъ задачъ государственной власти предъ лицомъ Церкви. Онъ не обособляетъ власти царской отъ Церкви, но это потому лишь, что эта власть проникнута сама духомъ Церкви. «Аще ли же есть царь надъ человѣки царствуя, надъ собою же имать царствующа скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ, невѣрію и хулу, таковый царь не Божій слуга, но діаволъ, и не царь, но мучитель. Таковаго царя, лукавства его ради, не нарече царемъ Господь нашъ Іисусъ Христомъ, но лисомъ. . . Таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертію предать». Тутъ встаетъ и предъ служителями Церкви задача исповѣдничества и защиты церковной Истины, предъ каковой задачей всѣ вообще связи падаютъ — будь то родственныя, будь то даже связи не только государственнаго, но и церковно-іерархическаго послушанія. Будучи игуменомъ, преп. Іосифъ выступилъ обличителемъ всероссійскаго митрополита, поскольку тотъ оказался задѣтъ злочестіемъ еретическимъ!

Интересно отмѣтить одинъ побочный аргументъ, рядомъ съ основнымъ, подчеркивающимъ благотворныя задачи монастырей, въ пользу монастырскихъ селъ, выдвинутый преп. Іосифомъ на соборѣ 1504 г. «Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ онъ, то какъ же честному и благородному человѣку постричься? И если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то и вѣрѣ будетъ поколебаніе». Въ представленіи преп. Іосифа монастырь обращенъ къ міру, учитывая потребности его — съ тѣмъ, однако, чтобы удовлетворять имъ именно въ качествѣ строгаго монастыря. Цѣлостно-православную настроенность, «святую», русскаго монашества, въ его цѣломъ, не заподазриваетъ даже инославный его изслѣдователь Смоличъ.

XV.

Преп. Максимъ Грекъ. Какъ возникло его приглашеніе? Первоначальная судьба Максима Грека на Руси. Характеристика Максима и его отношеніе къ Руси. Путь его жизни. Обличительная и просвѣтительная дѣятельность Максима. Въ чемъ остался онъ чуждъ Россіи? Вліяніе Максима. Стоглавый Соборъ. Сопоставленіе нѣкоторыхъ его рѣшеній съ высказываніями Максима. «Школа» Максима Грека. Зиновій Отенскій и его литературная борьба съ еретиками. Какъ возникло сочиненіе Зиновія противъ Ѳеодосія Косаго? Сужденіе о немъ архіеп. Филарета Гумилевскаго. Своеобразіе русскаго богословствованія.

Въ библіотекѣ вел. кн. Василія III оказалась обширнѣйшая рукопись на греческомъ языкѣ, представляющая сводку толкованій на псалтырь. Она настолько заинтересовала великаго князя, что въ 1518 г. было обращено ходатайство на гору Аѳонъ прислать образованнаго монаха, старца Савву. Тотъ, будучи старъ, не поѣхалъ. Отправлены были трое другихъ — между ними Максимъ Грекъ, которому не суждено было вернуться.

Максимъ родился въ Албаніи около 1475 г. Исключительно одаренный, онъ образованіе получилъ въ Италіи ,гдѣ въ то время высоко стояла, нашедшая себѣ тамъ пріютъ, греческая культура. Уровень духовной жизни тогдашней Италіи былъ жалокъ, и въ отношеніи къ нему Максимъ могъ только чувствовать себя созвучнымъ Іерониму Савонаролѣ, крестный путь котораго онъ непосредственно наблюдалъ во Флоренціи. Максимъ Грекъ впослѣдствіи писалъ о Савонаролѣ: «Я столько далекъ отъ мнѣнія этихъ неправедныхъ людей о Іеронимѣ и его товарищахъ, что готовъ былъ бы причислить ихъ къ древнимъ защитникамъ благочестія, если бы они не были латиняне по вѣрѣ: потому что въ нихъ находилъ ту же пламенную ревность о славѣ Христа Спасителя и исправленіи вѣрныхъ; и это не по слухамъ отъ другихъ, но самъ ихъ видѣвъ и много разъ бывавъ при ихъ поученіяхъ». Избравъ въ конечномъ итогѣ путь иночества, Максимъ отправился на Аѳонъ, гдѣ и провелъ въ Ватопедскомъ монастырѣ 10 лѣтъ. Къ этому времени и выпало на него порученіе ѣхать въ Москву. Русскаго языка онъ не зналъ, но посылающіе его надѣялись, что онъ «русскому языку борзо навыкнетъ».

Въ 1518 г. онъ прибылъ въ Москву. Принялся онъ за работу съ помощниками ему данными, знающими латинскій языкъ. Максимъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а тѣ уже на русскій. Съ громадной усидчивостью («ниже дыхати имѣлъ праздность») Максимъ кончилъ этотъ трудъ въ годъ и пять мѣсяцевъ. Просился онъ обратно на Аѳонъ. Его не пустили. Спутники его уѣхали одни. Максимъ задержанъ былъ для выполненія огромнаго труда, постепенно дѣлавшагося все болѣе настоятельнымъ: исправленія книгъ, въ которыя при перепискѣ попадали многія погрѣшности. На этой работѣ

создалъ себѣ Максимъ враговъ непримиримыхъ — прежде всего по причинѣ недоброжелательства и подозрительности, которыя вызывались у русскихъ людей самой задачей исправленія книгъ. Русскій человѣкъ, какъ мы знаемъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ «книгѣ», видя въ ней святыню, заключающую въ себѣ откровеніе Божіе: пріобщаясь къ нему, люди, завѣдомо святые, и обрѣтали свою святость. И вдругъ оказывается эта «книга» — погрѣшительной! Съ другой стороны, все, что приходило изъ современной Греціи, воспринималось недовѣрчиво: не являлось ли это ужъ чѣмъ то, испытавшимъ воздѣйствіе бусурманское или латинское? Наконецъ, то обстоятельство, что Максимъ не зналъ, по началу, русскаго языка, не могло не вводить и его, въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ заблужденіе. А при характерѣ Максима не такъ легко ему было признаваться въ своихъ ошибкахъ.

О характерѣ Максима вообще надо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ въ немъ надо искать, въ извѣстной мѣрѣ, объясненія трагической судьбы Максима. Это былъ человѣкъ огромныхъ дарованій — геніальныхъ, повидимому — а также и универсальнаго знанія, и все это при темпераментѣ пророка-исповѣдника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ въ немъ подлинный даръ публициста, съ неуемнымъ полемическимъ задоромъ. Отсюда возникало то, что, поскольку на его пути въ чужой для него странѣ возникали тренія и конфликты, они не оглаживались, а легко превращались въ рѣзкія и непримиримыя столкновенія. Было и еще одно обстоятельство, которое способствовало обостренію его отношеній съ русскими. Максимъ былъ человѣкомъ утонченной культуры и человѣкомъ кабинетнымъ. Русь, съ ея грубой простотой, подъ оболочкой весьма иногда неприглядной скрывавшая великія духовныя цѣнности и несущая крестъ своего исключительно труднаго историческаго существованія, была ему органически чужда. А вмѣстѣ съ тѣмъ, темпераментъ его не позволялъ ему оставаться зрителемъ и наблюдателемъ. Такъ, онъ всей силой своего слова и убѣжденія вложился въ споръ «нестяжателей» съ «іосифлянами», подойдя къ нему лишь съ точки зрѣнія отвлеченно-аскетической, а потому необдуманно приравнявъ всѣхъ іосифлянъ къ «стяжателямъ» того типа, къ которому онъ привыкъ на Западѣ и который могъ вызывать чувство только гнѣвнаго обличенія. Нещадно обличалъ онъ и тѣ личныя нарушенія церковной правды, которыя попадали въ поле его зрѣнія — не взирая на лица. Такъ и вышло, что у него образовалось множество враговъ. Онъ испыталъ опалу, повлекшую за собою судебное разбирательство, а въ итогѣ оказался въ заточеніи, осужденный соборомъ 1525 г. за еретичество и за политически преступную дѣятельность.

Посланъ онъ былъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь и тамъ пробылъ шесть лѣтъ, въ темницѣ, испытывая «мразы и дымы и глады». Въ 1531 г. дѣло его было пересмотрѣно новымъ соборомъ, и

новыя были предъявлены Максиму обвиненія, что объяснено можетъ быть тѣмъ, что Максимъ никакъ не счелъ себя побѣжденнымъ и продолжалъ стоять на томъ, что считалъ правдой и что, дѣйствительно, и было во многомъ правдой. Переведенъ былъ Максимъ въ Отрочь монастырь. Постепенно отношеніе къ нему мѣнялось. Митрополитъ Макарія писалъ ему: «Узы твоя цѣлуемъ, яко единаго отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ». Лишь послѣ семнадцати долгихъ лѣтъ церковной кары, Максиму было разрѣшено посѣщать богослуженія и приступать къ св. причастію! Въ 1553 г. Максимъ былъ переведенъ въ Троицко-Сергіеву Лавру. Тамъ его посѣтилъ Іоаннъ Грозный. Максима можно считать реабилитированнымъ. Его зовутъ даже въ Москву, на соборъ. Въ 1556 г. онъ умираетъ. Память преп. Максима празднуется 21 января.

Русь сіяла благочестіемъ. Это безспорно. Но историческія судьбы ея поставили въ ней образованность въ условія, для развитія ея крайне неблагопріятныя. Возникала опасность нѣкоего болѣзненнаго стыка между невѣжествомъ и благочестіемъ. Человѣкъ высокой культуры и православнаго духа, всцѣло чистаго, Максимъ Грекъ явился обличителемъ, неутомимымъ и неукротимымъ, русскаго невѣжества — во всѣхъ возможныхъ его проявленіяхъ. Ходячая литература обрѣтала форму «сборниковъ», гдѣ рядомъ съ высокими цѣнностями православной письменности, помѣщались иногда вещи не только сомнительныя, часто за подписью авторитетовъ безъ должнаго къ тому основанія, но и вредоносныя, питающія суевѣріе. Звѣздочество должно быть тутъ отмѣчено. Эту «прелесть звѣздозрительную» обличалъ Максимъ: если бы дѣйствія людей опредѣлялись звѣздами, не было бы ни добрыхъ ни злыхъ дѣлъ, и Богъ, сотворившій звѣзды, оказался бы виновникомъ зла. «Димитрій Донской, погубившій воинство Мамая, развѣ дѣйствовалъ по звѣзднымъ гаданіямъ? Нѣтъ, онъ вооружился божественной вѣрой». Мы уже отмѣчали дѣятельность Максима по исправленію книгъ. Слѣдуетъ отмѣтить замѣчательное разсужденіе его въ отвѣтъ на ту болѣзненную реакцію, которую благочестіе и уваженіе къ слову Божію раждало въ русскомъ обществѣ по поводу исправленія книгъ. «Овому дается Духомъ слово премудрости, овому же слово разума въ томъ же Дусѣ, иному же дарованіе исцѣленій, иному же роди языковъ, и иному сказаніе языковъ. Отъ сихъ убо явлено, яко не всякому вся вкупѣ духовная дарованія даются... яко святіи русстіи чудотворцы, по дарованію, данному имъ свыше, возсіяша въ благовѣрнѣй земли русстѣй, и богоносніи отцы быша и суть, — и азъ исповѣдую и покланяюсь имъ. Но ни роди языковъ, ни сказаніе ихъ пріяша свыше. Сего ради не достоитъ дивитися, аще утаися ихъ, таковыхъ сущихъ, исправленіе, еже нынѣ исправленныхъ мною вещей». «Бывшимъ во времена гоненій святѣйшимъ архіереемъ и мученикомъ, ни единъ поносъ или досажденіе прибысть отъ бывшихъ послѣ ихъ различныхъ ис-

правленій св. Писанія», ибо позднѣйшіе переводчики дѣйствовали «коемуждо исправляющему презрѣное прежде его бывшимъ переводчикомъ». Здравыя и трезвыя мысли внесъ Максимъ и въ отношенія къ Православной Церкви, несущей иго агарянское. Возникала у насъ и тутъ подозрительность чрезмѣрная, ничѣмъ не оправданная и способная нарушать единство Церкви. Дѣло дошло до того, что въ архіерейскую присягу около 1480 г. ввели, было, обѣщаніе никого не принимать въ составъ іерархіи изъ Константинополя, по причинѣ захвата его мусульманами. Максимъ свидѣтельствовалъ: «Царьградъ въ рукахъ агарянскихъ, но православіе остается между греками непоколебимымъ, и церковь попрежнему управляется Духомъ Святымъ». Надо объяснить вліяніемъ Максима исчезновеніе подобнаго «отрицанія» изъ присяги, которое, вполнѣ естественно, оказалось замѣненнымъ обратнымъ указаніемъ: на согласіе наше съ восточными патріархми.

Если въ извѣстныхъ направленіяхъ обличительное богословствованіе и самая дѣятельность Максима вызывали оппозицію, воздѣвшую на голову Максима по-истинѣ мученическій вѣнецъ, то, въ общемъ и цѣломъ, ученіе его встрѣчаемо было съ полнымъ сочувствіемъ и оставляло глубокій слѣдъ. Нѣтъ, кажется, иновѣрія, инославія или какихъ либо уклоновъ еретическихъ или суемудренныхъ, характерныхъ для того времени, которые не стали бы предметомъ его мудрой, убѣдительной, острой и литературно изящной обличительной критики, пламенной и сокрушительной. Вынужденный затворъ не ослабилъ вліянія Максима, придавъ, напротивъ, его личности особую значимость и привлекательность. Его воздѣйствіе на русскую церковную культуру огромно и плодотворно. Нѣкая благотворная прививка въ его лицѣ была сдѣлана русскому, испытавшему нѣкоторое одичаніе, культурному стволу, а въ лучахъ святости, окружающихъ его свѣтлую главу, тонутъ тернія, вонзенныя въ нее какъ общимъ русскимъ невѣжествомъ, такъ и личнымъ злобствованіемъ окружавшей его среды. Но, повторяемъ, Максимъ, какъ человѣкъ иной крови и иной культуры, оставался чуждъ пониманію русской исторической судьбы. Учитель въ области Православія, онъ былъ лишь чужеземнымъ публицистомъ въ дѣлѣ оцѣнки русской жизни. Не удивительно, что вся она, эта жизнь, въ ея цѣломъ, въ его глазахъ обрѣтала характеръ тоскливой обреченности. «Шествуя по пути жестоцѣ и многихъ бѣдъ исполненнѣмъ, обрѣтохъ жену, сѣдящу при пути и наклонну имущу главу свою на руку и на колѣну свою, стенящу горцѣ и плачущу безъ утѣхи и оболчену въ одежду черну, якоже обычай есть вдовамъ-женамъ, и окрестъ бѣша звѣри, львы и медвѣди и волцы и лиси. . . » Вотъ въ какомъ образѣ видится ему Русское Царство! Что было, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ, окружавшее его Царство «темнымъ», то сомнѣнія не вызываетъ. По контрасту съ этой тьмой съ особенной ясностію рас-

познавалъ Максимъ вокругъ себя Свѣтъ Христовъ въ его высшихъ достиженіяхъ. Но увидѣть печать этого Свѣта на челѣ Руси, въ ея цѣломъ, въ ея исторической данности, Максимъ не могъ. Третьимъ Римомъ» не стала для него Москва. Если онъ отъ нея что могъ ждать, это — возстановленія Византіи. Предисловіе къ первому своему труду, переводу Псалтири, онъ кончаетъ слѣдующими выразительными словами: «О, если бы и намъ (т. е. грекамъ) когда либо освободиться чрезъ тебя (т. е. вел. кн. Московскаго) отъ порабощенія нечестивыми и получить свое царство».

Вляніе Максима Грека на русскую церковность опознается чрезъ знакомство съ крупнѣйшимъ церковно-законодательнымъ актомъ эпохи — такъ называемымъ Стоглавымъ Соборомъ, получившимъ такое наименованіе по «стоглавнику», заключающему въ себѣ рѣшенія Собора, распадающіяся на сто главъ. Духъ Собора — дѣтища митр. Макарія, достаточно тѣсно связаннаго съ Максимомъ, — проникнутъ вліяніемъ великаго узника. Это подлинное обновленіе Церкви, въ смыслѣ не какого либо «модернизма», а удаленія всего извнѣ наросшаго и очищенія отъ всякой скверны.

Можно конкретно установить тѣсную связь Максима съ постановленіями Собора, сопоставляя отдѣльныя «главы» съ литературнымъ наслѣдіемъ Максима. Это касается не только вопроса упорядоченія «книжности», заботы о повышеніи грамотности, какъ общей, такъ и переписчиковъ, но и ряда частныхъ вопросовъ. Глава «о тафьяхъ безбожнаго Бахмета» (Магомета), какъ одномъ изъ проявленій склонности русскихъ перенимать «поганскіе» обычаи, заставляетъ вспомнить о посланіи Максима къ Ал. Адашеву о тафьяхъ, а равно и объ его общемъ наставленіи православнымъ, какъ имъ отвѣчать агарянамъ, хулящимъ православную вѣру. Статья о поединкахъ судебныхъ, съ которыми боролась Церковь, ведетъ насъ къ «Слову о промыслѣ» Максима, гдѣ онъ возстаетъ противъ судей, которые, при отсутствіи уликъ, готовы рѣшать дѣло «полемъ», съ примѣненіемъ еще и ворожбы. Борется Стоглавъ и съ астрологіей, которую, какъ мы знаемъ, разоблачалъ Максимъ.

Можно размахъ влiянія Максима измѣрить и на рядѣ лицъ, съ нимъ связанныхъ. Не говоримъ мы объ отдѣльныхъ встрѣчахъ, которыя, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ отношеніи Іоанна Грознаго, могли оставлять значительный слѣдъ, а имѣемъ въ виду связи прочныя. Можно говорить даже, не опасаясь впасть въ преувеличеніе, о своеобразной «школѣ» Максима, возникшей за долгіе десятки лѣтъ его учительства. Выдѣлимъ здѣсь особо одно имя, относительно мало извѣстное, но заслуживающее быть нарочито отмѣченнымъ. Это — Зиновій Отенскій (Отня Пустынь въ 50 верстахъ отъ Новгорода), написавшій обстоятельное опроверженіе еретическаго ученія Θеодосія Косого. Съ разгромомъ жидовствующихъ не упразднились, конечно, еретическія мудрованія. Извѣстность пріобрѣли Мат-

вѣй Башкинъ, боярскій сынъ, заразившійся раціонализмомъ (онъ отвергалъ догматъ Троицы) отъ русскихъ литовцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, и Ѳеодосій Косой, бывшій уже явнымъ отпрыскомъ жидовствующихъ. Это былъ дворовый человѣкъ, ставшій монахомъ и являвшійся какъ бы преломленіемъ въ монашеской средѣ еретическаго зловѣрія. Привезенный въ Москву для суда надъ нимъ, этотъ заволжецъ успѣлъ, однако, освободиться отъ заключенія и бѣжать въ Литву. Сѣмя его ученія осталось расти среди монаховъ. Что оно не было маловажнымъ, видно изъ опроверженій, имъ вызванныхъ. Одно было составлено неизвѣстнымъ монахомъ. Другое принадлежитъ Зиновію, человѣку прекрасно образованному и носящему на себѣ печать Максимовой школы. Его прямо именуютъ ученикомъ преп. Максима. Сочиненіе это носитъ названіе: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи».

Пришли къ Зиновію крылошане Московскаго Спасскаго монастыря Герасимъ и Аѳанасій и стали говорить: «Явилось новое ученіе и многіе хвалятъ это ученіе. Отъ Бога ли оно? и слѣдовать ли ему? — не знаемъ». Вотъ въ отвѣтъ на этотъ живой вопросъ и возникло обстоятельнѣйшее изслѣдованіе этого зловреднаго ученія. Не будемъ излагать его даже въ общихъ чертахъ, а ограничимся воспроизведеніемъ оцѣнки его такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ архіеп. Филаретъ Гумилевскій: «Сочиненіе его «Истины показаніе» изумляетъ основательностію разсужденія и глубокимъ знаніемъ св. Писанія. . . Зиновій опровергаетъ каждый пунктъ ученія Ѳеодосіева съ честію для себя и для св. истины. Онъ разсматриваетъ мысли Косого въ томъ порядкѣ, въ какомъ передавали ему клирошане, присовокуплявшіе по мѣстамъ и свои мнѣнія. Разсужденія его спокойны, отвѣты обдуманны, опроверженія отчетливы, свѣдѣнія изумляютъ обширностію. Зиновію извѣстенъ былъ «Просвѣтитель» Іосифа, и сочиненіе его показываетъ, что онъ выполнилъ свое дѣло далеко лучше своего предшественника, какъ и слѣдовало: у него глубже и отчетливѣе, чѣмъ у Іосифа, раскрыты начала христіанской философіи». Мы знаемъ цѣну труда преп. Іосифа, а потому можемъ измѣрить истинный вѣсъ только что приведенной оцѣнки. Не свидѣтельствуетъ ли появленіе такого труда о высотѣ уровня, которая уже становилась доступной русскому богословствованію, остающемуся вѣрнымъ своей традиціи — не богословствовать «вообще», а лишь учить примѣнительно къ заданіямъ жизни? Показательно, что въ сущности, такой была установка сознанія и преп. Максима. Онъ не только не оставилъ послѣ себя какой либо законченной системы догматической, но систематическаго богословствованія не стремился являть и въ отдѣльныхъ своихъ писаніяхъ. И онъ всегда писалъ — «по поводу». И, можетъ быть, именно поэтому, о немъ можно сказать, несмотря на всю его изолированность, что ни одинъ изъ

русскихъ церковныхъ писателей не оказалъ такого влiянiя на общество, какъ именно онъ.

XVI.

Митрополитъ Макарiй. Въ чемъ его значенiе? Его мѣсто рядомъ съ Царемъ Iоанномъ IV. Четiи Минеи. Вступленiе къ нимъ. Объемъ ихъ. Значенiе и содержанiе. Степенная книга. Доля участiя въ составленiи ея митр. Макарiя. Значенiе этого труда. Никоновскiй лицевой лѣтописный сводъ. Какова идеологическая установка всѣхъ этихъ начинанiй? Кончина митр. Макарiя.

Митр. Макарiй, пусть и не былъ онъ нарочитымъ писателемъ, оставивъ нѣсколько лишь посланiй и проповѣдей — занимаетъ ведущее мѣсто въ ту эпоху Московской Руси, которая можетъ быть разсматриваема, какъ высшiй расцвѣтъ ея культурный. Осознавъ себя «Третьимъ Римомъ», достигнувъ значительныхъ успѣховъ политическихъ, освободившись отъ унизительной нищетности и безпомощности временъ татарскаго ига, естественно отражавшихся пагубно на уровнѣ культуры, Москва ощутила потребность дать выраженiе своему слагавшемуся самосознанiю во всѣхъ возможныхъ формахъ. Литературовѣдѣнiе наше склонно было придавать преимущественное значенiе такимъ литературнымъ произведенiямъ, въ которыхъ находили выходъ чувства неудовлетворенности и протеста, могущiя быть испытывемыми людьми съ остро проявляющимся сознанiемъ своей личности. Именно «личность» и ея обнаруженiя вызывали наибольшiй интересъ и получали наибольшее значенiе въ очахъ нашихъ изслѣдователей. А между тѣмъ духовное строительство Московской Руси опиралось на совершенно иное мiроощущенiе, исполненное сознанiя служенiя высокимъ цѣнностямъ, столь самоотверженнаго, что мало оставалось мѣста чему либо «личному». Вѣдь въ этомъ то служенiи и проявлялась духовная качественность московскаго общества, во всѣхъ его слояхъ. Она только и позволила Московской Руси выполнить великое дѣло строенiя Православнаго Царства, дѣйствительно отвѣчавшаго идеологiи «Третьяго Рима», воспринимаемой не какъ кичливое охорашиванiе своего земного нацiональнаго устроенiя, а какъ всеопредѣляющая задача жизни всего русскаго народа, въ цѣломъ, отъ Царя до послѣдняго холопа, къ Богу обращеннаго. Оформленiе этого заданiя, во всей его величественности, выпало на время Iоанна Грознаго, когда духовнымъ руководителемъ, и молодого Царя, и всего государства, былъ митр. Макарiй. Онъ сумѣлъ вдохновить Iоанна на актъ великаго значенiя: вѣнчанiе его на Царство. Онъ же руководилъ Царемъ въ дѣлѣ созыва и веденiя Стоглаваго Собора. Не представляется возможнымъ установить, что, въ томъ, что дѣлалъ и говорилъ Царь, примѣнительно къ Собору, исходило лично отъ Царя, а что было дѣломъ и словомъ

митр. Макарія, который, будучи правой рукой Царя, естественно оставался въ тѣни. Но были и другія, чисто литературныя начинанія, которыя, при всей своей «безличности», завѣдомой и нарочитой, все же оказались открыто уже связанными съ митр. Макаріемъ. На первомъ мѣстѣ тутъ надо поставить знаменитыя его Четьи Минеи. Лучшее представленіе объ этомъ грандіозномъ памятникѣ можно получить изъ краткаго вступленія къ нему составителя:

«1553 г. мѣсяца ноября, далъ я эту святую книгу Минею Четію, мѣсяцъ ноябрь и прочія 12 великихъ книгъ. Въ этихъ Четіихъ Минеяхъ всѣ книги чтомыя собраны: Св. Евангеліе — четыре Евангелиста толковыхъ, Св. Апостолъ и всѣ Св. Апостольскія посланія и дѣянія съ толкованіями, и три великихъ Псалтыри разныхъ толковниковъ, и Златоустовы книги, Златоструй и Маргаритъ, и Великій Златоустъ, и Великй Василій и Григорій Богословъ съ толкованіями, и великая книга Никонская съ прочими поученіями его, и прочія всѣ святыя книги собраны и написаны въ нихъ пророческія и апостольскія и отеческія и праздничныя слова и похвальныя слова, и всѣхъ святыхъ отецъ житія, и мученія святыхъ мученикъ и святыхъ мученицъ, житія и подвиги преподобныхъ и богоносныхъ отецъ и святыхъ женъ страданія и подвиги; и всѣ святые патерики написаны, азбучные, Іерусалимскіе, Египетскіе, Синайскіе и Скитскіе, Печерскіе и вся святыя книги собраны и написаны, которыя въ Русской Землѣ находятся, и съ новыми святыми чудотворцами. Написалъ я эти святыя книги въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей, особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ реченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть — столько смогъ я исправить».

Двѣнадцать громадныхъ фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ 27000 столбцовъ, писанныхъ полууставомъ. Одинъ списокъ былъ положенъ въ Новгородѣ въ Софійскій Соборъ, другой въ Москвѣ въ Успенскій Соборъ, третій, «Царскій», былъ сдѣланъ для Царя по его повелѣнію. Составленіе каждаго изъ нихъ было подвигомъ. Списокъ представлялъ собою величайшую цѣнность. «И да никто же отъ сіа святыя и великіа книги дванадесятъ Миней Четьихъ. . . всхититъ: таковой да судится, какъ преобидникъ и похищникъ Божиа Церкве, не токмо здѣ, но въ будущій вѣкъ судится», писалъ митр. Макарій, завѣщая книги Успенскому Собору. Въ извѣстной части трудъ этотъ, продолжавшійся и въ Москвѣ, носилъ оригинальный характеръ. Прославлены были, по инициативѣ митр. Макарія, многіе русскіе святые — цѣлый рядъ лицъ призваны были составить житія ихъ. Но и вся библіотека «чтомыхъ книгъ», составленная митр. Макаріемъ, въ ея цѣломъ, не внѣшній лишь подборъ явля-

ла механическій. Это былъ, прежде всего, отборъ по годности, примѣнительно къ подлинности матеріала, съ устраненіемъ всего «отреченнаго». Далѣе нужна была критическая провѣрка текста. Огромная начитанность для этого требовалась, и она была у митр. Макарія несомнѣнно, и начитанность не «начетническая», а исполненная подлиннаго знанія. Школа преп. Максима сказалась тутъ. И можно только съ изумленіемъ остановиться предъ этими «униками», таковыми и оставшимися, ибо размноженіе «Четьихъ Миней» типографскимъ путемъ, предпринятое въ 1868 г. Импер. Археографической Комиссіею, на протяженіи полувѣка едва успѣла охватить половину макаріевскаго труда. Трудами одного человѣка произведенъ былъ отсѣвъ пшеницы отъ плевелъ, и въ одно цѣлое сведены были всѣ сокровища церковной письменности, способныя быть авторитетно рекомендованными для всенароднаго употребленія. Когда спецально работѣ надъ составленіемъ житій отдался въ концѣ XVII вѣка св. Димитрій (впослѣдствіи) Ростовскій, ему предоставлены были въ пользованіе макаріевскія минеи именно, какъ «верхъ истины и достовѣрія совершенство».

Съ именемъ митр. Макарія связано еще одно огромное предпріятіе литературное: такъ наз. «Степенная книга,» то есть исторія нашего отечества по родословнымъ степенямъ правителей. Трудъ этотъ былъ начатъ митр. Кипріаномъ, а теперь продолженъ, причемъ есть основаніе предполагать, что руку приложилъ къ этому труду и непосредственно митр. Макарій, въ изложеніи событій царствованія Царя Іоанна Грознаго. Такъ заставляетъ думать архіеп. Филарета Гумилевскаго «краснорѣчивый слогъ» этой части Степенной книги, какъ, равно, то обстоятельство, что опущены рѣчи и посланія къ Царю митр. Макарія, и наконецъ, «скромность, съ какой коснулись здѣсь дѣйствій митр. Макарія». Вся въ цѣломъ, Степенная книга была возвышеннымъ осмысливаніемъ русской исторіи, не по типу лѣтописнаго свода, а новымъ методомъ «ступенчатымъ», съ обстоятельнымъ изложеніемъ, на основаніи всего доступнаго матеріала, событій русской исторіи и съ характеристикой главныхъ ея дѣятелей. Надо ли говорить, что критеріемъ для оцѣнки и событій и лицъ являлось то или иное проникновеніе началомъ святости и та или иная мѣра служенія святому назначенію Руси. Католическій изслѣдователь русскаго монашества Игорь Смоличъ справедливо свидѣтельствуетъ, устами цитируемаго имъ знаменитаго русскаго историка права М. А. Дьяконова, что «Степенная книга ,быть можетъ, лучше всего доказываетъ, какъ глубоко идея «Москва — Третій Римъ» проникла во взгляды митр. Макарія».

Здѣсь умѣстно сказать, что Макарій уже въ одномъ раннемъ своемъ посланіи, обращенномъ къ вел. кн. Василію Ивановичу, писалъ: «Отъ вышней Божіей Десницы поставленъ ты самодержцемъ и государемъ всея Руси; тебя, государь, Богъ вмѣсто Себя избралъ

на землѣ и посадилъ на Свой престолъ. Онъ поручилъ тебѣ жизнь всего православія». А въ своемъ «Словѣ о правдѣ» Макарій свидѣтельствовалъ такъ: «Аще же вѣрный царь въ нынѣшнее время испытываемъ, то во всѣхъ языцѣхъ, кромѣ русскаго языка, не вѣмы правовѣрующаго царя». Степенная книга, этотъ огромный, уже творческимъ началомъ проникнутый трудъ, будучи овѣянъ духомъ митр. Макарія, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруженіе общаго сознанія, которымъ дышала и жила Россія.

Еще одинъ огромный трудъ должны мы назвать, связанный съ именемъ митр. Макарія. То — Никоновскій лицевой лѣтописный сводъ, такъ наименованный по чисто внѣшнему поводу принадлежности рукописнаго экземпляра свода патр. Никону. Предъ нами полный сводъ лѣтописныхъ извѣстій, касающихся всей Россіи, кромѣ Новгорода (для котораго былъ особый сводъ, т. н. Софійскій Временникъ), но начинающійся съ сотворенія міра. И этотъ трудъ проникнутъ идеей «Москва — Третій Римъ», показывая какъ міровой ходъ событій подготовлялъ образованіе и процвѣтаніе русскаго Богоизбраннаго Царства. Имѣя 20.000 страницъ, сводъ этотъ содержитъ и великое множество иллюстрацій («лицъ), до 16.000, являя великія достиженія и въ области художественной. Такъ личность митр. Макарія оказалась слившейся съ величайшими памятниками культурнаго расцвѣта Московской Руси, и за ними намъ почти невозможно различать индивидуальныя его черты.

Умеръ митр. Макарій въ глубокой старости, 82 лѣтъ, 31 декабря 1563 г. Сохранился трогательный разсказъ объ его кончинѣ. Онъ простудился во время крестнаго хода 15 сентября и послалъ, тяжко заболѣвъ, въ свое «постриженіе», въ Пафнутіевъ Боровскій монастырь за духовникомъ. Когда Государь, предъ отъѣздомъ на праздникъ св. Сергія въ Лавру, служилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, митр. Макарій приказалъ свести себя туда, чтобы проститься съ Царемъ. 19 сентября онъ соборовался. 4 ноября былъ въ послѣдній разъ въ Успенскомъ соборѣ и прощался съ духовенствомъ. Когда Царь, вернувшись, посѣтилъ митрополита, тотъ просилъ отпустить его въ свой монастырь, чтобы кончить тамъ свои дни простымъ монахомъ. Нѣкогда онъ обѣщалъ то сдѣлать, послѣ чудеснаго спасенія въ великій пожаръ московскій при паденіи со стѣны, но лишенъ былъ возможности тогда исполнить свой обѣтъ. Согласно волѣ Государя, былъ онъ тогда соборомъ отъ своего обѣта освобожденъ. Повторно возбуждалъ теперь, предъ лицемъ смерти, митр. Макарій вопросъ объ исполненіи своего обѣта, но Царь при каждомъ посѣщеніи повторялъ свой запретъ и даже разорвалъ письменную просьбу. Почувствовавъ приближеніе смерти, митр. Макарій приказалъ читать канонъ на исходъ души, а потомъ отходную. Онъ скончался подъ благовѣстъ къ заутрени. Были ему свѣтлыя видѣнія предъ смертію, а когда государь при-

казалъ открыть его лицо, было оно «яко свѣтъ сіяя» — «не яко мертва, но яко спяща».

XVII.

Іоаннъ Грозный. Трагическая двойственность его личности. Письмо Царя игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Характеристика этого документа Буслаевымъ. Современный литературный портретъ Царя. Проявленіе личности Царя, и въ положительныхъ, и въ отрицательныхъ чертахъ ея, въ перепискѣ съ Курбскимъ. Характеристика послѣдняго. Какъ отвѣчаетъ на его обвиненія Царь? Въ чемъ самъ его обвиняетъ? Трагедія Курбскаго. Его историческій трудъ, оцѣнка его. Общая оцѣнка дѣятельности Курбскаго. Иванъ Пересвѣтовъ. Кто онъ? Какова связь его сочиненій съ государственной философіей Грознаго? Литературная цѣнность его писаній. Бесѣда Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ. Исторія о Казанскомъ Царствѣ. Идеологическое и литературное значеніе этого памятника.

Мы отмѣчали вліяніе митр. Макарія на Іоанна Грознаго. Оно было сильнымъ, но преходящимъ. Не опредѣлилась окончательно личность Царя, а явленъ былъ лишь одинъ, очень привлекательный, ея обликъ. Онъ не исчерпывалъ личности Царя. Трагедія двойственности этой личности заключалась въ томъ, что злое начало, въ ней гнѣздящееся, оставалось непреодолимымъ. Зло не только не было побѣждаемо личнымъ подвигомъ, но нерѣдко лишь облекалось лукаво въ свѣтлыя одежды добра. Подобная двойственность самой природы Царя придавала особенно жуткій характеръ тѣмъ его писаніямъ, которыя относятся къ эпохѣ, когда зло уже господствовало. То не было явное и грубое лицемѣріе — тогда никакой убѣдительностью внутреннею не обладалъ бы голосъ Царя. А было то нѣкое переплетеніе, неразличимое, острѣйшаго злобствованія съ движеніями сердца, не утратившаго, казалось бы, яснаго пониманія добра. Острый умъ и яркій писательскій талантъ къ тому же придавали этой смѣси блескъ иногда прямо ослѣпляющій. Вотъ, напримѣръ, письмо Царя игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ которомъ онъ мечетъ громы противъ бояръ, пользующихся своимъ богатствомъ и могуществомъ, чтобы вносить въ иноческую жизнь обиліе стола и распущенность нравовъ. Рисуетъ Царь образъ иночества, какъ онъ данъ намъ поученіями и дѣйствительной жизнью основоположниковъ русскаго монашества. Вспоминаетъ соотвѣтствующія житейскія черты, имъ самимъ въ монастырѣ въ былое время наблюденныя. Онѣ очень живы и характерны. Приведемъ примѣръ:

«Прежде, какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ и поопоздали ужинать, то завѣдывающій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкеларникъ отвѣчалъ: «объ этомъ мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ

приказъ, то я и приготовилъ; теперь ночь — взять негдѣ; государя боюсь, а Бога надобно больше бояться». Такая у васъ тогда была крѣпость, по пророческому слову: «правдою и предъ царя не стыдяхся».

Такъ пишетъ Царь, и это образуетъ фонъ, на которомъ особенно рельефно выдѣляется послѣдующая его гнѣвно-саркастическая, язвительная издѣвка надъ теперь наблюдаемыми нарушеніями монашеской дисциплины. Правильно говоритъ объ этомъ посланіи Ф. Буслаевъ, предваряя его воспроизведеніе въ своей Хрестоматіи слѣдующими словами: «Въ этомъ посланіи отлично выражается личность царя Ивана Васильевича: его твердый умъ и пристрастная раздржительность, благочестіе и ханжество, смиренномудріе и жестокость, откровенность и фальшь, торжественная важность, облекаемая въ пышныя фразы съ церковнославянскими архаизмами, и злобная насмѣшливость, нисходящая до выраженій тривіальныхъ».

Тутъ кстати будетъ привести литературный портретъ Царя, данный русскимъ современникомъ, кн. Катыревымъ-Ростовскимъ: «Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ, очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ (т. е. отвислый), возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди широки, мышцы толсты; мужъ чюднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло, ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ. На рабы своя, отъ Бога данныя ему, жестокосердъ велми, и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и неумолимъ; множество народу отъ мала до велика при царствѣ своемъ погуби, и многія грады свои поплѣни, и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби, и иная многая содѣя надъ рабы своими, женъ и дѣвицъ блудомъ оскверни. Той же Царь Иванъ многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими отъ сокровища своего неоскудно подаваше. Таковъ бо бѣ Царь Иванъ».

Въ исторію вошелъ Царь Іоаннъ одновременно своими, и привлекательными чертами, и отталкивающими. Но нигдѣ онѣ въ такой мѣрѣ не сплелись въ одно цѣлое, какъ въ его литературныхъ произведеніяхъ. Подъ этимъ угломъ зрѣнія надо остановиться и на той личной ссорѣ, которая вызвала къ жизни памятники литературы замѣчательные. Мы имѣемъ ввиду столкновеніе Царя Іоанна съ Курбскимъ.

Князь Андрей былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей эпохи. Если эпизодическимъ было общеніе Царя съ Максимомъ Грекомъ (памятникомъ этого общенія были нѣкоторыя обличительныя и поучительныя писанія Максима, которыя несомнѣнно оказали положительное вліяніе на Царя), то Андрей Курбскій можетъ почитаться вышедшимъ изъ «школы» Максима. Былъ князь Андрей однимъ изъ видныхъ соработниковъ Царя на ратномъ поприщѣ. Но вотъ, послѣ одной случайной неудачи, возымѣлъ онъ страхъ (вполнѣ оправ-

данный) предъ гнѣвомъ Царя — и бѣжалъ въ Литву. Далъ онъ тутъ уже полную волю своимъ чувствамъ, долго сдерживаемымъ, а теперь способнымъ быть безнаказанно выраженными. Въ запальчивости своей не щадитъ онъ одного изъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, Василія Шибанова — и шлетъ съ нимъ посланіе Царю, исполненное обличительнаго паѳоса. Царь не остается въ долгу. Страшная въ своей утонченной жестокости сцена полученія письма запечатлѣна въ всѣмъ извѣстной балладѣ Алексѣя Толстаго. Гибнетъ вѣрный рабъ. Гнѣвомъ насыщенное письмо Царя вызываетъ новое посланіе Курбскаго. Обѣ стороны не жалѣютъ яда. Есть и у той и другой какая то правда — но у обоихъ не полная, односторонняя, пристрастная.

Всѣхъ писемъ шесть (съ 1563 по 1579г.), два Грознаго, четыре Курбскаго. «Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившемуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся» — такъ обращается къ Царю Курбскій въ первомъ письмѣ. Онъ не противъ Православнаго Царя возстаетъ, а противъ того извращенія власти, которое являетъ Грозный въ своихъ гоненіяхъ. Царь не остается въ долгу. Въ отвѣтѣ своемъ онъ объясняетъ и оправдываетъ эти гоненія обидами и злыми замыслами бояръ. Переходя въ наступленіе, онъ обличаетъ Курбскаго въ непослѣдовательности, если становиться на точку зрѣнія церковнаго благочестія, съ которой не думаетъ сходить Курбскій. Своей измѣной Курбскій спасъ тѣло, но погубилъ душу: ему надо было принять страданія. Что же, онъ хотѣлъ бы, чтобы у Царя сохранялась только видимость власти? «Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?.. Земля правится... государи своими, а не судьями и воеводы». «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны есмя.» Курбскій обличалъ «прокаженную совѣсть» Грознаго. «Это ли совѣсть прокаженная, чтобы царство свое въ своей рукѣ держать, а рабамъ не давать властвовать?.. Это ли противно разуму — не хотѣть быть обладаему рабами? . . Это ли правосудіе пресвѣтлое — быть подъ властію рабовъ?» Грозный обвиняетъ Курбскаго въ томъ, что его единомышленники на самомъ дѣлѣ замышляли одно только: своимъ самовольствомъ замѣнить власть Царя. Ѣдко задѣвая Курбскаго саркастическими ударами, Царь, вмѣстѣ съ тѣмъ, раскрываетъ предъ нимъ и ту измѣну своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, которую тотъ совершилъ. Онъ рисуетъ живую картину того, какъ ему, служащему въ войскахъ своего новаго господина, придется отвѣтъ нести за разореніе церквей, за попраніе иконъ, за погубленіе христіанъ, за истребленіе младенцевъ — за всѣ тѣ неизбѣжныя злодѣянія, которыя будутъ совершаемы при войнѣ съ Россіей. Разъярившись на него, Царя, какъ человѣка, — въ дѣйствительности сталъ онъ, Курбскій, противъ Бога! «Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты (если бы онъ согласился пострадать за правду!) и въ какую пропасть сошелъ ты душею и тѣломъ». Курбскій презрительно-кратко отвѣтилъ на «ши-

роковѣщательное и многошумящее» писаніе Царя, не достойное не только Царя, но и убогаго воина. Съ высоты своей учености онъ издѣвается надъ длиннотами, надъ растрепанностію, надъ яростію и лютостію царской «широкой эпистоліи» — столь варварской, что ее въ чужой землѣ не только мужамъ ученымъ, но и дѣтямъ показать неудобно. На главное обвиненіе Грознаго не отвѣтилъ Курбскій: оно было неотразимо, какъ ни фальшиво звучало оно въ устахъ самого Грознаго.

Доживалъ свою жизнь Курбскій въ уединеніи, среди «сосѣдей ненавистныхъ и лукавыхъ», отдавая досуги занятіямъ книжнымъ, переводя святыхъ отцовъ. Православію остался онъ вѣренъ и ратовалъ за него на новой своей родинѣ. Изъ сочиненій его политическихъ замѣчательно одно: «Исторія великаго князя московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима» — первый опытъ «исторіи», въ нашемъ ея пониманіи, какъ «прагматическаго» изложенія событій. Написаніе этого труда имѣло задачи и мѣстно-политическія: противустать хотѣлъ Курбскій кандидатурѣ Іоанна на польско-литовскій престолъ, о чемъ поднимался вопросъ. Пушкинъ назвалъ этотъ трудъ «озлобленною» лѣтописью: фактическій матеріалъ вставленъ въ схему, рисующую доброе начало и злой конецъ царствованія человѣка, отъ добра перешедшаго ко злу. Объективности въ этомъ трудѣ не найти, конечно.

Если Грозный зломъ отягчалъ свою законную власть, то Курбскій также на злой путь сталъ. Конечно, не оправдалъ онъ его своими писаніями. Человѣкъ исключительно одаренный и образованный (расширенію своего образованія онъ посвятилъ всѣ двадцать лѣтъ жизни внѣ Россіи), онъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской словесности, хотя и служилъ онъ ей уже на Литвѣ. Вліяніе среды, однако, сказалось и на немъ; польскими и латинскими варваризмами испещряется его рѣчь. Насколько горекъ для Курбскаго былъ хлѣбъ новаго его отечества, видно изъ того, какъ надменную напыщенность его писаній Царю внезапно обрываетъ однажды его скорбное о себѣ признаніе: «во странствѣ пребывающе и во убожествѣ отъ твоего гоненія. . . »

Если Курбскій какъ бы «постъ фактумъ» оцѣниваетъ лучшіе годы царствованія Грознаго уже изъ чужой страны, измѣнивъ своей, то въ лицѣ Ивана Пересвѣтова обрѣтаемъ мы политическаго писателя, который, будучи выходцемъ изъ Литвы (въ 1538 г.), обжился на Руси и въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ, передававшихъ одновременно и опытъ западный автора и мысли, раждаемыя у него изъ знакомства съ опытомъ русскимъ, какъ бы напередъ высказывалъ сужденія, близкія къ государственной философіи Грознаго. Написалъ «Ивашка Семеновъ сынъ Пересвѣтовъ» два аллегорическихъ сказанія, одно «о царѣ Константинѣ», другое «о Магметъ-Салтанѣ», написалъ «Рѣчи воеводы волошскаго Петра и мудрыхъ докторовъ

и философовъ», а также двѣ челобитныхъ Царю. Наблюденія надъ судьбой Византіи и многообразный опытъ служебный (онъ служилъ и въ Польшѣ, и въ Венгріи, и у волошскаго воеводы Петра, и въ Чехіи, и въ Литвѣ) научили его высоко ставить самодержавную власть, исполненную «грозы». «Какъ конь подъ царемъ безъ узды, такъ царство безъ грозы». Въ сказаніи о послѣднемъ византійскомъ императорѣ Пересвѣтовъ вмѣняетъ катастрофу боярству, нечестивому и расточительному, удерживавшему Царя отъ воинскихъ подвиговъ. Они «царскій мечъ обнизили». Передавая рѣчи воеводы Петра, Пересвѣтовъ обвиняетъ его устами бояръ, въ томъ, что они на Москвѣ сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, а царство оскужаютъ. Выѣзжаютъ на службу «цвѣтно и конно и людно», «крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ и люто противъ недруга смертною игрою не играютъ ,тѣмъ Богу лжутъ и государю». Говоря о Магометѣ, Пересвѣтовъ приписываетъ ему проведеніе реформъ, извлеченныхъ изъ захваченныхъ имъ христіанскихъ книгъ, а потому считаетъ возможнымъ рекомендовать «турецкую правду», подъ образомъ которой проводитъ свою политическую идеологію. Правда должна быть превыше всего. Петръ волошскій заплакалъ, когда узналъ, что на Москвѣ вѣра велика и церкви прекрасны, а правды нѣтъ. «Коли правды нѣтъ, то и всего нѣтъ», — сказалъ онъ. Грозная, ничѣмъ не ограниченная, царская власть должна опираться на крѣпкое, постоянное, хорошо вооруженное войско: «воинниками царь силенъ и славенъ». Пересвѣтовъ — противникъ системы кормленій и связаннаго съ этимъ произвола: жалованье должны получать служилые люди изъ казны, въ которую и должны идти всѣ доходы. Мѣстничество подлежитъ отмѣнѣ, войско должно быть награждаемо по воинскимъ заслугамъ, и только по заслугамъ можно «принимати къ себѣ ихъ близко и во всемъ имъ вѣрити». Можно найти въ писаніяхъ Пересвѣтова даже образы, способные быть поставленными въ прямую связь съ опричниной: указываетъ онъ на отборныхъ янычаръ, допускаемыхъ «турецкой правдой». Личную зависимость, характерную для Руси, отвергаетъ Пересвѣтовъ: «въ которомъ царствѣ люди порабощены, и въ томъ царствѣ люди не храбры и въ бою противъ недруга не смѣлы». Эта послѣдняя мысль къ Московской Руси примѣненія не имѣла, но въ другихъ отношеніяхъ есть основанія думать, что Грозный многому научился изъ писаній Пересвѣтова. Что касается ихъ чисто литературной цѣны, то отличаются онѣ сильнымъ и образнымъ языкомъ, свободнымъ не только отъ славянизмовъ, но и отъ варваризмовъ иноземныхъ. По существу же онѣ настолько сильны, что возникало даже предположеніе, будто Пересвѣтова и не существовало, а приписано ему то, что было выражено кѣмъ то уже значительно позже, когда «совѣты» его уже въ значительной мѣрѣ вошли въ жизнь. Наличіе многихъ списковъ со-

ченій Пересвѣтова свидѣтельствуетъ о томъ ,что онѣ имѣли распространеніе, какъ чисто литературныя произведенія.

Рядомъ съ писаніями Пересвѣтова долженъ быть поставленъ литературный памятникъ противуположнаго направленія: вымышленная «Бесѣда Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ», которая, будучи направлена противъ монастырскаго землевладѣнія, отстаиваетъ значеніе боярства, какъ естественнаго окруженія Царя. Отдѣльно, какъ отъ подобной полемической литературы, такъ и отъ пересвѣтовскаго «прожектерства» — стоитъ одинъ памятникъ, который можно поставить въ рядъ съ монументальными твореніями митр. Макарія — т. н. «Казанскій лѣтописецъ» или «Исторія о Казанскомъ Царствѣ». Если Пересвѣтовъ загодя звалъ къ завоеванію Казани, свидѣтельствуя о томъ, какъ Петръ волошскій дивился, «что таковая землица невеликая, велми угодная, у такого великаго сильнаго царя подъ пазухою, а не въ дружбѣ, а онъ ей долго терпитъ и кручину великую отъ нихъ пріимаетъ», то въ этомъ произведеніи нѣкто, проведшій 20 лѣтъ въ казанскомъ плѣну, излагаетъ исторію Казани въ свѣтѣ уже совершившагося ея завоеванія. Въ художественной формѣ, успѣшно воспроизводившей и объединявшей въ себѣ лучшія достиженія всѣхъ имѣвшихся литературныхъ стилей, этотъ лѣтописный сводъ выражаетъ ту же идеологію, которая дышетъ въ твореніяхъ митр. Макарія: отъ начала русская земля была едина — и вотъ снова объединяется она подъ державой Царя Іоанна, осіянной ореоломъ Третьяго Рима! «И возсія нынѣ стольный преславный градъ Москва, вторый Кіевъ; не усрамлюся же и не буду виновенъ нарещи того и третій новый великій Римъ, провозсіявше въ послѣдняя лѣта, яко великое солнце въ велицѣй нашей Рустѣй земли». Центръ сказанія, конечно, — взятіе Казани, подготовленное высокомудрыми рѣчами Царя и митр. Макарія. Поэтически-образно описана битва. Глубокаго чувства исполнены плачи казанцевъ, — казанской царицы, уводимой въ Россію, вдовы Сафа Гирея, надъ могилой мужа. Исполненъ паѳоса замыкающій описаніе побѣды гимнъ Царю и его сотрудникамъ. И, наконецъ, — въѣздъ Царя въ Москву: «И видѣша самодержца своего идоша, яко пчелы матку свою, и возрадовашася зѣло хваляще и благодаряще его и побѣдительна велика его нарицающи, и много лѣта ему восклицающе на долгъ часъ, и падающи вси поклоняхуся ему до земли. Онъ же посредѣ народа тихо путемъ прохождаше на царстѣмъ конѣ своемъ со многимъ величаніемъ и славою великою, на обѣ страны поклоняшеся народомъ, да вси людіе насладятся, видяще велелѣпотныя славы его сіяюща на немъ, бяше бо облаченъ во весь царскій санъ...» Народъ лѣпится по крышамъ. «Дѣвицы же чертожныя и жены княжи и боярскія, имъ же нелзе есть на такіе позорища великая, человѣческаго ради срама, изъ домовъ свои исходити и изъ хоромъ излазити, полезнѣ есть гдѣ сѣдяху и живяху, яко птица брегоми въ клѣтцахъ, — онѣ же совер-

шенно приницающе изъ верей, изъ оконецъ своихъ, и въ малыя скважинцы глядяху и наслаждахуся многаго того видѣнія чюднаго, доброты и славы блещаяся».

XVIII.

Домострой. Кому приписывается авторство его? Общая характеристика этого памятника. Почему къ нему наблюдается въ литературѣ отрицательное отношеніе? Въ чемъ значеніе этого памятника? Какъ въ введеніи опредѣляется назначеніе всего поученія въ цѣломъ? Какъ опредѣляются гражданскія обязанности русскихъ людей? Внѣшній видъ дома добраго христіанина. Образъ домашней молитвы. Воспитаніе дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Чѣмъ, какими соображеніями обусловливается суровость воспитанія? Особая глава, посвященная разъясненію необходимости «спасать страхомъ» дѣтей. Общее воспріятіе жизни, какъ подвига душеспасительнаго, и проявленіе подобнаго умоначертанія въ совѣтахъ объ общемъ порядкѣ всякаго дѣланія жизненнаго. Усугубленіе подвига въ условіяхъ посѣщенія человѣка болѣзнями и скорбями. Предостереженіе противъ неправеднаго житія и изображеніе разныхъ формъ проявленія такого житія. Общая характеристика этого кодекса жизненныхъ правилъ — всеобъемлющаго. Та часть «Домостроя», которая носитъ характеръ личнаго поученія сыну со стороны попа Сильвестра. Проявленія новаго духа. Языкъ Домостроя

Среди людей, окружавшихъ Іоанна Грознаго на зарѣ его самостоятельнаго царствованія, едва ли не виднѣйшее мѣсто, рядомъ съ митр. Макаріемъ, занимаетъ благовѣщенскій попъ Сильвестръ, вызванный изъ Новгорода въ Москву митр. Макаріемъ и, въ качествѣ священника придворной церкви, ставшій духовникомъ юнаго Царя. Вліяніе его было таково, что, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, «указоваше и митрополиту и владыкамъ». Спустя шесть лѣтъ Царь охладѣлъ къ Сильвестру, и тотъ вынужденъ былъ удалиться въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ постригся съ именемъ Спиридона. Впослѣдствіи былъ онъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и скончался. Съ именемъ Сильвестра связанъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ эпохи, т.наз. Домострой, т. е. домашній уставъ — нѣкая на-ново проредактированная сводка правилъ домашняго поведенія, господствовавшихъ на Руси, сдѣланная Сильвестромъ для своего сына и сопровожденная напутствіемъ ему. «Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну» начиналось такъ: «Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анѳиму». Ставъ настольной книгой русскаго общества, «Домострой», въ ходячихъ спискахъ, опускалъ указаніе въ началѣ основнаго текста на Анѳима и его жену Пелагею, замѣняя ихъ «имярекомъ»: свидѣтельство того, въ какой мѣрѣ отвѣчало содержаніе

этого памятника міровоззрѣнію эпохи. Можно сказать больше: поскольку не отмиралъ русскій исконный бытъ, даже и въ Императорскую эпоху, вплоть до эпохи т. н. Великихъ Реформъ, живымъ оставался и Домострой. И такъ было въ быту не только крестьянства и купечества, истово-православномъ, но даже и въ быту помѣщичьемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ не только мемуарная литература, но и беллетристика русская, — неподкупная, въ своей объективной правдивости, изобразительница русскаго общества.

Отсюда повышенный интересъ къ этому памятнику. Отсюда и то враждебно-полемическое отношеніе къ нему, которое свойственно было, въ большей или меньшей мѣрѣ, нашему литературовѣдѣнію. Едвали не наиболѣе яркое выраженіе получило оно въ обзорѣ «Исторіи русской литературы», принадлежащемъ перу даровитой, но всецѣло въ руслѣ внѣцерковнаго «либерализма» пребывающей, зарубежной писательницы Юліи Сазоновой. А между тѣмъ «Домострой» является необыкновенно житейски-красочнымъ (а потому безцѣннымъ въ своей изобразительности бытовой) раскрытіемъ церковно-православнаго идеала семейной жизни, какъ онъ преломлялся въ русскомъ сознаніи. Идеаломъ этимъ являлся монастырскій укладъ, отличавшійся отъ мірскаго только степенью напряженности подвига спасенія, опредѣляемой въ монастырѣ дополнительными заповѣдями, присущими иночеству, но и въ міру остающейся достаточно высокой для того, чтобы опредѣлять весь ходъ жизни. Церковь, государство, семья, эти три института соединены были нераздѣльно, во всецѣломъ ихъ подчиненіи Церкви. Нигдѣ, кажется, монолитность жизненнаго уклада Московской Руси не получила такого убѣдительнаго выраженія, какъ въ этомъ простецкомъ, микрографически-точномъ воспроизведеніи какъ бы извнутри освѣщаемаго московскаго домохозяйства.

Такъ начинается оно:

«Благословляю азъ грѣшный, имя рекъ, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего, имя рекъ, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцевъ: быти во всякомъ христіанскомъ законѣ, и во всякой чистой совѣсти и правдѣ; съ вѣрою творяще волю Божію, и храняще заповѣди Его; себе утверждающе во всякомъ страсѣ Божіи, и въ законномъ жительствѣ; и жену поучающе, тако же и домочадцевъ своихъ наказующе: не нужею, ни ранами, ни работаю тяжкою; имѣюще яко дѣти, во всякомъ покоѣ: сыты и одѣяны, и въ тепломъ храмѣ (т. е. храминѣ, хоромахъ, помѣщеніи), и во всякомъ устроѣ. И вдаю вамъ христіанское писаніе се на память и вразумленіе: вамъ и чадомъ вашимъ. Аще сего моего писанія не внемлите, и наказанія не послушаете, и по тому не учнете жити, и не тако творити, яко же есть писано, — сами себѣ отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда; и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ: кромѣ моея души (т. е. грѣхъ внѣ моей души), азъ о семъ, о всякомъ благочиніи благо-

словилъ, и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писаніе предлагалъ вамъ; и аще воспріимите сіе мое худое поученіе и грубое наказаніе, со всею чистотою душевною; и прочитая, прося у Бога помощи и разума поелику возможно, какъ Богъ вразумитъ васъ; и начнете дѣломъ творить вся си; будетъ на васъ милость Божія, и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе, отнынѣ и до вѣка, и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ: отъ нашего благословенія, и отъ своихъ трудовъ: да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ, во вѣки, аминь.»

Такъ опредѣляется самый духовный смыслъ памятника: во спасеніе душъ составленъ онъ, предъ Богомъ. И такъ рисуется и весь кругъ житейскихъ обязаностей.

Гражданскія обязаности очерчиваются такимъ образомъ:

«Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ; но съ покореніемъ истину отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному царю правдою служиши и боишися его: тако научишися и Небеснаго Царя боятися: сей временёнъ, а Небесный вѣченъ и судія нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Тако же и княземъ покоряйтеся и должную имъ честь воздавай, яко отъ него посланнымъ, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу добродѣемъ. Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ; ни мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть: да, аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится. А царю и князю и всякому вельможѣ не тщися служити лжею и клеветой и лукавствомъ: погубитъ Господь вся глаголящая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай, маломощныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай, юнѣйшихъ яко чада люби, всякому созданію Божію не лихъ буди, славы земныя ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога, всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи, обидимъ не мсти, хулимъ моли, зла за зло не воздавай, согрѣшающая не осуждай, воспомяни свои грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися, злыхъ мужей совѣту отвращайся, буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуй въ сердцѣ своемъ, и самъ тако же твори.»

Какой внѣшній видъ долженъ имѣть домъ добраго христіанина?

«Въ дому своемъ всякому христіанину во всякой храминѣ святые и честные образы, написаны на иконахъ, по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образами возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи, и по отпѣтіи погашаютъ, завѣсою закрываются, всякія ради нечистоты и отъ пыли: благочинія ради и береженія, а всегда чистымъ крылышкомъ ометати и мягкою

губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда; а ко святымъ образамъ касатися достойнымъ въ чистѣй совѣсти; и на славословіи Божіи и на святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладаномъ и ѳиміамомъ; а образы святые поставляются иже въ началѣ, по чину, свято почитаеми суть, имены преждереченными; въ молитвахъ и во бдѣніяхъ, и въ поклонѣхъ, и во всякомъ славословіи Божіи, всегда почитати ихъ; со слезами и съ рыданіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущенія грѣховъ.»

Если «домашняя церковь», какой по духу Православія является каждая семья, имѣла на Руси свой какъ бы домовой храмъ, то онъ не стоялъ отчужденнымъ отъ каждодневной жизни. Вотъ какъ говоритъ «Домострой» о томъ, «как мужу съ женою и домочадцы въ дому своемъ молитися»:

«По вся дни, въ вечерѣ, мужъ съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдь ни пити ни ѣсти ни молвы творити, всегда; всему тому наука (т.е. все это должно войти въ навыкъ). А ложася спати всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положити. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно, къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утрѣ, возставая такоже, и комуждо по силѣ и по желанію».

Обстоятельно говорится о воспитаніи дѣтей — въ страхѣ Божіемъ:

«А пошлетъ Богъ у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадѣхъ своихъ: снабдити ихъ (оберегать, окружать заботой) и воспитати въ добрѣ наказаніи, и учити страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію; и по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учити рукодѣлію: матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ (т.е. способности, дарованіе) Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати. Уча и наказуя и разсуждая, раны (т.е. удары) возлагати: наказуй дѣти во юности, покоятъ тя на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлеснѣй, и отъ всякаго грѣха, отцемъ чадъ своихъ, яко же зѣницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что зло сотворятъ, и отцемъ и матеремъ съ дѣтьми отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа (расходы по суду или пени) и соромота. Аще у богобоязливыхъ родителей и у разумныхъ и благоразсудныхъ чада воспитани въ страсѣ Божіи и въ добрѣ наказаніи и въ благоразсудномъ ученіи всякому разуму и вѣжеству и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада съ родители сво-

ими бываютъ отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими; а егда будутъ въ совершенѣ возрастѣ, добрые люди съ радостiю и благодаренiемъ женятъ сыновей своихъ по своей верстѣ (т.е. по своему уровню, въ частности и возрастному), по суду Божiю: а дщери за ихъ дѣти замужъ выдаютъ. И аще отъ таковыхъ которое чадо Богъ возьметъ, въ покаянiи и съ причастiемъ, то отъ родителю безскверная жертва къ Богу приносится, и въ вѣчныя кровы вселяются; а имѣютъ дерзновенiе у Бога милости просити и оставленiя грѣховъ и о родителѣхъ своихъ».

Какъ видимъ, высокiй планъ выдерживается строго: не здѣшняя жизнь съ ея успѣхами и утѣхами опредѣляетъ теченiе жизни, а очи, воздѣтыя горѣ. Отсюда и строгость воспитанiя, суровость даже — сознательная, отвѣчающая церковному пониманiю отвѣтственности родителей за дѣтей. «Како дѣти учити и страхомъ спасати» — объ этомъ говоритъ особая глава:

«Казни сына твоего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бiя младенца: аще бо жезломъ бiеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бiя его по тѣлу, а душу избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть прiимутъ врази твои. Воспитай дѣтище съ прещенiемъ, и обрящеши въ немъ покой и благословенiе. Не смѣйся къ нему игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины сотвориши душѣ твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досажденiе, и болѣзнь душѣ, и тщета домови, погибель имѣнiю, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властели платежъ и досада зла».

Въ нашъ изнѣженный вѣкъ подобные совѣты воспринимаются, какъ нѣчто жестокое и вызывающее отвращенiе, но въ основѣ ихъ лежитъ трезвое пониманiе природы человѣка. Суровую требовательность примѣняя къ себѣ, съ таковой же долженъ ты относиться и къ тѣмъ, кто находятся подъ твоей властною рукою. Жизнь воспринимается какъ трудный подвигъ, какъ хожденiе предъ Богомъ. Это находитъ себѣ выраженiе и въ мелочахъ обихода. Вотъ напримѣръ, приведемъ еще главу о томъ, «како всякому человѣку рукодѣльничати и всякое дѣло дѣлати, благословяся»:

«Въ домовитомъ обиходѣ и вездѣ всякому человѣку, государю или государынѣ, или сыну или дщери, или служкѣ мужеска полу и женска, и всякому мастеровому человѣку, и стару и малу, всякое дѣло начати или рукодѣльничати, или ѣсти и пити, или ѣства варити, или печи что, и всякiе приспѣхи (изготовленiе, стряпню) дѣлати, и всякое рукодѣлiе и всякое мастерство, и устроивъ себя, очистивъ отъ всякiя скверны и руки умывъ чисто, прежде святымъ поклонятися

трижды въ землю, а по нужѣ, ино до пояса; кто умѣетъ: «Достойно» проговорити весь до конца... да молитву Іисусову проговоря, да перекрестяся, молвя «Господи благослови отче», тоже начати дѣло всякое: ино тому Божія милость поспѣшествуетъ, ангели невидимо помогаютъ, а бѣсы отбѣгнутъ; и то дѣло Богу въ честь, а душѣ на пользу; ѣсти и пити съ благодареніемъ, ино сладко; а что въ прокъ сдѣлано, ино мило. А дѣлати съ молитвою и съ доброю бесѣдою, или въ молчаніи: а дѣлаючи что нибудь, начнется слово праздное или хульное, или съ роптаніемъ, или смѣхи, или кощуны, или пѣсни бѣсовскія и игры: отъ такова дѣла, а отъ таковыя бесѣды, Божія милость отступитъ: ангели отъидутъ скорбни, и возрадуются нечестивіи демони, видя волю свою содѣвающи безумніи христіане; и приступятъ ту лукавіи, влагающе въ мысль всякую злобу и всякую вражду, и ненависть, и подвизаютъ помыслы на гнѣвъ ,и на всякіе кощуны, и на всякое зло. Ино то уже дѣло, ѣства или питіе, не споро и не мило и не прочно; а ѣства и питіе не укусна и не сладка; только врагу и его слугамъ угодно и сладко и радостно. А кто въ ѣствѣ и въ питіи и во всякомъ рукодѣліи не чисто стряпаетъ, и во всемъ мастерствѣ что украдетъ, или подмѣшаетъ, и не въ толькѣ стало (имѣется въ виду количества — сколько), — а онъ лжетъ, — и тѣ всѣ дѣла не угодны Богу, бѣси написуютъ (т.е. всѣ эти дѣла записаны будутъ бѣсами) ; и въ томъ всемъ человѣку истязану быти въ день страшнаго суда».

Посѣщаютъ болѣзни и скорби — усиляется молитва, постъ. милостыня; очищается, усугубляется благочестіе; встаетъ вопросъ о паломничествѣ къ святымъ и чудотворнымъ мѣстамъ; къ душѣ особенно тщательное обращается вниманіе, не къ тѣлу. И тутъ же, естественно, отвращается мысль отъ разныхъ проявленій нерадѣнія, грѣха, страстей, чернокнижія и отъ всего богомерзкаго, чѣмъ грязнится жизнь... Такъ ко спасенію обращается и болѣзнь и скорбь.

Особая глава посвящена изображенію «неправеднаго житія».

«А кто не по Бозѣ живетъ, не по христіанскому житію, чинитъ всякую неправду и насиліе и обиду; сильно (т. е. насиліемъ) отойметъ, возьмя не заплатитъ, волокитою уморитъ, а молода человѣка во всемъ изобидитъ; на сусѣдствѣ кто не добръ, или въ селѣ, на своихъ христіанъ, или на приказѣ, или на власти, дани тяжкія и всякіе уроки незаконные накладываетъ; или чужую ниву попахалъ, или лѣсъ посѣкъ, или землю переоралъ, или лугъ перекосилъ, или ловлю рыбную переловилъ, или борти, или перевѣсье (т. е. сѣти) и всякую ловлю, и всякое угодье неправдою и насиліемъ сотворитъ; или ограбитъ, или покрадетъ, или разобьетъ на дорозѣ (имѣется въ виду разбой), и на стану (не на дорогѣ, а на жилыхъ остановкахъ) грабитъ, и бьетъ и соромитъ, и пустошитъ луга, пашню толочитъ (толчетъ, затаптываетъ), и всякую обиду чинитъ, или кого чимъ поклеплетъ, или кого чимъ подкинетъ, или чимъ оклевещетъ и ополичнитъ (т. е.

клеветнечески подбросить поличное); или напрасно кого продасть (т. е. выдасть за подкупъ); или въ работу (т. е. рабство) неповинныхъ лукавствомъ или насиліемъ охолопитъ; или непрямо судитъ или неправедно обыскиваетъ, или накривѣ послушествуетъ (т. е. дастъ лживое показаніе о слышанномъ); или кающимся не милостивъ; или лошадь или всякую животину и всякое стяжаніе и селы или винограды, варницы, мельницы, лавки, амбары, или дворы и всякое угодье силою отыметъ, или дешево въ неволю (противъ воли) купитъ, или ябедничествомъ вытяжетъ, или корчемнымъ прикупомъ или лихвы и всякимъ лукавымъ ухищреніемъ и неправеднымъ собраніемъ, или росты и насыпы (ростъ натурой, для сыпучихъ тѣлъ) и мыта богатѣетъ... всякія неподобныя дѣла творитъ... самъ государь или государыня творятъ, или дѣти ихъ, или люди ихъ, или крестьяне ихъ, а они государи о томъ не возбраняютъ и не обороняютъ и управы не даютъ; прямо, всѣ вкупѣ, будутъ во адѣ, и здѣ прокляти.»

Мы не можемъ, конечно, передавать все содержаніе «Домостроя» во всѣхъ его 63 главахъ, которыя можно раздѣлить на три отдѣла: I) о строеніи духовномъ, II) о строеніи мірскомъ (како жити съ женами, дѣтьми и домочадцы), и III) о строеніи домовномъ, т. е. о домашнемъ хозяйствѣ. Но то, что мы привели, даетъ достаточное представленіе объ этомъ кодексѣ жизненныхъ правилъ, обнимающемъ весь кругъ жизни, въ мельчайшихъ его деталяхъ (особенно красочныхъ въ отдѣлѣ о домашнемъ хозяйствѣ) подъ угломъ зрѣнія ученія Церкви и въ свѣтѣ всеопредѣляющей задачи жизненной: спасенія души. Человѣкъ узнаетъ, какъ себя вести въ храмѣ, какъ цѣловать иконы, какъ подходить къ св. Причастію, какъ вкушать просфору («зубами не кусати, якоже прочій хлѣбъ; уломываючи не велики кусочки, класти въ ротъ, ѣсти губами и ртомъ не чавкати, съ опасеніемъ ѣсти»). Человѣкъ узнаетъ, какъ ему надо обходиться съ людьми, причемъ проявляется мудрая разсудительность. Такъ, въ случаѣ ссоры кого изъ челяди съ посторонними совѣтуется утолять брань, уступая чужимъ, даже въ ущербъ правотѣ своихъ. Такая тактика рекомендуется слугамъ: «разсудительный слуга, гдѣ слышавъ брань — миръ скажетъ, а гдѣ слышавъ вражду — любовь скажетъ, а гдѣ клянутъ и лаютъ, и онъ похвалу и благодареніе повѣдаетъ: и отъ таковыхъ слугъ промежъ добрыхъ людей любовь сводится и миръ вѣчный». Обстоятельно и всесторонне истолкованъ домашній укладъ внутренній. Тутъ слово беретъ не только моралистъ, но и добрый хозяинъ, рачительный, умѣлый, въ каждую мелочь входящій и привыкшій удовлетворять всѣ потребности дома домашними способами: «у добраго промысла, у совершеннаго разума все ся лучало (все получалось) дома». Патріархальнымъ является домоводство, какъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, такъ и въ чисто хозяйственномъ.

Нѣсколько болѣе личный характеръ носитъ та часть «Домостроя», которая является уже не сводкой обычая общаго, а непосредствен-

нымъ поученіемъ сыну со стороны Сильвестра. Здѣсь историкъ Соловьевъ не безъ всякаго основанія видитъ «смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской». Если примѣнительно къ основной массѣ правилъ «Домостроя» можно сказать съ достаточной увѣренностью, что, въ общемъ, устремленіе къ Правдѣ Божіей покрываетъ ихъ всѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ позволяя именно такое имъ дать истолкованіе, гдѣ, на первый взглядъ, можно найти лишь потакательство человѣческой пользѣ, то нѣкій уклонъ въ сторону житейскаго улавливается въ «Посланіи». Не такъ выдержанъ въ немъ и патріархальный характеръ. Сильвестръ пишетъ о себѣ: «работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и ины окупихъ изъ работы и на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домы живутъ, якоже видиши, и молятъ за ны Бога, а доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ по своей волѣ». Это уже новый духъ.

Въ литературномъ отношеніи «Домострой» отличается силой и образностью языка, народно-простаго, точнаго, выразительнаго, богатаго.

Закончимъ рѣчь о «Домостроѣ» словами о немъ Гоголя: «мы видѣли соединеніе Маѳы и Маріи вмѣстѣ или лучше, видимъ Маѳу не ропщущую на Марію, но согласившуюся въ томъ, что она избрала лучшую часть.»

XIX.

Книгопечатаніе. Первыя его проявленія. Варѳоломей Готанъ. Францискъ Скорина. Возникновеніе усиленной потребности въ печатной книгѣ на Руси. Максимъ Грекъ и его связь съ книгопечатаніемъ. Какъ современное сказаніе опредѣляетъ мотивы возникновенія книгопечатанія на Руси при Грозномъ? Отношеніе къ этому дѣлу митр. Макарія. Первые опыты. Печатный дворъ и первый трудъ его печатниковъ. Какъ и гдѣ объяснялъ причины катастрофы Иванъ Ѳедоровъ? Дальнѣйшій жизненный путь его. Эпизодъ въ Литвѣ съ гетманомъ Хоткевичемъ. Періодъ Львовскій. Апостолъ. Періодъ Острожскій. Конецъ жизни Ѳедорова во Львовѣ. Надгробная надпись. Заключительныя слова львовскаго послѣсловія, какъ выраженіе взгляда Ивана Ѳедорова на свое призваніе. Судьба другаго первопечатника. Позднѣйшая судьба печатнаго дѣла на Руси.

Первая на Москвѣ печатная книга относится еще къ концу XV в. Извѣстно, что «Любскій (изъ Любека) печатникъ» Варѳоломей Готонъ печаталъ книги для Іоанна III. Отъ него, видимо, научились и русскіе: найдены русскія книги, предшествующія первопечатному Апостолу. Это первые опыты. Въ Юго-Западной Руси имѣ-

ли хожденіе книги, печатавшіяся въ 1517-1519 годахъ Францискомъ Скориною, ученымъ переводчикомъ Библіи на русскій языкъ.

Нужда въ печатной книгѣ обострилась при Іоаннѣ Грозномъ съ взятіемъ Казанскаго царства. Тогда, тщаніемъ Царя, пооткрывалось много новыхъ храмовъ. Стали скупать рукописныя книги на торжищахъ, но чуть ни всѣ оказывались, по свидѣтельству Максима Грека, «растлѣны отъ преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ». Максимъ самъ хорошо былъ знакомъ съ книгопечатаніемъ по своему европейскому прошлому. Онъ писалъ о себѣ: «Въ Венеціи (то былъ тогда центръ типографскаго дѣла) былъ нѣкій философъ добре хитръ, имя ему Алдусъ, а прозвище Мапуціусъ, родомъ Фрязинъ . . . Я его зналъ и видѣлъ въ Венеціи и къ нему часто хаживалъ книжнымъ дѣломъ». То былъ знаменитый типографъ. Были въ библіотекѣ Максима и образцы печатнаго искусства, вывезенные имъ изъ Венеціи. И вотъ, по свидѣтельству современнаго сказанія, въ 1553 г. «царствующему надъ всею Россіею царю и великому князю Іоанну Васильевичу всея Руси вложилъ Богъ въ умъ благую мысль, какъ бы ему изряднѣе въ Русской землѣ учинить, вѣчну память по себѣ оставить: — произвести бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя ради крѣпкаго исправленія и утвержденія и скораго дѣланія и ради легкой цѣны и ради своей похвалы, и такъ бы учинить въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всей Россіи, какъ въ Грекахъ и Нѣмецкихъ земляхъ, въ Виницѣ (Венеціи) и во Фригіи (Италіи) и въ Бѣлой Руси и въ Литовской землѣ и въ прочихъ тамошнихъ странахъ, дабы было всякому православному христіанину праведно и несмутно читать святыя книги и говорить по нимъ и дабы повелѣть испущать во всю Русскую землю». Надо ли говорить, какъ близко было это начинаніе сердцу митр. Макарія! Онъ прямо сказалъ, что «эта мысль внушена царю самимъ Богомъ, что это даръ свыше сходящій».

Послѣ длительной (десятилѣтней) подготовки появился въ Москвѣ Печатный дворъ. Повидимому, кое-что было напечатано и за этотъ подготовительный періодъ, и въ одномъ письмѣ Грознаго находимъ указаніе на нѣкоего «мастера печатныхъ дѣлъ Маруша Нефедьева». Но оффиціальнымъ первенцемъ русскаго печатнаго дѣла является Апостолъ, законченный печатаніемъ 1 марта 1564 г. на прекрасно оборудованномъ Печатномъ Дворѣ (на Никольской улицѣ) мастерами Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ. О нихъ сохранилось свѣдѣніе, что они уже задолго до этого времени пробовали печатать книги «малыми и неискусными начертаніями», а потомъ совершенствовались подъ руководствомъ итальянцевъ. Старинная наша типографская терминологія — итальянская. Мастерство ихъ было настолько велико, что самый шрифтъ могъ быть изготовленъ въ Москвѣ, причемъ, по отзыву спеціалистовъ, являлъ строгую чистоту и правильность московскаго пошиба во всѣхъ буквахъ и зна-

кахъ. Изъ рукъ первопечатниковъ вышло печатное произведеніе въ высокой степени замѣчательное по красотѣ и изяществу. Въ слѣдующемъ году появился еще Часовникъ. Но тутъ произошла катастрофа.

Къ этому времени уже не было въ живыхъ высокаго покровителя новаго дѣла: митр. Макарій не дожилъ до выхода въ свѣтъ первой книги. Невѣжественные недоброжелатели ополчились противъ новизны печатанія — бѣжать пришлось Ивану Өедорову съ товарищемъ. Самъ Иванъ Өедоровъ въ послѣсловіи къ Львовскому Апостолу, имъ выпущенному въ 1573 г., говорилъ о «презѣльномъ озлобленіи отъ многихъ начальникъ и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погибнути». Назидателенъ дальнѣйшій жизненный путь этого піонера-энтузіаста печатнаго дѣла. Испытавъ разгромъ Печатнаго Двора еще въ цвѣтѣ лѣтъ (онъ родился около 1520 г.), Өедоровъ обосновывается въ Литвѣ, въ имѣніи гетмана Хоткевича, который обезпечиваетъ его матеріально и даетъ возможность напечатать нѣсколько книгъ. Скоро, однако, по дряхлости, теряетъ онъ всякій интересъ къ печатному дѣлу. Онъ предлагаетъ И. Өедорову «пренебречь художествомъ рукъ» и заняться хозяйствомъ. «Однакоже, невозможнымъ показалось мнѣ, пишетъ И. Өедоровъ, коротать жизнь свою за плугомъ и сѣяніемъ сѣмянъ, т. к. мѣсто плуга для меня заступало книгопечатаніе, и мнѣ надлежало вмѣсто житныхъ сѣмянъ разсѣвать по вселенной сѣмена духовныя и всѣмъ раздавать эту духовную пищу». Со своимъ типографскимъ запасомъ пробирается онъ въ Львовъ, гдѣ ему, уже безъ всякаго покровительства, удается отпечатать въ 1574 г. Апостолъ со знаменитымъ послѣсловіемъ. Нужда заставила его заложить свой «запасъ» — такъ туго ему приходилось. Все же, въ 1580 г. снова видимъ мы его во главѣ большой типографіи — уже въ Острогѣ, какъ сотрудника знаменитаго кн. Константина Острожскаго. Тутъ былъ имъ напечатанъ Новый Завѣтъ съ Псалтирью, «яко первый овощь» новаго печатнаго дѣла. Тогда же (1580-1581 гг.) была напечатана знаменитая Острожская Библія (двумя повторными изданіями) — первая полная печатная Библія Славянская. Шрифтъ и украшенія изготовлены были И. Өедоровымъ. Библія была издана образцово и положила начало высокому признанію острожскаго печатнаго дѣла. Неизвѣстно, что побудило И. Өедорова возвратиться въ Львовъ, гдѣ онъ, всѣми забытый и обнищавшій, кончаетъ свои дни въ 1583 г. На надгробной плитѣ начертано: «Друкарь москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ». А ниже: «Друкарь книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ». Какъ смотрѣлъ на свое печатное дѣланіе самъ «друкарь москвитинъ», видно изъ заключительныхъ словъ его львовскаго послѣсловія. Обращаясь къ «Богу Вѣчному и Безначальному» съ молитвою о всѣхъ оказавшихъ помощь изданію, онъ добавляетъ: «намъ же непотреб-

нымъ, начинаніе дерзнутымъ, благословеніе и простыню грѣхомъ да просятъ (разумѣются читатели), да и сами того же благословенія и простыни грѣхомъ сподобитеся, и аще что погрѣшено будетъ, Бога ради исправляйте, благословите, а не кляните, поне же не писа Духъ Святый ни Ангелъ, но рука грѣшна и бренна, якоже и прочіе ненаказанніи. Выдруковалъ сію душеполезную Апостольскую книгу въ преименитомъ мѣстѣ Львовѣ, въ славу всемогущія и живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь».

Другой первопечатникъ, Петръ Тимоѳеевъ, разстался съ И. Ѳедоровымъ въ самомъ началѣ ихъ бѣженства. Онъ обосновался въ Вильнѣ, гдѣ основалъ типографію, просуществовавшую 60 лѣтъ. Въ Москвѣ, послѣ небольшаго лишь перерыва, возобновилось печатное дѣло. Уже въ 1568 г. вышла Псалтырь, напечатанная нѣкимъ Андроникомъ Невѣжею. Позже извѣстна вновь устроенная типографія въ Александровской слободѣ.

Какъ извѣстно, книгопечатаніе обострило вопросъ предварительнаго исправленія текста книгъ, поскольку онъ могъ быть испорченъ переписчиками. Трудъ переписки былъ настолько распространенъ на Руси и пользовался такимъ признаніемъ, что рукописныя книги продолжали господствовать еще долго послѣ приступа къ печатанію. Еще при Петрѣ рукопись успѣшно конкурировала съ книгой. Тѣ же круги, которые съ подозрительностію относились къ исправленію книгъ, должны были ощущать положительное отталкиваніе отъ печатной книги. Вліяніе книги, впрочемъ, сказалось на внѣшнемъ видѣ рукописей, стремившихся принять подобіе первопечатныхъ книгъ.

XX.

Паломничество. Значеніе паломничествъ. Групповыя паломничества. Архіеп. Антоній Андрейковичъ (Книга Паломникъ). Описаніе службы Св. Софіи. Стефанъ Новгородецъ и его путешествіе въ Царьградъ. Сказаніе о Царьградѣ и Бесѣда о святыняхъ. Игнатій Смолянинъ. «Ксеносъ, глаголемый Странникъ» троицкаго монаха Зосимы (XV в.) «Хожденіе» купца Василія къ святымъ мѣстамъ. Хожденія временъ Грознаго и Ѳеодора Іоанновича. Особое значеніе хожденія Трифона Коробейникова.

Мы знаемъ описаніе паломничества иг. Даніила. Влеченіе нашихъ предковъ посѣтить Святыя Мѣста создало постоянный потокъ паломниковъ. Иные изъ нихъ оставляли описанія — въ утѣшеніе тѣмъ, кто сами не могли подъять этотъ святой трудъ, а равно и въ поощреніе ревнующихъ о паломничествѣ. Въ лѣтописи отъ 1163 г. читаемъ: «ходиша изъ Великаго Новаграда отъ Святѣй Софіи сорокъ мужей калици ко граду Іерусалиму ко Гробу Господню». Бывали, значитъ, и групповыя паломничества. Признаніе даже и на западѣ получило, будучи переведено на французскій и латинскій языки,

описаніе архіеп. новгородскимъ Антоніемъ (въ міру Добрыня Андрейковичъ) его длительнаго (отъ 1200 до 1204 г.) пребыванія въ Царьградѣ. Это описаніе имѣетъ особенную цѣнность въ силу того, что пребываніе архіеп. Антонія въ Царьградѣ непосредственно предшествуетъ разоренію его крестоносцами. «Книга Паломникъ» (такъ называлось сочиненіе архіеп. Антонія) содержитъ тщательное археологическое описаніе Царьграда въ полномъ его блескѣ, какъ средоточія святынь. Восторгомъ исполнено описаніе службы въ Св. Софіи: «И егда внидетъ царь въ церковь ту, тогда понесутъ подъ исподь много ксилолоя, темьяна и кладутъ на угліе и наполнится благоуханія церковь, пѣніе же воспоютъ калуфони аки ангели и тогда будетъ стояти во церкви той аки не небеси или аки въ раи, Духъ же Святый наполняетъ душу и сердце радости и веселія правовѣрнымъ человѣкомъ».

Къ значительно позднѣйшему времени (средина XIV в.) относится путешествіе въ Царьградъ Стефана Новгородца съ «другы осемью». Поразилъ паломниковъ памятникъ Юстиніану. «Въ недѣлю страстную пріидохомъ въ Царьградъ и идохомъ къ святой Софіи. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чюденъ вельми, аки живъ, въ доспѣхѣ сороцинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себѣ простре буйно на полъдни на Сороцинскую землю къ Іерусалиму». Благоговѣйныя слѣдуютъ описанія различныхъ храмовъ и святынь. Особенное впечатлѣніе произвела Св. Софія — «умъ человѣчь не можетъ ни сказати ни вычести». Да и вообще «много бо видѣхомъ въ Цареградѣ видѣнія, еже не мочно разстатися». Описываетъ Стефанъ и гавань съ ея рѣшетчатыми вратами, благодаря которымъ «море введено внутрь города,» а «коли бываетъ рать съ моря, и ту держатъ корабли». «Оттолѣ поидохомъ къ Іерусалиму», кончаетъ Стефанъ. Этого описанія не сохранилось.

Къ этому же времени относятся два памятника, тоже Новгородскаго происхожденія, имѣвшіе цѣлью: одинъ — помочь «правовѣрнымъ крестьяномъ... аще кто поидетъ... въ нарицаемый Царьградъ на поклоненіе»; «другой — оживить самое желаніе совершить такое поклоненіе. Первый памятникъ, «Сказаніе о Царьградѣ», есть своего рода путеводитель, содержащій перечень основныхъ достопримѣчательностей Царьграда. Второй, «Бесѣда о святыняхъ Царьграда», содержитъ краснорѣчивое описаніе этихъ святынь епископомъ князю, съ разъясненіемъ всей душеполезности посѣщенія. Оно оказалось столь краснорѣчивымъ, что князь тутъ же, съ дружиною, отправляется въ паломничество.

Точная дата сохранилась путешествія въ Царьградъ Игнатія Смольнянина, сопровождавшаго митр. Пимена: 1389 г. Мы уже отмѣчали этотъ памятникъ, какъ заключающій свидѣтельство запустѣнія задонскихъ мѣстъ, сохранившагося отъ татарскаго нашествія.

Описаніе этого путешествія повѣствуетъ о событіяхъ и бѣдахъ, бывшихъ на пути, о встрѣчѣ въ Царьградѣ съ Русью, жившей тамъ («и бысть радость велія»), о вѣнчаніи на царство императора Мануила, на которомъ присутствовали путешественники. Изъ Царьграда Игнатій отправился въ Іерусалимъ и далъ описаніе тамъ видѣннаго — уже въ новой обстановкѣ оккупаціи святыхъ мѣстъ магометанской властію, которая допускала къ служенію у Гроба Господня, и грековъ, и римлянъ, и армянъ, и сирійцевъ и др.

Къ XV вѣку относитстя «Ксеносъ, глаголемый Странникъ» троицкаго монаха Зосимы, совершившаго два путешествія и побывавшаго въ Царьградѣ, на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ. «Тайну цареву хранити добро есть, а дѣла Божіи проповѣдати преславно есть» — такъ пишетъ онъ, и ведетъ свой разсказъ о видѣнныхъ святыняхъ, не опуская повѣдать и о многочисленныхъ приключеніяхъ, съ нимъ бывшихъ. Такъ, у Мертваго моря попалъ онъ въ руки злыхъ араповъ, которые, возложивъ на него «раны довольны», оставили его полужива. Едва смогъ онъ добраться до обители св. Саввы, гдѣ его «упокоиша святіи отцы». А на пути морскомъ изъ Іерусалима въ Царьградъ — попалъ онъ къ морскимъ разбойникамъ. Они ограбили его, «сами скачуще по кораблю, яко диви звѣри, блистающеся копіи своими и мечи и саблями и топоры широкими. Мню азъ, грѣшный Зосима, яко воздуху устрашитися отъ нихъ».

Къ 1465-1466 гг. относится «хоженіе» купца Василія къ Святымъ мѣстамъ, «гостя при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ». Примѣрно къ тому же времени относятся два хожденія священноинока Варсонофія. Онъ былъ первымъ изъ русскихъ паломниковъ, описавшимъ Синайскій монастырь. Онъ восходилъ на гору, гдѣ были обрѣтены мощи св. Екатерины. Два еще хожденія извѣстны временъ Грознаго. Одно совершено было, по порученію Царя, новгородскимъ архидіакономъ Геннадіемъ и Василіемъ Позняковымъ съ сыномъ — съ дарами отъ царя. Другое хожденіе, значительно позже, совершено было Трифономъ Коробейниковымъ и Юріемъ Грекомъ, тоже съ дарами, о упокоеніи Іоанна, сына Грознаго, имъ въ припадкѣ гнѣва убіеннаго. Тотъ же Коробейниковъ ѣздилъ для раздачи милостыни въ Палестину отъ царя Ѳеодора. Хожденіе Коробейникова получило огромную популярность, будучи распрстраняемо во множествѣ списковъ. Оно было потомъ и напечатано, впитавъ въ себя данныя и изъ прежнихъ хожденій.

XXI.

Хожденіе за три моря Афанасія Никитина. Кто былъ Афанасій и какъ онъ попалъ въ Индію? Что характерно для писанія Никитина? Какъ проявлялась сила его вѣры? Какъ складывалась его судьба? Что побудило его возвратиться на родину? Какъ устроилъ онъ это

возвращеніе? Его путь домой и конечная его судьба. Исторія текста Хожденія. Общая характеристика памятника и ея автора. Болѣе позднія путешествія. «Ходъ въ Персидское царство» купца Котова. Паломничество Василія Гогары.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ «Хоженіе за три моря» Афанасія Никитина, найденное Карамзинымъ въ бубліотекѣ Троице-Сергіевой Лавры. Это не паломничество, а путешествіе, однородное тѣмъ, которыя совершались на западѣ людьми, жаждавшими приключеній и получившими общее наименованіе «купцовъ-авантюристовъ». Правда, путешествіе купца Аѳанасія именно въ Индію было вызвано внѣшними обстоятельствами, а не его доброй волею, всецѣлою.

Въ 1466 г. царю Іоанну III привезли дары послы владѣтеля Шемахи. Отвѣтнымъ даромъ были 90 охотничьихъ кречетовъ, которые и повезъ домой шемаханскій посолъ. Отправленъ въ Шемаху былъ, однако, и посолъ отъ царя — Василій Папинъ. Провѣдали обо всемъ этомъ тверичи. Группа ихъ, во главѣ съ Афанасіемъ Никитинымъ, рѣшаетъ завязать съ Шемахой торговыя связи. Снаряжены были два судна, получены проѣзжія грамоты — и двинулись суда внизъ по Волгѣ. Папина не нагнали, и пришлось имъ вести путь съ Асанъбегомъ, посломъ шемаханскимъ. Оба русскихъ судна погибли: одно захвачено было татарами, а другое разбилось. Никитинъ оказался спутникомъ шемаханскаго посла, съ которымъ и добрался до Шемахи. Безпомощными оказались русскіе — просили шаха, чтобы пожаловалъ ихъ чѣмъ дойти до Руси. Ничего не получивъ — разошлись, заплакавъ, кто куда: «у кого что есть на Руси, и тотъ пошелъ на Русь, а кой долженъ, а тотъ пошелъ куды его очи понесли, а иные осталися въ Шамахеѣ, а иные пошли работать къ Бакѣ (Баку)». Никитинъ рѣшилъ странствовать дальше. Чрезъ Дербентъ и Баку онъ отправился въ Персію и Индію. Такъ возникло, за четверть столѣтія до открытія морскаго пути въ Индію Васко де Гамою, первое, обстоятельное и точное, европейское описаніе Индіи.

Въ Никитинѣ сочетался огромный практическій темпераментъ съ живой и крѣпкой вѣрою. Вотъ отрывокъ, его рисующій: «А въ томъ Чюнерѣ ханъ у меня взялъ жерепца, а увѣдалъ, что язъ не бесерменинъ, русинъ, и онъ молвитъ: «И жерепца дамъ, да тысячю золотыхъ дамъ, а стань въ вѣру нашу въ Махметъ дени (т. е. мусульманство), а не станешь въ вѣру нашу въ Махметъ дени, и жерепца возьму и тысячу золотыхъ на главѣ твоей возьму». А срокъ учинилъ на 4 дни: въ говѣйно Успеніи (т. е. въ Успенскій постъ) на Спасовъ день. И Господь Богъ смиловался на Свой честный праздникъ, не остави отъ меня милости Своея грѣшнаго и не повелѣ погыбнути въ Чюнерѣ съ нечестивыми; и канунъ Спасова дни пріѣхалъ хозяйочи (. е. господинъ, «ходжа», отъ этого корня, можно думать, и произошло русское «хозяинъ») Махметъ хоросанецъ, билъ есми челомъ

ему, чтобы мя въ вѣру не поставили, да и жерепца моего у него взялъ. Таково Господарево чюдо на Спасовъ день. Ино, братья русьстіи христіане, кто хочетъ поити въ Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликну Махмета да поиди въ Гундустанскую землю. Мене залгали псы бесермены, и сказывали всего много нашего товару, ано ничего на нашу землю; все товаръ бѣлой на Бесерменскую землю, перець да краска, то дешево; ино возятъ аче моремъ, иныи пошлины не даютъ (т. е. инымъ позволяютъ везти безъ пошлины). А люди иные намъ провезти пошлины не дадутъ, и пошлины много, а разбойниковъ на морѣ много. А разбиваютъ все кофары (не-мусульмане, исповѣдующіе мѣстную вѣру, индуисты), ни крестьяны, ни бесерьмена, а молятся каменнымъ болваномъ, а Христа не знають».

Тяжко страдаетъ Никитинъ, лишенный возможности церковно молиться и подверженный всяческимъ искушеніямъ. «Мѣсяца Мая Великій день взялъ есми въ Бендере бесерьменскомъ и въ Гондустани, а бесермене ботрамъ (т. е. байрамъ) взяли въ среду мѣсяца маа; а заговѣлъ есми мѣсяца априля 1 день. О благовѣрныи христіяне! Иже кто по многимъ землямъ много плаваетъ, въ многыя грѣхи впадаетъ и вѣры ся да лишаеть христіанскые. Азъ же рабище Божіе Афонасіе и сжалися по вѣрѣ; уже проидоша четыре великыя говѣйна и четыре проидоша Великыя дни, азъ же грѣшный не вѣдаю, что есть Великій день, или говѣйно, ни Рождества Христова не вѣдаю, ни иныхъ праздниковъ не вѣдаю, ни среды ни пятницы не вѣдаю; а книгъ у меня нѣтъ, коли мя пограбили, ини книги взяли у мене, азъ же отъ многыя бѣды поидохъ до Индѣи, занеже ми на Русь поити нѣ съ чѣмъ, не осталося товару ничево. Пръвый же Великъ день взялъ есми въ Каинѣ, другой Великъ день въ Чебукару въ Мазданьской земли, третій Великый день въ Ругмызѣ, четвертый Великый день въ Индѣи съ бесермены въ Бендери, и тутъ много плакахъ по вѣрѣ по хрестьянской».

Въ уныніе приходитъ онъ порою — кругомъ мятежи, дороговизна, а въ Мекку пойти — тамъ обратятъ въ мусульманство! И вотъ, въ пятый Великій день рѣшается онъ. Отправляется онъ въ Дабулъ, на малабарскомъ берегу. «И ту акаянный и язъ рабище Афанасіе Бога вышняго, Творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ христіанской, и по крещеніе Христовѣ и по говѣйнѣхъ святыхъ отецъ устроенныхъ и по заповѣдехъ апостольскихъ, и устремихся умомъ поити на Русь». Сѣлъ онъ на корабль. Чрезъ мѣсяцъ увидѣлъ «горы Ефіопскыя». Тутъ онъ — добрый купецъ! — «много раздаша брынцу (рису), да перцу, да хлѣбы ефіопомъ, ины судна не пограбили». На Покровъ онъ уже въ «Трепизонѣ», гдѣ ему много зла учинили, весь скарбъ его унесли и обыскивали. Но, Божіею милостію, хотя и съ трудами, изъ-за противныхъ вѣтровъ, оказывается онъ, наконецъ, въ Черномъ морѣ. Балаклава. Гурзуфъ. За девять дней до Филиппова

заговѣнія — онъ въ Кафѣ. «Милостію Божіею преидохъ же три моря!»

Тутъ сказывается все пережитое. Повѣсть, вообще, перемежается выраженіями нерусскими. На порогѣ же Руси точно забываетъ Афанасій русскій языкъ. Льется потокъ чужихъ словъ. Рядомъ съ Христомъ раздается упоминаніе Аллаха. Смѣсь то тюркскихъ словъ, которыя спеціалисты затрудняются отнести къ какому либо одному языку. Нѣчто бредовое... О дальнѣйшемъ пути мы ничего не знаемъ, но изъ Ѳеодосіи попадаетъ онъ въ Россію. Лѣтописная замѣтка, предваряющая подъ 1475 годомъ текстъ «Хоженія за три моря», лаконически сообщаетъ, что онъ «Смоленска не дошедъ умре» — видимо, весною 1472 г. То былъ седьмой Великій день, какъ отсчитывалъ годы Афанасій отъ времени, когда онъ оставилъ Русскую землю.

Списокъ, найденный Карамзинымъ, начинается такъ: «За молитву святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, раба Своего грѣшнаго Афонасія Микитина сына. Се написахъ грѣшное свое хоженіе за три моря». Другой списокъ позднѣе обнаруженъ былъ въ составѣ текста Львовской лѣтописи подъ 1475 годомъ съ вступленіемъ, гдѣ кратко сообщается о полученіи написанія отъ «Офонаса тверитина купца, что былъ Ындее 4 годы» и, не дойдя Смоленска, умеръ. «А писаніе своею рукою написалъ, иже его руки тѣ тетрати привезли гости къ Мамырву Василью, къ дьяку великаго князя на Москву».

Къ болѣе позднему времени относится еще одно путешествіе въ Персію — купца Котова (1623 г.). «Ходъ въ Персидское царство» Котовъ описываетъ такъ: «Съ Астрахани ходятъ на русскихъ бусахъ и на большихъ стругахъ моремъ подлѣ Черни; только это далеко, ходу моремъ при хорошей погодѣ двое сутокъ, а въ тихое время недѣля. Ходятъ сухимъ путемъ степью въ станицахъ: отъ Терека на Быструю рѣку, по обѣ стороны которой лѣтомъ лежатъ казаки по перевозамъ; оттуда на Тарки и Дербентъ; между Тарками и Дербентомъ живутъ лезгины, князь у нихъ свой, слыветъ Усминскій, живутъ въ горахъ далеко, никому не послушны и воровство отъ нихъ: на дорогѣ торговыхъ людей грабятъ, а иныхъ запродаютъ; а когда и смирно бывало, то брали у торговыхъ людей съ вьюка по три киндяка, это мѣсто проходятъ съ провожатыми. Отъ Дербента три дня ходу до Ширвани степью, между горъ и морей. Ходятъ къ Астрахани въ Персію и на мелкихъ стругахъ до Низовой пристани, а отъ Низовой на Ширвань сухимъ путемъ, но ходъ въ малыхъ судахъ тяжелъ тѣмъ: если погодою прибьетъ стругъ къ берегу, то въ Дербентѣ и Таркахъ берутъ съ торговыхъ людей большія пошлины, а къ пустому мѣсту прибьетъ, то лезгинцы побиваютъ и грабятъ — воровство большое берегомъ». Несмотря на всѣ трудности, «ходъ» этотъ, по всей видимости, былъ многими русскими исхоженъ. «Въ Испагани, пишетъ Котовъ, ворота высокія, а на воротахъ высоко стоятъ часы, а у часовъ мастеръ

русскій.» «Въ Москвѣ часовые мастера были нѣмцы, а въ Персіи — русскій», замѣчаетъ по этому поводу историкъ Соловьевъ.

И паломничество есть еще одно, къ этому, болѣе позднему, времени относящееся: Василія Гогары. Его товары какъ разъ на пути въ Персію погибли: бусу рзбило въ морѣ. Вотъ онъ и обѣщался, въ этихъ скорбяхъ и напастяхъ, побывать въ Іерусалимѣ и прочихъ Святыхъ Мѣстахъ. Греки въ Іерусалимѣ говорили ему, что послѣ Трифона Коробейникова, намъ изѣстнаго, никто изъ русскихъ не бывалъ. Въ свѣтлое Воскресенье былъ онъ тамъ. Проявилъ невѣріе относительно чудеснаго огня, но былъ вразумленъ. Палилъ онъ себѣ бороду этимъ огнемъ — и разъ, и другой, и третій: и все борода оставалась цѣла! «Послѣ этого я просилъ прощенія у митрополита, что былъ одержимъ невѣріемъ, думалъ, что греки составляютъ огонь своимъ умышленіемъ».

XXII

Іуліанія Лазаревская. Кѣмъ составлено ея житіе? Основныя черты ея біографіи. Основныя свойства ея характера. Какъ кончились ея дни?

Совсѣмъ особое мѣсто занимаетъ описаніе жизни умершей въ 1603 г. праведной старицы Іуліаніи Лазаревской, составленное сыномъ ея, Каллистратомъ, по прозвищу Дружиною, Осорьинымъ. Была она родомъ изъ боярской семьи при дворѣ Грознаго, богатой, но благовѣрной и нищелюбивой. Съ дѣтства отличалась кротостью и отвращалась игръ и пѣсенъ сверстницъ. «О, безумная, говорили ей, что въ толицѣй младости плоть свою изнуряеши и красоту дѣвственную погубиши». Но она продолжала идти путемъ благочестія и молитвы, а равно и благотворенія: заботилась о больныхъ, помогала бѣднымъ, шила одежды для нуждающихся. Шестнадцати лѣтъ выдали ее замужъ за Георгія Осорьина, мужа добродѣтельна и богата, жившаго въ селѣ Лазарево, близъ Мурома. Мужъ часто отсутствовалъ въ «царскихъ службахъ». Тогда съ особеннымъ рвеніемъ отдавалась Іуліанія молитвѣ. Продолжала она свое благотвореніе, стараясь творить его втайнѣ. Голодъ наступилъ. Домъ былъ на рукахъ свекрови — какъ помогать? Стала просить Іуліанія себѣ побольше — а все голоднымъ отдавала, съ помощью молоденькой служанки. Ставъ послѣ смерти родителей мужа полной хозяйкой въ домѣ, она рачительно вела его, но никогда не требовала для себя никакихъ услугъ, трудясь сама, продолжая творить милостыню и отдаваться молитвѣ. Было у нея 13 дѣтей. Шестеро умерло въ младенчествѣ, а семерыхъ она воспитала. Дѣти знали о подвигахъ матери, какъ ни скрывала она ихъ: какъ ночи проводитъ она безъ сна, какъ изнуряетъ свою плоть. Послѣ смерти двухъ взрослыхъ сыновей стала она проситься въ монастырь, но мужъ уговорилъ ее ради дѣтей малолѣтнихъ отказаться отъ этой мысли. «Воля Господня да будетъ», сказала она и

отдалась новымъ подвигамъ. Послѣ смерти мужа она усугубила и подвиги и милостыню. Все иногда раздавала. Не имѣя теплой одежды, она въ зимнюю стужу остерегалась ходить въ церковь и молилась дома. Однажды священникъ услыхалъ голосъ отъ иконы Божіей Матери: «Пойди скажи милостивой Іуліаніи, отчего она въ церковь не ходитъ на молитву? И домашняя ея молитва благопріятна, но не такъ, какъ церковная. Вы же почитайте ее, ей уже не меньше 60 лѣтъ и Духъ Святый почиваетъ на ней». На молитвѣ домашней бывали у нея «страхованія»: бѣсы грозили ей. Однажды Святитель Николай отогналъ ихъ и благословилъ крестомъ Іуліанію. «Ужасна вельми и лицомъ перемѣнися», отмѣчаетъ сынъ впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на мать. Когда при Годуновѣ наступилъ страшный голодъ, она все распродала, все отдала и покинула домъ, распустивъ слугъ. Съ оставшимися съ нею питалась лебедой, которая, по молитвѣ ея, становилась питательной и вкусной — «не изнеможе нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела бѣ». Блаженно почила старица, послѣ св. Причастія и прощанія со всѣми. Мощи ея открылись чрезъ 11 лѣтъ.

XXIII.

Литературное наслѣдіе Смуты. Какими чувствами проникнуты писанія, связанныя со Смутой? Лѣтописецъ, составленный тобольскимъ боярскимъ сыномъ Сергѣемъ Кубасовымъ. Мастерскія характеристики-портреты Царя Өеодора, царя Бориса, Самозванца и Шуйскаго.

Послѣднія изъ литературныхъ произведеній, нами отмѣченныхъ, относятся уже ко времени послѣ Смуты. Потрясена была ею Россія до основанія, но сосредоточилась, внутренне собралась и чудомъ милости Божіей выдержала величайшее испытаніе своей исторіи. Отображала Русь во многихъ памятникахъ ею пережитое. Съ одной стороны, смиренно воспринимала она смуту, какъ кару Божію, заслуженную Русью, въ ея цѣломъ. Но, съ другой стороны, не могла она не останавливать своего оскорбленнаго вниманія на тѣхъ, злыя дѣла коихъ явно вопіяли къ небу объ отмщеніи. Съ горячимъ чувствомъ описывалось возрожденіе Россіи, постепенно нараставшее. Сочиненія, писанныя уже послѣ завершенія смуты, конечно, въ иномъ тонѣ составлены, чѣмъ тѣ, которыя остались наслѣдіемъ смуты. Въ послѣднихъ звучитъ, и негодованіе противъ насильниковъ, разорявшихъ русскую землю, и душу щемящая скорбь за Русь, и увлеченіе нѣкоторыми дѣятелями, безвременно погибшими, какъ Михаилъ Скопинъ Шуйскій. Писалось все это въ обычныхъ для Руси тонахъ: возстанавливалась подлинная Русь въ процессѣ преодолѣнія смуты. Не будемъ подробно останавливаться на отдѣльныхъ памятникахъ этой

эпохи, но, чтобы показать, какой силы изобразительности, краткой и полной, могла достигать рѣчь писателей этого времени, приведемъ отрывокъ изъ Лѣтописца первой четверти XVII в., составленнаго тобольскимъ боярскимъ сыномъ Сергѣемъ Кубасовымъ. Вотъ характеристика-портретъ царя Ѳеодора и царя Бориса:

«Царь же Ѳеодоръ возрастомъ малъ бѣ, образъ постничества нося, смиреніемъ обложенъ, о душевнѣй вещи попеченіе имѣя: на молитвѣ всегда предстоя и нищимъ требующая подавая; о мірскихъ же ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи. Отъ младенчества даже и до конца живота своего тако пребысть. За сіе же спасенное дѣло его Богъ царство его миромъ оградн, и враги подъ нозѣ его покори, и время благотишно подаде. Таковъ бѣ царь Ѳеодоръ. Царь же Борисъ благолѣпіемъ цвѣтущи, и образомъ своимъ множества людей превзошедъ, возрасту посредство имѣя, мужъ зѣло чуденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, вельми благовѣренъ и нищелюбивъ, и строителенъ зѣло, о державѣ своей многое попеченіе имѣя, и многое дивное отъ себе творяше. Едино же имѣя неисправленіе и отъ Бога отлученіе: ко врачемъ сердечное прилежаніе и ко властолюбію несытное желаніе, и на прежде бывшихъ царей ко убіенію имѣя дерзновеніе; отъ сего же возмездіе воспріятъ».

А вотъ его же изображенія Самозванца и Василія Шуйскаго: «Розстрыга же возрастомъ малъ, груди имѣя широки, мышцы толсты, лице же свое имѣя не царскаго достоянія, препростое обличеніе имѣя, и все тѣло его вельми помраченно; остроуменъ же паче, и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и многорѣчивъ зѣло, конское ристаніе любляше вельми, на враги свои ополчителенъ, смѣлъ вельми, храбрость имѣя и силу велію, воинство же вельми любляше. Таковъ бѣ Розстрига. Царь Василій возрастомъ малъ бѣ, образомъ же нелѣпымъ, очи подслѣпы имѣя; книжному почитанію доволенъ и въ разсужденіи ума зѣло смысленъ, но зѣло скупъ и неподатливъ; ко единымъ же тѣмъ тщаніе имѣя, которые во уши ему ложное на люди шептаху; онъ же сихъ веселымъ лицомъ воспріимаше, и во сладость ихъ послушати желаше; и къ волхвованію прилежаше, а о всѣхъ своихъ не радяше». Можно только подивиться художественно-яркой правдивости этихъ лаконическихъ характеристикъ.

XXIV.

Повѣсть объ Азовскомъ сидѣніи. Что лежитъ въ основѣ этого писанія? Какой историческій фактъ здѣсь описанъ? Основные этапы повѣствованія. Попытка султана овладѣть Азовомъ безъ боя. Отвѣтъ казаковъ — что въ немъ особенно заслуживаетъ вниманія? Въ частности — какъ отнеслась къ просьбамъ о помощи Москва и какъ оцѣниваютъ свои взаимоотношенія съ Москвой казаки? Чудесныя явленія,

связанныя съ осадой и приступами. Какъ распорядились собою спасшіеся? Что мы находимъ еще въ болѣе обширныхъ редакціяхъ Повѣсти.

На одномъ нѣсколько болѣе позднемъ документѣ хочется остановиться обстоятельнѣе, такъ онъ характеренъ для всей русской жизни. Это — «Повѣсть объ Азовскомъ сидѣніи» донскихъ казаковъ.

Завоевали казаки безъ вѣдома и согласія царя (Михаила Ѳеодоровича) Азовъ. Султанъ двинулъ противъ казаковъ армію въ 240 т. человѣкъ съ сотней осадныхъ орудій. Казаковъ было всего нѣсколько тысячъ, да съ ними нѣсколько сотъ женщинъ, которыя дѣлили всѣ трудности защиты. 24 приступа были отражены. Ни одного перебѣжчика не было отъ казаковъ. Ни одного плѣннаго не взяли турки. Потерявъ 20 т. при неудачной осадѣ, турки сняли ее — конечно, временно. Казаки послали донесеніе въ Москву о своемъ торжествѣ и били царю челомъ — Азовомъ. Русь была неподготовлена къ подобному расширенію своихъ владеній. Оказывая и моральную и матеріальную помощь мужественнымъ бойцамъ, не могла она покрыть ихъ своимъ вмѣшательствомъ, сдѣлавъ защиту Азова обще-русскимъ дѣломъ. Пришлось казакамъ-побѣдителямъ покинуть Азовъ. Изъ донесенія, привезеннаго въ Москву во время осады посольствомъ казачьимъ (станицею), выросла, составленная однимъ изъ участниковъ посольства, есауломъ Порошинымъ, «Повѣсть», которая, въ разныхъ редакціяхъ, получила широкое распространеніе на Руси. Иногда этотъ памятникъ сохраняетъ внѣшній видъ донесенія, иногда излагается, какъ историческое повѣствованіе. Самый текстъ носитъ слѣды литературной обработки, но и тутъ неизмѣнно сохраняетъ канву фактически-точную. Вполнѣ понятно, что событіе, лежащее въ основѣ повѣсти, не могло глубоко не задѣвать народное сознаніе, а потому имѣются редакціи, въ которыхъ дана воля поэтическому элементу. Извлечемъ нѣсколько цитатъ изъ текста, приведеннаго Буслаевымъ въ его Христоматіи.

«Іюля въ 24 день, въ первомъ часу дня, пришли къ намъ паши его (Турецкаго царя) подъ городъ. И Крымскій царь наступилъ на насъ со всѣми великими турецкими силами. Всѣ наши поля чистыя орды Ногайскими изнасѣяны;; гдѣ у насъ была степь чистая, тутъ стало у насъ однимъ часомъ, людьми ихъ многими, что великіе лѣса темные. Отъ силы ихъ многія и отъ рысканія ихъ конскаго земля у насъ подъ Азовомъ потряслася и погнулася; изъ рѣки у насъ изъ Дону вода на береги выступила отъ такихъ великихъ тягостей, и изъ мѣстъ своихъ вода на луги пошла. И почали они турки по полямъ у насъ шатры свои турецкіе ставити и полатки многія, и наметы великіе, и дворы большіе полотняные: что горы страшныя забѣлѣлись. И почали у нихъ въ полкахъ ихъ быти трубли великія въ трубы большія, и игры многія, и писки отъ нихъ въ полкахъ пошли великіе, и

несказанными голосами страшными, ихъ бусурманскими. И послѣ того въ полкахъ ихъ пошла быти стрѣльба пушечная и мушкетная великая: какъ есть гроза стала великая надъ нами страшная, будто громъ великъ и молнія страшная отъ облака бываетъ съ небеси. Отъ стрѣльбы ихъ сталъ огонь и дымъ до неба; и всѣ наши градныя крѣпости потряслися отъ стрѣльбы ихъ той, и солнце померкло въ днѣ томъ и въ кровь превратилось: какъ есть — наступила тьма темная. И страшно добрѣ стало намъ отъ стрѣльбы ихъ въ тѣ поры...»

Турки прислали пословъ — съ длинною рѣчью, которая клонилась къ тому, чтобы казаковъ побудить «очистить вотчину царя Турскаго, Азовъ городъ, въ ночь сію не мѣшкая». Позволяли ихъ вынести съ собою «въ городки свои казачьи къ своимъ товарищамъ» все ихъ серебро и злато — «не тронемъ васъ ничѣмъ». Иначе же никто не спасетъ ихъ отъ царя восточнаго Турскаго — «нѣсть ему никого равна... Едино лише повиненъ Богу небесному. Единъ лише онъ вѣренъ и стражъ Гроба Божія, по волѣ же Божіей. Избра его Богъ на свѣтѣ едина отъ всѣхъ царей». Предлагаютъ казакамъ послы посмотрѣть на силу турецкую — птица не перелетитъ чрезъ нее. Отъ царя же московскаго помощи не будетъ, запаса хлѣбнаго не пришлютъ: «на что вы таковы надежны, глупые воры?» «А есть-ли вы, люди Божіи, и служити хочете, казачество свирѣпое, вольное, государю нашему Обрагиму султану» — то обѣщалась казакамъ честь великая. Въ Царьградѣ будутъ имъ кланяться «и васъ, казаки, называти: «Дону славнаго рыцари знатные, казаки избранные».

Отвѣтъ казаковъ обстоятеленъ и обширенъ. «О, прегордые и лютые варвары!» Знаютъ казаки съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и ждали они гостей. Что — не стало у султана сребра и злата, что онъ прислалъ 4 пашей и 300 тыс. войска? «И то вамъ туркомъ самимъ давно вѣдомо, что съ насъ по сю пору нашихъ зипуновъ даромъ никто не имывалъ съ плечъ нашихъ.» «А холопи мы природные государя царя христіанскаго царства Московскаго, а прозвище наше вѣчное — казачество вольное и Донское безстрашное.» Студомъ, срамотой грозятъ казаки султану. Кругомъ птицы и звѣри ждутъ уже бусурманскихъ труповъ... Грозятъ и худшимъ казаки: «А мы примѣняемся къ Ерусалиму и Царюграду. Хочется намъ такожъ взяти Царьградъ: то государство было крѣпостное христіанское.» А что запасовъ не будетъ изъ Москвы — то и не ждутъ ихъ казаки: кормитъ казаковъ тихій Донъ Ивановичъ! «Очередь мы свою собою сами вѣдаемъ. А государство Московское многолюдно, велико и пространно, сіяетъ свѣтло посреди... аки въ небѣ солнце. А насъ на Руси не почитаютъ и за пса смердящаго. А бѣгаемъ мы изъ того государства Московскаго, изъ работы вѣчныя, изъ холопства невольнаго, отъ бояръ и отъ дворянъ государевыхъ, да здѣ прибѣгли и вселились въ пустынѣ непроходнѣй: взираемъ на Христа Бога небеснаго...» Взяли же Азовъ казаки своею волею — не государскимъ по-

велѣніемъ, для казачьихъ зипуновъ своихъ. А что служить зовутъ султану — такъ они, казаки, слугами ему не будутъ: они люди Божіи, а холопи государя царя Московскаго. «Какъ служити можемъ ему царю Турскому, невѣрному, оставя пресвѣтлый здѣшній свѣтъ и будущій? Во тьму итти не хощемъ.» Азовъ считаютъ казаки своимъ, и не видать туркамъ его до вѣка — «развѣ отыметъ у насъ холопей своихъ великій государь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всея Россіи самодержецъ, да васъ имъ, собакъ, пожалуетъ: то ужъ вашъ будетъ. На то его государева воля.»

Дальше описывается осада, бомбардировка, подкопы — послѣ неудачнаго приступа. Хотѣли турки взять Азовъ «мудростію земляною». Вылазку сдѣлали казаки — и взорвали гору. Сами турки погибли отъ взрыва. Начались между осаждающими «роздряги». Рѣшили турки пушечнымъ снарядомъ взять Азовъ — били «безпрестани» день и ночь. «Всѣ наши Азовскія крѣпости роспались, стѣны и башни всѣ, и Церковь Предотечева: и полаты всѣ до единыя розбили у насъ по подошву самую, и снарядъ нашъ пушечный переломали весь. Одна лише у насъ во всемъ Азовѣ-городѣ церковь Николы Чудотворца вполы осталася, потому ея столько осталось, что она стояла внизу добрѣ, у моря подъ гору». «А мы отъ нихъ сидѣли по ямамъ всѣ, и выглянути намъ изъ нихъ не дадутъ». Устроили тогда казаки подъ землею дворы потайные, а оттуда начали дѣлать подкопы подъ таборы турецкіе — и «нощною порою выходили на ихъ пѣхоту янычерскую» и побили ихъ множество...

Подкопы кончились: постыли туркамъ «подкопныя мудрости». Рѣшили, наконецъ, турки Азовъ брать приступами. Сначала метали ядра огненныя, чиненыя, и всякія нѣмецкія приступныя мудрости, а потомъ на всякій день стали посылать людей «яныченъ» по десяти тысячъ. А ночь придетъ — свѣжія десять тысячъ. «Тѣ ужъ приступаютъ къ намъ ночь всю до свѣта. Ни на единъ часъ не дадутъ покою намъ... чтобы тою истомою осиловать насъ». «Отъ такого ихъ злаго ухищренія и промыслу, отъ бѣсовскаго, и отъ тяжелыхъ ранъ своихъ, и отъ всякихъ осадныхъ лютыхъ нуждъ, и отъ духа смраднаго, и отъ человѣческаго трупія, отягчали мы всѣ многими болѣзньми лютыми, осадными. А сѣли въ малѣ дружинѣ своей: ужъ только стало перемѣниться некѣмъ, ни на единъ часъ отдохнуть намъ не дадутъ».

Только на Бога оставалась надежда. «Прибѣжимъ, бѣдные, къ своему помощнику, Предотечеву образу, предъ нимъ-свѣтомъ росплачемся слезами горькими: «Государь-свѣтъ, помощникъ нашъ, Предотеча Христовъ, Іоаннъ! По твоему, свѣтову, изволенію разорили мы гнѣздо зміево, взяли Азовъ-градъ, побили въ немъ всѣхъ христіанскихъ мучителей и идолослужителей. И твой-свѣтовъ домъ, Никола Чудотворецъ, очистили, и украсили наши чудотворные образы отъ своихъ грѣшныхъ, недостойныхъ рукъ. Безъ пѣнія у насъ по

сѣ поры передъ вашими образы не бывало. Али мы васъ, свѣтовъ, чѣмъ прогнѣвали, что опять хощете итти въ руки бусурманскія? На васъ мы, свѣтовъ, надѣялись, въ осадѣ сидѣли, оставя всѣхъ своихъ товарищевъ. А топерво отъ Турокъ видимъ впрямь смерть свою: поморили насъ безсоніемъ; 14 дней и 14 нощей съ ними безпрестани мучимся. Уже ноги подъ нами подогнулися, и руки наши оборонныя уже не служатъ намъ, и отъ истомы уста наши замертвѣли, и глаза у насъ порохомъ выжгло отъ безпрестанной стрѣльбы, языкъ уже нашъ во устахъ нашихъ на бусурманъ закричать не воротится. Такое наше безсиліе: не можемъ въ рукахъ нашихъ никакого оружія держати: почитаемъ себя уже за мертвый трупъ...»

И начало Донское и Запорожское свирѣпое войско «прощатися»: «Прости насъ, государь нашъ, православный царь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ, холопей своихъ грѣшныхъ. Вели помянути наши души грѣшныя.» Перечисляются патріархи, митрополиты, все духовенство, мниси и затворники, всѣ христіане. «Простите насъ, поля чистыя и тихія заводи! Простите насъ, лѣса темные и дубравы зеленыя! Простите насъ, море синее и рѣки быстрыя! Прости насъ, государь нашъ, тихій Донъ Ивановичъ!»

Постъ имѣли и чистоту душевную. Стали спрашивать турки: «Кто-де у васъ изъ Азова выѣзжаютъ два юноши младыхъ, и сѣкутъ нашихъ турокъ на полѣ?» И мы имъ сказали: «То-де наши воеводы Азовскіе». А на первомъ приступѣ многіе у насъ искусные люди видѣли ясно, что отъ образа Ивана Предотечи, отъ суха древа, течаху многи слезы, аки струи: то мы вѣдаемъ, что стоитъ надъ нами милость Божія». И вотъ, на ближайшую вылазку взяли казаки иконы Николину и Іоаннову — и такъ много побили бусурманъ, что перестали турки посылать янычаръ на приступы — могли отдохнуть осажденные — замертво повалились... «И они турки, какъ увидали, что въ похвальбѣ имъ Богъ не пособилъ взять взятьемъ Азовъ-городъ, и они, покиня свои таборы, побѣжали къ своимъ кораблямъ и каторгамъ, видя они свою погибель и страхъ великій отъ нашея руки малыя. Достаточно было остальцамъ крикнуть — по таборамъ только огни горятъ, побѣжали всѣ къ Черному, метаться стали, потопло много...»

«А мы бѣдные остальцы — всего насъ осталось полчетверты тысячи, и тѣ всѣ переранены — и взяли мы икону Іоанна Предотечи и Николы Чудотворца, а мѣсто Азовское оставили, а сами пошли на свой тихій Донъ, и тамъ сотворили обитель Іоанна Предотечи, атамана поставили игуменомъ и въ монастырѣ учали жити и Богу молитися. Отъ нашея малыя руки и отъ казачества вольнаго имъ бусурманамъ сромота стала вѣчная отъ всѣхъ земель, отъ царей и отъ королей, а нашему православному государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи самодержцу, слава вѣчная во всѣ орды бусурманскія, Персидскія и Еллинскія, а нашему атаману

Науму Васильевичу и всему грозному войску Донскому слава вѣчная!»

Въ редакціяхъ болѣе обширныхъ чудесное изложено болѣе распространенно. То показываются два старца — ясно, какихъ. Турки кричатъ: «О, казачество вольное. Кто у васъ выходитъ — одинъ, власы у него долгие, а другой сѣдъ, гонятъ нашу силу Турецкую?» Выходитъ Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей. По краткой редакціи, древнѣйшей, являлись только Богородица и Іоаннъ Предтеча: «И многіе искусные люди видѣли... ово жену прекрасну въ багряной ризѣ, и ово мужа древня, власата, боса, и ихъ атамановъ и казаковъ отъ иноплеменныхъ отъ поганыхъ заступающа, и на поганые помогающе.» Есть въ подробной редакціи сообщеніе и о томъ, какъ въ послѣднюю минуту турки еще разъ пытались купить казаковъ — на стрѣлахъ посылали письма: «чтобъ они атаманы и казаки то Азовское сбитое городовое пустое мѣсто имъ отдали, Турскимъ людямъ: они-де Турскіе люди дадутъ имъ за то городовое мѣсто многую казну, и они де атаманы и казаки... въ томъ отказали».

XXV.

Югозападный край. Общая характеристика положенія русскихъ въ Литвѣ и Польшѣ. Братства и ихъ значеніе въ дѣлѣ борьбы съ латинизаціей края. Откуда исторически возникли братства? Къ какому времени относится расцвѣтъ ихъ, въ новомъ ихъ качествѣ? Тяжкія условія жизни православныхъ. Облегченіе принесенное патр. іерусалимскимъ Ѳеофаномъ. Іовъ Борецкій. Петръ Могила. Его біографія. Его взгляды на просвѣщеніе, нужное православнымъ русскимъ людямъ. Пагубное воздѣйствіе латинизаціи просвѣщенія на чистоту вѣры и благочестіе. Схоластика. Проповѣдь, въ ея типическихъ чертахъ православію чуждыхъ. «Наука албо способъ сложенія казаній» Іоанникія Галятовскаго. Откуда берется матеріалъ для проповѣди? Манера говорить. Примѣры чисто внѣшняго и искусственнаго построенія проповѣди. Игра словъ, какъ пріемъ, обычный въ проповѣдяхъ Лазаря Барановича. Внѣшняя манера. Осужденіе показнаго подъема въ словахъ петровскаго Регламента. Сохранилась ли подъ покровомъ подобнаго просвѣщенія подлинная церковно-православная культура? Поддержка съ Аѳона въ образѣ посланій Іоанна Вишенскаго. Къ чему онъ звалъ? Къ кому онъ обращался по преимуществу? Можно ли огульно осудить церковное просвѣщеніе, воспринявшее воздѣйствіе латинства? Рядъ выдающихся дѣятелей просвѣщенія подобнаго типа. Какія произведенія педагогическія вошли и въ исторію общерусскаго просвѣщенія? Адамъ Зерникау.

Русскія земли, оказавшіяся подъ господствомъ Литвы, оставались не тронутыми въ своей церковно-національной культурѣ. Сама Литва испытывала вліяніе этой культуры, подчиняясь ей. Эпизодическими

были преслѣдованія Православія. Рѣшительно измѣнилась картина, поскольку Литва, войдя въ тѣсное соприкосновеніе съ католической Польшей, подверглась ея рѣшительному культурному вліянію. Латинизація края началась съ того, что круги высшіе подпали вліянію іезуитской образованности, чрезъ школы прочно овладѣвавшей подрастающимъ поколѣніемъ. Возникло сопротивленіе со стороны людей, преданныхъ Церкви. Мы уже знаемъ двухъ людей, на этомъ поприщѣ выдѣлившихся: Андрея Курбскаго и Константина Острожскаго. Особенно замѣчательна дѣятельность послѣдняго. Онъ собиралъ и издавалъ церковныя книги, устраивалъ училища, разсылалъ проповѣдниковъ, опираясь на свое богатство и вліяніе. Но все же не эти, чисто личныя, попытки сопротивленія латинскому вліянію, становящемуся все болѣе назойливымъ, грубымъ и насильственнымъ, опредѣлили судьбу русскаго дѣла въ Югозападномъ краѣ. Возникла самоорганизація населенія православнаго, получавшаго возможность, въ силу правоваго положенія своего, объединяться въ городахъ въ такъ называемыя «братства».

И спокойная жизнь знала братства въ церковно-приходской жизни — напримѣръ, такъ наз. «медовыя братства», нѣчто вродѣ современныхъ церковныхъ сестричествъ, заданіемъ которыхъ было достойное приготовленіе къ большимъ праздникамъ. Устраивались складочные пиры, для нихъ варили пиво, сытили медъ, сооружали большую свѣчу — а прибыли отдавали на церковныя потребы. Къ концу XVI вѣка, когда бѣда стряслась надъ православіемъ въ Югозападномъ карѣ и когда увидало населеніе, какъ епископы измѣняютъ Церкви, какъ возникаетъ унія съ Римомъ и какъ нависаетъ угроза денаціонализаціи — начали возникать въ городахъ братскіе союзы иного типа, съ ясной задачей національно-церковнаго самосохраненія. Вырабатываются соотвѣтственные уставы, тѣсно сплачивается православное населеніе въ братства по отдѣльнымъ городамъ (особенно выдѣляются братства Львовское, Виленское и Люблинско-Преображенское), заводятся типографіи, школы. Борьба съ латинствомъ пріобрѣтаетъ организованныя формы.

Особенно примѣчателенъ періодъ первой четверти XVII вѣка, когда вся тяжесть борьбы упадаетъ на молодыя братства. Прежніе сановные борцы за православіе либо вымерли, либо выбыли изъ строя, сами ушли въ чужія вѣры (латинство, унію, протестантизмъ). Оставались простые міряне да священники. Кое гдѣ уже ранѣе состоялось объединеніе въ братства. Имъ въ помощь стало возраждающееся монашество: Почаевская Лавра начинаетъ свое могучее дѣло. Тяжки условія. Но тутъ то и множатся братства. Раждаются они въ Замостьѣ, Луцкѣ, Могилевѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Холмѣ и др. мѣстахъ. Облегченіе приноситъ 1620 г. — прибываетъ въ Кіевъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, и чрезъ него возстанавливается іерархія: ставится митрополитъ юго-западной церкви Іовъ Борецкій и шесть

епископовъ. Самое трудное время тѣмъ самымъ изжито. Къ этой епохѣ относится появленіе и особаго типа братствъ: «юношескія братства» возникаютъ, въ подражаніе старшимъ поколѣніямъ.

Дальнѣйшее оживленіе дѣятельности братствъ связывается съ именемъ митрополита Петра Могилы, отдававшаго свои большія силы и средства на поддержку и защиту братствъ. Въ эту эпоху братства стали неотъемлемой принадлежностію церковно-приходской жизни, признанной и свѣтскими властями и духовными (уставы братствъ были утверждаемы Восточными Патріархами). Центромъ же просвѣщенія становится преобразованное Кіевское Благовѣщенское училище. Ранѣе именовавшееся школой «элинско-славянскаго и латинско-польскаго письма», оно съ 1631 г. получаетъ названіе «Кіево-могилянской коллегіи».

Петръ Могила, сынъ молдавскаго воеводы, получилъ блестящее образованіе въ Парижѣ. По возвращеніи въ Польшу, онъ поступилъ на военную службу. Но не достигъ онъ еще тридцати лѣтъ, какъ наступилъ переломъ. Онъ поступилъ въ Кіево-Печерскую лавру и, ставъ монахомъ, чрезъ три года достигъ званія архимандрита. Свои богатства, знанія, энергію онъ всецѣло посвятилъ дѣлу служенія православію въ его борьбѣ съ латинствомъ и протестантствомъ. Для этого, въ первую очередь, необходимо было распространеніе просвѣщенія. Въ одной своей педагогической книжкѣ, относящейся къ первымъ годамъ этой своей работы, онъ пишетъ: «Пособствующу намъ Богу, постаравшись, при пособіи слабыхъ силъ и оставшагося собственнаго имущества моего, обновить гимназіонъ, то есть школы въ Кіевѣ, отчасти бывшія въ упадкѣ и опустѣніи, книгами, учителями, содержаніемъ бѣдныхъ сотоварищей вашихъ, студентовъ, и прочими надобнастями снабжалъ и буду, при помощи неба и твердой воли моей, снабжать до конца жизни моей. При томъ часто представлялось мнѣ, чтобы въ тѣхъ школахъ не только цвѣли высшія науки, но болѣе всего посѣвалось и укоренялось благочестіе въ сердцахъ вашихъ, юноши! Безъ того всякая мудрость есть глупость предъ Богомъ».

Силою вещей русское образованіе было «латинизовано». Самъ Могила писалъ въ другомъ мѣстѣ: «Руси полезно для вѣры изучать греческій и славянскій языки, но для дѣлъ общественныхъ необходимо знать по-латыни и по-польски. Въ царствѣ польскомъ латинскій языкъ едва какъ не природный: онъ употребляется не только въ церкви, но и предъ его милостію королемъ, въ сенатѣ, въ посольской избѣ, въ судахъ и вообще въ политическихъ дѣлахъ. . . На славянскомъ языкѣ богословскихъ сочиненій мало, а политическихъ вовсе нѣтъ, греческихъ доставать трудно и чрезвычайно дорого, латинскія же добыть всего легче». Такъ возникаетъ своеобразный отрѣзокъ русско-православной культуры, въ цѣляхъ самозащиты соз-

нательно облекавшейся въ чужія одежды. Это, конечно, не могло не оказать извѣстнаго воздѣйствія «латинизующаго» и на самое существо русско-православной культуры. И это воздѣйствіе не носило лишь мѣстнаго характера. Оно пріобрѣтало и общее значеніе, поскольку именно Кіевской образованности суждено было сыграть опредѣляющую просвѣтительную роль и на Москвѣ, а далѣе и въ начальный періодъ Петербурскій. Правда, пагубное вліяніе латинства, сказавшееся такимъ обходнымъ образомъ, постепенно извнутри преодолѣвалось, почему нѣтъ основанія, въ конечномъ счетѣ, придавать ему какое либо рѣшающее значеніе. Но въ начальный періодъ пріобрѣтало оно уродливыя формы, нерѣдко получавшія примѣненіе и стойкое. Т. наз. схоластика, то есть чисто формальная манера мыслить и строить доказательства, увлекающаяся самой механикой логическаго и діалектическаго развитія мысли, въ ущербъ существу ея, становится школой, всѣхъ захватывающей. Тѣмъ самымъ проникаетъ въ сознаніе и тотъ умственный міръ, возрожденіемъ котораго изначала и была схоластика, т. е. міръ античной философіи, и прежде всего строй мысли аристотелевскій.

Съ особенной силой обнаруживается искусственность и условность всего богословскаго знанія, такъ строимаго, въ дѣлѣ проповѣди. Всецѣло подпадаетъ она подъ воздѣйствіе трафаретовъ латинскихъ. Руководствомъ становится составленная извѣстнымъ проповѣдникомъ эпохи Іоанникіемъ Галятовскимъ «Наука албо (или) способъ сложенія казаній (поученій)». Проповѣднику предлагается взять тему изъ Св. Писанія — то «фундаментъ». Сочиняя проповѣдь, надо различать «початокъ» (эксордіумъ), самое «повѣсть» (нарраціо), т. е. основную часть проповѣди, и конецъ (конклюзію). Въ «эксордіумѣ» различается «приступъ», т. е. внѣшнее вступленіе, и «пропозиція», т. е. указаніе темы. «Конклюзія» кратко повторяетъ изложеніе и увѣщеваетъ слушателей хранить слышанное въ памяти. На вопросъ о томъ, откуда заимствовать матеріалъ для проповѣди, Галятовскій говоритъ такъ: «читай Библію, творенія отцовъ церкви, житія святыхъ, исторію и хроники, книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, древахъ, травахъ, каменьяхъ, водахъ. Вычитанное прилагай къ своей рѣчи. Искусству приложенія научатъ проповѣдники нынѣшняго вѣка». Послѣдній совѣтъ связываетъ искуство проповѣди съ «риторикой», которая составляла, рядомъ съ «гомилетикой», особый предметъ преподаванія.

Схема проповѣди, сама по себѣ, какъ и способъ приготовленія къ ней, заключаютъ въ себѣ совѣты разумные, но на все ложится мертвящая печать искусственности и условности. Вотъ образцы конкретныхъ «уроковъ» духовнаго краснорѣчія этого типа. Срѣтеніе. «Се лежитъ сей на паденіе и востаніе многихъ» — говоритъ о Спасителѣ Симеонъ. Это даетъ основаніе проповѣднику уподобить Спасителя камню и начать говорить о всевозможныхъ свойствахъ разныхъ кам-

ней, приводя эти свойства въ связь съ темой о Спасителѣ. Напримѣръ — магнитъ. Онъ «притягиваетъ къ себѣ желѣзо: если бы когонибудь ранили пулею, которую нельзя было вынуть, или стрѣлою, остріе которой осталось въ тѣлѣ, тогда извлекаютъ то и другое прикладываніемъ магнита къ ранѣ. Такъ и Христосъ притягиваетъ къ себѣ грѣшныхъ, названныхъ въ книгѣ прор. Іереміи желѣзомъ: «желѣзо, вси растлѣни суть (VI, 28).» Былъ такимъ желѣзомъ фараонъ, котораго Богъ каралъ разными казнями... Такъ и теперь караетъ онъ грѣшниковъ войною, голодомъ, повѣтріемъ, саранчею и другими напастьми, дабы они покаялись и жили по заповѣдямъ». Успеніе. Текстъ: «Предста Царица одесную Тебе въ ризахъ позлащенныхъ...» Это даетъ поводъ начать рѣчь о всевозможныхъ нитяхъ, изъ которыхъ соткана одежда, — и каждая нить берется какъ символъ отдѣльной добродѣтели.

Рекомендуется примѣненіе игры словъ — это любилъ другой видный проповѣдникъ, Лазарь Барановичъ, который о св. Николаѣ Мирликійскомъ, напр., говоритъ: «упроси о мирѣ, Миръ Ликійскихъ чудотворче! Сотвори наибольшее чудо, да въ мірѣ миръ будетъ. Самое имя твое проситъ мира: ибо въ мірѣ весьма неполезно безъ мира».

Самая внѣшняя манера проповѣдника получаетъ опредѣленный отпечатокъ искусственности, иногда и нарочитой приподнятости. Это послѣднее дало поводъ петровскому «Духовному Регламенту» дать такое назиданіе: «Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто на суднѣ весломъ гребетъ; не надобно руками сплясковать, въ бока упираться, подскакивать, смѣяться, да не надобѣ и рыдать, но хотя бы и возмутился, надобѣ елико мощно, унимать слезы: все бо сія лишняя и не благообразна суть и слышателей возмущаютъ». Впрочемъ, такимъ былъ лишь одинъ уклонъ проповѣди. Обычно она была холоднориторической, казенной, выспренней, штампованной.

Отрицательныя стороны возникшей въ противовѣсъ уніатству юго-западной православной культуры русской не должны затемнять положительной силы мѣстнаго православія. Прежде всего ,надо имѣть въ виду, что народная масса оставалась нетронутой, продолжая жить своей исконной строго-православной жизнью. Она нашла неожиданнаго выразителя ея настроеній въ писаніяхъ съ Аѳона одного русскаго инока Іоанна Вишенскаго. «Тебѣ, въ Землѣ Польской живущему, всякаго возраста и чина народу Русскому, Литовскому и Польскому, въ разныхъ сектахъ и вѣрахъ пребывающему, сей гласъ въ слухъ да достигнетъ» — такъ начиналось одно его посланіе, въ которомъ онъ проклиналъ тѣхъ, кто предали Православіе, польстившись на земныя выгоды, и пламенно звалъ къ исповѣдничеству истинной вѣры. Кн. Острожскому онъ же писалъ: «Потому дьяволъ противъ Славянскаго языка борьбу ведетъ такую, что языкъ этотъ плодоноснѣйшій изъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій, потому что безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, каковы грамматика, риторика,

діалектика и прочія коварства тщеславія діавольскія, простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе зиждетъ и Духа Святаго подъемлетъ, въ злоковарну же душу не внидетъ премудрость. Латинская злоковарная душа, ослѣпленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, Божія премудрости, разума духовнаго, смиренія, простоты и беззлобія вмѣстить никакъ не можетъ. Охраняйте дѣтей своихъ, православные, отъ этой отравы...» Возражая епископамъ-уніатамъ, жаловавшимся на то, что патріархъ Іеремія въ братствахъ простыхъ людей поставилъ надъ епископами, тотъ-же Іоаннъ Вишенскій писалъ: «Какъ вы духовными, и не только духовными, но и вѣрными называться можете, когда брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати наравнѣ съ вами породившагося, подлѣйшимъ себя считаете? Пусть будетъ хлопъ, сыромятникъ, сѣдельникъ, портной, но вспомните, что братъ вамъ равный во всемъ, ибо во едино тріипостасное Божество крестился».

Писанія русскаго монаха съ Аѳона отвѣчали тому «простецкому» русско-православному умоначертанію, которое въ городахъ породило спасительное движеніе братствъ, а въ сельскмъ населеніи держалось общенародной силой исповѣднической, не находившей особыхъ новыхъ формъ организаціонныхъ. Но и поскольку, силою вещей, православное самосознаніе стало облекаться въ одежду нарочитой образованности, оно, пусть въ формахъ иногда православію чуждыхъ, могло создавать цѣнности высокія, вложившіяся въ сокровищницу обще-русскаго церковнаго просвѣщенія. Поименуемъ нѣсколькихъ виднѣйшихъ стоятелей за вѣру того времени, литературно значительныхъ. Леонтій Карповичъ, основатель Виленскаго Духова монастыря, еп. Владимірскій и Брестскій, былъ, прекрасно владѣвшимъ церковно-славянскимъ языкомъ, проповѣдникомъ и обличителемъ уніи (ум. въ 1620г.). Стефанъ Зизаній, учитель Львовской братской школы и проповѣдникъ, былъ пламеннымъ борцомъ противъ уніи, не мало за то пострадавшимъ. Апологетъ православія, онъ былъ авторомъ многочисленныхъ сочиненій, нѣкоторыя изъ коихъ переиздавались и въ Москвѣ. Захарія Копыстенскій, дѣятельный участникъ Кіевскаго братства, съ 1624 г. архимандритъ Печерской лавры, былъ плодовитымъ писателемъ, обличителемъ папства и защитникомъ истинной вѣры. Іовъ Борецкій, ученикъ, а потомъ учитель (греческаго и латинскаго языковъ) львовскаго братскаго училища, священникъ, сталъ потомъ игуменомъ Михайловскаго монастыря и, наконецъ, митрополитомъ Кіевскимъ, заслужившимъ очень добрую славу (ум. въ 1631 г.). Большую извѣстность получилъ Мелетій Смотрицкій, составитель славянской грамматики, получившей широкое распространеніе. По началу боецъ противъ уніи, онъ потомъ измѣнилъ православію. Сильвестръ Коссовъ является яркимъ представителемъ православной учености, тѣсно слитой съ польской и латинской образованностію. Учи-

тель львовскій, онъ кончилъ жизнь на посту митрополита Кіевскаго. Иннокентій Гизель былъ авторомъ первой русской исторіи, до Ломоносова почитавшейся классической: «Синопсисъ».

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить одного человѣка, въ тѣ времена просіявшаго въ Юго-западномъ краѣ, хотя и незамѣтенъ онъ остался и не на русскомъ языкѣ сочиненія свои писалъ. Это — лютеранинъ Адамъ Зерникау (или Зерниковъ), инженеръ по образованія, увлекшійся изученіемъ вопроса объ исхожденіи Св. Духа, изучившій этотъ вопросъ въ лучшихъ библіотекахъ Запада, убѣдившійся въ истинности православнаго ученія и прибывшій къ Лазарю, архіеп. Черниговскому, чтобы присоединиться къ Православію. Отказавшись отъ выгоднаго использованія инженерныхъ знаній, онъ постригся. Въ 1682 г. онъ закончилъ обширный трудъ «Объ исхожденіи Св. Духа», исполненный, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, «невѣроятной и самой основательной учености». Архіеп. Филаретъ Гумилевскій признаетъ его образцовымъ — какого еще не было и на востокѣ. Написанъ онъ былъ на латинскомъ языкѣ и на немъ изданъ въ концѣ XVIII в. въ Кенигсбергѣ. Въ греческомъ переводѣ изданъ, тогда же примѣрно, въ Петербургѣ. Скончался въ Батуринскомъ мон. въ бытность тамъ игуменомъ св. Димитрія (Ростовскаго): «преставися парижскій учитель Адамъ Зерниковъ».

XXVI.

Царь Алексѣй Михайловичъ. Общая характеристика его личности. «Урядникъ Сокольничьяго Пути», какъ памятникъ, показательный для «установки сознанія» эпохи. Личность самого Царя, какъ она проглядываетъ сквозь этотъ памятникъ. Переписка Царя, какъ основной матеріалъ для сужденія объ его личности, и какъ человѣка, и какъ писателя. Переписка съ митр. Никономъ о послѣднихъ дняхъ жизни и о кончинѣ патр. Іосифа. Другіе обращики — письма къ кн. Ромодановскому, къ Ордыну-Нащокину, къ кн. Одоевскому. Описаніе прибытія въ Москву мощей митр. Филиппа. Что еще вышло изъ подъ пера Царя?

Царь Алексѣй Михайловичъ, вошедшій въ исторію и въ сознаніе народное съ умилительнымъ именемъ Тишайшаго, воспринятъ былъ съ рѣдкимъ единодушіемъ русской исторической наукой и изящной литературой, какъ истинное воплощеніе лучшихъ сторонъ московской жизни, какъ своего рода — «идеальный типъ» до-петровскаго человѣка. Оправдывая вполнѣ характеристику «Тишайшаго», Царь, вмѣстѣ съ тѣмъ, способенъ былъ проявить, и рѣшимость, и твердость, и настойчивость въ проведеніи мѣропріятій, диктуемыхъ его царской совѣстію. Много общаго можно найти въ его характерѣ съ нашимъ послѣднимъ Царемъ, — несравненно больше, чѣмъ съ Царемъ Ѳеодоромъ, съ коимъ его нерѣдко сопоставляли. Исторія литературы,

обычно и привычно, не останавливается на личности Тишайшаго Царя, упуская изъ вида, что онъ заслуживаетъ пристальнаго вниманія и въ этомъ планѣ, — не меньшаго, можетъ быть, чѣмъ Грозный. У него, какъ и у Грознаго, нѣтъ спеціальныхъ «литературныхъ» произведеній, но все, что выходило изъ подъ его пера или получало окраску его личности, какъ редактора, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ литературномъ дарованіи. Блистательное выраженіе получило оно въ его перепискѣ. Особое мѣсто занимаетъ одинъ своеобразный документъ, съ полнымъ правомъ помѣщенный Буслаевымъ въ его Хрестоматіи литературныхъ памятниковъ: «Урядникъ Сокольничья Пути», т. е. церемоніалъ соколиной охоты, являвшейся любимой забавой Царя. Составленъ этотъ «Урядникъ» подъ непосредственнымъ надзоромъ и редакціей Царя. Приведемъ вступительную его часть. Рѣдко въ чемъ съ такой наглядностію запечатленъ бытовой обликъ Московской Руси и гдѣ такъ выразительно формулирована ея «установка сознанія.»

«Государь, царь и великій князь, Алексій Михайловичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ быть новому сему образцу и чину, для чести и повышенія его государевы красныя и славныя птичьи охоты, сокольничьяго чина.

«И по его государеву указу никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженаго и удивительнаго (т. е. способнаго своей красотой вызывать восхищеніе) не было; и чтобы всякой вещи честь и чинъ, и образецъ писаніемъ предложенъ былъ, по тому: хотя мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна; никто же зазритъ, никто же похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ. А честь и чинъ и образецъ всякой вещи, большой и малой, учиненъ по тому: честь укрѣпляетъ и утверждаетъ крѣпость; урядство же уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе; стройство же уставляетъ красоту и удивленіе; стройство же предлагаетъ дѣло: безъ чести же малится и не славится умъ; безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье. Всякій же читателю, почитай, уразумѣвай, и узнавай, насъ, слагателя, похваляй, а не осуждай.

«Что всякой вещи потреба? Мѣряніе, сличіе (т. е. сопоставленіе), составленіе, укрѣпленіе, по томъ въ ней, или около нея, благочиніе, устроеніе, уряженіе. Всякая же вещь безъ доброй мѣры и иныхъ вышеписанныхъ вещей бездѣльна есть, и не можетъ составиться и укрѣпиться.

«Паче же, почитайте сію книгу красныя и славныя охоты, прилежные и премудрые охотники, да многія вещи добрыя и разумныя узрите и разумѣйете. Аще съ разумомъ прочтете, найдете всякаго утѣшнаго добра; аще же ни, наслѣдите всякаго неутѣшнаго зла.

«Молю и прошу васъ, премудрыхъ, доброродныхъ и доброхваль-

ныхъ охотниковъ, насмотритеся всякаго добра: вначалѣ благочинія, славочестія, устроенія, уряженія Сокольничья чина начальнымъ людямъ, и птицамъ, и рядовымъ по чину же; потомъ на полѣ утѣшайтеся и наслаждайтеся сердечнымъ утѣшеніемъ во время. И да утѣшатся сердца ваша, и да премѣнятся, и не опечалятся мысли ваши отъ скорбей и печалей вашихъ.

«И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя и забавляетъ веселіемъ радостнымъ, и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча. Безмѣрно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утѣшительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потѣшна дермлиговая перелазка и добыча. Красносмотрителенъ же и радостенъ высокаго сокола летъ. Премудра же челига соколья добыча и летъ. Добровидна же концова добыча и летъ. По сихъ доброутѣшна и привѣтлива правленыхъ (т. е. выученныхъ) ястребовъ и челиговъ (самцовъ) ястребьихъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же доступаніе. Начало же добычи и всякой ловлѣ — разсужденія охотниковъ временамъ и порамъ; раздѣленіе же птицамъ въ добычахъ. Достовѣрному (т. е. умудренному) охотнику нѣсть въ добычѣ и въ ловлѣ разсужденія временамъ и порамъ: всегда время и погодье въ полѣ.

«Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно, и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. Избирайте дни, ѣздите часто, напускайте, добывайте, нелѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу.

«О, славные мои совѣтники, и достовѣрные и премудрые охотники! радуйтеся и веселитеся, утѣшайтеся и наслаждайтеся сердцами своими, добрымъ и веселымъ утѣшеніемъ симъ въ предыдущія (т. е. будущія) лѣта.

«Прилогъ книжный, или свой: сія притча душевнѣ и тѣлеснѣ: правды же и суда, и милостивыя любве, и ратнаго строя николи же незабывайте; дѣлу время и потѣхѣ часъ».

Этотъ послѣдній абзацъ написанъ рукою Царя. Отъ себя, или изъ книгъ, но на пользу и душѣ и тѣлу приводитъ Царь притчу, напоминающую о томъ, что такъ любовно устрояемая имъ потѣшная охота не должна никакъ идти въ ущербъ основному содержанію жизни: правдѣ, суду, милостивой любви и ратному дѣлу — все въ свое время. Но и то, что заполняетъ досуги, должно быть чиннымъ и протекать въ томъ размѣренномъ, проникавшемъ всю московскую жизнь, благообразіи, которое учитывало мѣсто каждаго въ общемъ ладѣ.

Приведемъ характерный отрывокъ и изъ переписки Царя — обстоятельное письмо митрополиту Новгородскому Никону, гдѣ Царь описываетъ кончину патріарха Іосифа, мѣсто котораго скоро долженъ былъ занять близкій цареву сердцу Никонъ.

Въ понедѣльникъ шестой недѣли великаго поста патріархъ «заболѣлъ лихорадкою, да трясла его ходячи по днямъ, а къ вербному воскресенію и полегчѣло, да пришелъ утинъ да грыжа, на злую силу ѣздилъ на осляти; а кручиноватъ добрѣ былъ, въ ходу никто не могъ угодить, на всѣхъ кручинится; да и не служилъ самъ, велѣлъ Казанскому да властемъ; а за столомъ веселъ былъ таковъ, сказываютъ, что не вѣдаетъ, гдѣ дѣтся. Да на страстной недѣлѣ посылалъ я въ понедѣльникъ и во вторникъ о спасеніи спрашивать, и онъ государь самъ выходилъ да сказывалъ: «есть де легче; прямая де лихорадка, и знобитъ и въ жаръ великой приводитъ»; да во вторникъ ѣздилъ отпѣвать Ивана Григорьевича сына Плещеева жену, а отпѣвалъ да на злую силу, весь де черенъ въ лицѣ; мнѣ пріѣхавши сказывали, кто былъ на погребеньѣ томъ, гораздо де боленъ Патріархъ, а въ среду ту ни у заутрени, ни у обѣдни не былъ, а я того не вѣдалъ, что онъ гораздо боленъ, да послалъ я Василья Бутурлина о спасеніи его великаго святителя спросить, а его де едва вывели, а говоритъ де хорошо. И пріиде мнѣ въ вечеру помышленіе тое же среды, что пойтить къ нему мнѣ навѣстить его, а другое мнѣ помышленіе пріиде, что завтра де побываешь; и Божіимъ изволеніемъ первое то помышленіе гораздо почало понуждать итить къ нему, и благословяся у отца своего духовнаго, пошелъ къ нему тоежъ среды въ вечеру, и пришелъ къ нему за часъ до вечера, и дожидался его съ часъ государя въ крестовой, и вывели его едва ко мнѣ, и идетъ мимо меня благословлять Василья Бутурлина, и Василей молвитъ ему: «Государь де стоитъ»; и онъ, смотря на меня, спрашиваетъ: «а гдѣ де Государь», и я ему извѣстилъ: «предъ тобою святителемъ стою»; и онъ посмотря молвилъ: «поди, Государь, къ благословенію», да и руку мнѣ далъ поцѣловать, да велѣлъ посадить себя на лавкѣ, а сѣлъ по лѣвую руку у меня, а по правую не сѣлъ, а сажалъ, да не сѣлъ; а вышелъ, знать, въ самомъ зломъ знобу, какъ почало его знобить, а онъ и вышелъ ко мнѣ . . .» Описывается далѣе обмѣнъ словами по поводу болѣзни, слово въ слово. «И посидя немного, я всталъ и его поднялъ, и такъ его начало знобить, не смогъ и Достойно проговорить. Славу проговорилъ съ отпускомъ насилу». Царь его проситъ не провожать. «И онъ мнѣ жалуетъ говорить: «ино су я тебя и въ другоредъ благословлю», и я молвилъ: «пожалуй же, государь великій святитель, благослови и третицею»; и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословитъ и руку дастъ цѣловать и въ херувимъ; и я благословясь да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ въ ногу, и онъ, смотря на меня, благословляетъ и прощаетъ . . .» Обстоятельно описывается далѣе, какъ произошла кончина Святителя, какъ забота была о томъ, чтобы не умеръ онъ безъ исповѣди и причастія — точный предъ нами отчетъ. Все шло очень трудно, такъ какъ умирающій былъ безъ памяти. Соборовать стали его, и вотъ видитъ царь, какъ умирающій сталъ «жаться къ стѣнѣ»,

«почалъ пристально и быстро смотрѣть, и я узналъ, что онъ видѣніе видитъ; не упомню, гдѣ я читалъ: передъ разлученіемъ души отъ тѣла видитъ человѣкъ вся добрая своя, добрые и злые дѣла . . . и я молвилъ отцу своему духовному: «видитъ отецъ нашъ нѣкакое духовное видѣніе» . . .

Что то страшное видѣлъ умирающій, закрывался, кричалъ и плакалъ. Царь не могъ дольше оставаться, пошелъ въ палаты свои. Вѣсть о смерти пришла во время службы; «вмѣсто Херувимской первой стихъ Вечерѣ Твоей тайнѣ пѣть, а онъ государь въ тотъ часъ преставился осмаго часа въ полы; и пропѣли первой стихъ, и прибѣжалъ келарь Спасской и сказалъ мнѣ: патріарха де государя не стало; а въ ту пору ударили въ царь-колоколъ трикраты и на насъ такой ужасъ и страхъ нашелъ, едва пѣть стали и то со слезами, а въ соборѣ пѣвчіе и власти всѣ со страху и ужасу ноги подломились, потому что кто преставился, да къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшные отбыли: яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ то мы нынѣ грѣшные не вѣдаемъ гдѣ главы подклонити, понеже прежняго отца и пастыря отстали, а новаго не имѣемъ». Послѣ литургіи Царь спѣшитъ. «Отпѣвши обѣдню, пришелъ къ нему свѣту, а онъ государь уже преставися, лежитъ какъ есть живъ, а борода расчесана лежитъ какъ есть у живаго, а самъ немѣрно хорошъ. . .» Вечеромъ Царь пошелъ опять уже съ женою и сестрами «ко гробу знаменаться съ отцомъ нашимъ Іосифомъ Патріархомъ проститися и прощеніе получить». Въ дальнѣйшемъ Царь съ замѣчательною выразительностью описываетъ свои молитвенныя посѣщенія останковъ Патріарха. Даетъ онъ и подробнѣйшій отчетъ митр. Никону въ томъ распредѣленіи имущества, которое онъ лично дѣлалъ, какъ душеприкащикъ Патріарха — въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Большое разнообразіе являютъ письма. Съ грознымъ обличеніемъ обращается Царь къ кн. Ромодановскому, своекорыстно нарушившему долгъ военачальника. «Врагу креста Христова и новому Ахитофелу» — такимъ обращеніемъ начинается письмо. «И ты дѣло Божіе и наше государство потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ, жена и дѣтки твои узрятъ такія же слезы, какъ тѣ плачутъ сироты напрасно побитые; и ты самъ треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго, для того, что людей не послалъ, и нашъ вѣрный измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, из нея же никто не возвращался. . . И буде ты желаешь впредь отъ Бога милости и благословенія и не похочешь идти въ бездну безъ покаянія и въ нашемъ государевомъ жалованіи быть попрежнему и тебѣ-бъ, оставя всякое упрямство, учинить по сему нашему указу, послать къ стольнику Змѣеву тотчсъ полкъ рейтаръ да полкъ драгуновъ, давъ имъ денежное жалованіе».

Могъ и утѣшать въ скорби Царь. Ордыну-Нащокину пишетъ онъ по поводу дезертирства его сына: «Бьешь челомъ намъ, чтобы тебя перемѣнить: и ты отъ котораго обычая такое челобитье предлагаешь? Мню, что отъ безмѣрныя печали. Обезчестенъ ли бысть? Но къ славѣ, яже ради терпѣнія на небесѣхъ лежащей, взирай... А что будто и прямь сынъ твой измѣнилъ, и мы, великій государь, его измѣну поставили ни во что, и конечно вѣдаемъ, что кромѣ твоея воли сотворилъ, и тебѣ злую печаль, а себѣ вѣчное поползновеніе учинилъ... А тому мы, великій государь, не подивляемся, что сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ... а нашего государскаго не токмо гнѣву на тебя къ вѣдомой плутости сына твоего, ни слова нѣтъ... Упованіе намъ Богъ, а прибѣжище наше Христосъ, а покровитель есть Духъ Святый».

Трогательно оповѣщаетъ онъ кн. Одоевскаго о смерти его сына который «лежалъ огневою три недѣли безо дву дней»: какъ онъ видѣлъ его предъ самой болѣзнію, и тотъ подарилъ царю лучшаго коня, жеребца темносѣра. «Не лошадь мнѣ дорога, пишетъ Царь, всего лучши нелицемѣрная служба, и послушаніе, и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всѣмъ сердцемъ». Пишетъ Царь, какъ онъ отпускалъ его уже съ головной болью — «а болѣзнь та ево почала разжигать да и объявилася огненная». «И тебѣ боярину нашему и слугѣ и дѣтемъ твоимъ черезъ мѣру не скорбѣть, а нельзя что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру... Не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помощникъ...» Обширное письмо, всячески утѣшающее отца, кончается еще особой припиской Царя подъ исподомъ грамоты: «Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ».

Можно было бы найти много нарочито-красочныхъ оттѣнковъ эпистолярнаго стиля Царя. Историкъ Платоновъ, напримѣръ, указываетъ на присущее Царю чувство красоты, проявляющееся въ письмѣ къ Одоевскому съ описаніемъ прибытія св. мощей св. Филиппа въ Москву. Замѣчательно письмо, которое везъ митр. Никонъ ко гробу Святителя. «Молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобъ разрѣшить согрѣшенія прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи твоемъ, однако гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе того изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да, оставивши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, то ты помирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію приди къ намъ св. владыка!» Такъ

всенароднымъ покаяніемъ покрывалась великая вина Царства передъ Церковью...

Царь любилъ читать. Соловьевъ говоритъ, что онъ «прочелъ все, что только можно было тогда прочесть на славянскомъ и русскомъ языкахъ». Любилъ онъ писать и писать. Онъ готовилъ описаніе своихъ походовъ. Выходили изъ подъ его пера стихи. Но лучшимъ памятникомъ его литературнго дарованія надо признать его яркія и сильныя письма.

XXVII.

Вѣкъ Царя Алексія Михайловича. Общеніе съ Западомъ, характерное для допетровской Москвы. Что новое являетъ собою вѣкъ Тишайшаго? Можно ли говорить о полной закрытости Россіи отъ Запада примѣнительно къ правящему отбору? Отчужденность отъ Востока. Арсеній Сухановъ: какъ онъ говорилъ грекамъ? Три фронта общенія съ внѣшнимъ міромъ Руси непосредственно передъ Петромъ: православный Востокъ, европейскій Западъ и Русскій Западъ. Катастрофа раскола. Можно ли говорить о цѣлостности и нетронутости Россіи ко времени Петра?

При всей своей обособленности отъ Западнаго міра, Московская Русь не была лишена непосредственнаго соприкосновенія съ нимъ. Раждали его войны, оставляя слѣдъ длительный въ образѣ полонянниковъ, которые, сливались ли они, какъ это почти всегда бывало, съ народомъ, или не сливались, но неизмѣнно нѣчто «свое» привносили. И въ мирное время ратное дѣло силою вещей вело насъ на Западъ, въ поискахъ тамъ не только показательныхъ уроковъ, но и учителей, способныхъ обогатить отечественный опытъ, а то и просто наемниковъ, предназначенныхъ войти въ русскую рать, какъ отдѣльныя части. Учиться и многому иному готова была Русь, а для этого прибѣгала къ услугамъ «хитрецовъ» западно-европейскихъ, будь то въ области ремеслъ и искусствъ, будь то въ дѣлѣ здравоохраненія или даже пріобрѣтенья общаго знанія. Не послѣднее мѣсто занимаетъ торговля. Если нашего купца ведетъ она за-границу, то и заграничнаго влечетъ къ намъ. Заморская торговля иногда достигаетъ такой мѣры, что видитъ себя въ опасности русское купечество отъ привилегій, на которыя притязаетъ западный купецъ. Воздѣйствіе всей этой массы временно и вольно наѣзжавшихъ иностранцевъ касается почти исключительно Москвы. Но даже и тутъ заботу систематическую проявляютъ власти, чтобы не становилась слишкомъ тѣсной связь иностранцевъ съ населеніемъ. Запреты возникаютъ принятія на службу себѣ иностранцами русскихъ православныхъ людей. Не говоримъ уже объ изоляціи ихъ мѣстожительства (Нѣмецкая слобода). Растетъ все же связь неудержимо, и трудно даже установить мѣру ея, такъ иногда прикрыто совершается она, про-

никая иногда въ самыя глубины русской жизни. Такъ, разсмотрѣніе архива той своеобразной «академіи художествъ», которая, подъ главенствомъ боярина Хитрово, была учреждена при дворѣ Царя Алексія Михайловича, неожиданно обнружило наличіе тамъ, подъ чисто русскими кличками, разнаго племени иностранцевъ! Именно вѣкъ Тишайшаго, при всей глубокой преданности Царя вѣрѣ отцовъ, оказался тѣмъ временемъ, когда воспріятіе западной культуры, въ разныхъ формахъ и по разнымъ направленіямъ, уже не только претерпѣвалось по нуждѣ, а становилось привлекательнымъ. Дѣлалось оно и предметомъ поощренія сверху и даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, носило слѣды принужденія.

Послѣднее, однако, можно сказать не примѣнительно къ Западу непосредственно, а поскольку текла къ намъ чужая инославная культура въ образѣ нашихъ-же православныхъ соотечественниковъ, получившихъ западную выучку. Крѣпко, какъ мы знемъ, въ нихъ осѣдала она на русскомъ западѣ, отстоявшемъ свою вѣру лишь цѣной культурнаго сближенія со своими совратителями. Было бы поэтому непростительнымъ упрощеніемъ перспективы, если бы мы Московскую Русь, примыкающую къ эпохѣ Петра, стали разсматривать — не въ ея основномъ, такъ сказать массовомъ, составѣ, а въ ея культурной верхушкѣ — какъ нѣкій монолитъ исконной патріархальности, всецѣло пронизанной духомъ отеческаго Православія. Осложняется вопросъ еще и тѣмъ, что воздѣйствіе культурное, идущее съ православнаго востока, воспринималось ревностными представителями нашего отеческаго «массива», нашего истоваго Православія, какъ нѣчто завѣдомо отравленное. Арсеній Сухановъ, лучшій представитель русской православной образованности, спеціально посланный на православный востокъ для изысканія образцовъ, по которымъ могло бы совершаться исправленіе книгъ, заявлялъ: «и папа не глава церкви, и греки не источникъ, а если и были источникъ, то нынѣ онъ пересохъ». Грекамъ онъ говорилъ: «вы и сами страдаете отъ жажды, какъ же вамъ напоить весь свѣтъ изъ своего источника?» Что же говоритъ о рядовыхъ представителяхъ русскаго церковничества? Если отдавать себѣ ясный отчетъ въ такой установкѣ сознанія русскаго массива даже въ отношеніи къ православному востоку, то вѣкъ «Тишайшаго», къ которому надо присоединить и позднѣйшій короткій отрѣзокъ, отдѣляющій его кончину отъ воцаренія Петра, есть время никакъ не длящагося отчужденія отъ внѣшняго міра, а, напротивъ того, судьбоносной встрѣчи русскаго общества съ нимъ. Катастрофическій видъ могла принимать эта встрѣча, поскольку рѣчь идетъ о Православномъ Востокѣ. Идиллически-поверхностной была она, поскольку рѣчь идетъ о непосредственномъ общеніи съ Западомъ. Многосмысленно-соблазнительной надо признать ее, поскольку рѣчь идетъ объ опосредствованномъ русскимъ западомъ общеніи съ латинствомъ. Если такъ понимать эту эпоху, то она въ своемъ, какъ

«эманципаціонномъ», такъ и «реакціонномъ» значеніи не уступитъ времени Петра, а въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже превосходитъ ее. Ибо поверхностнымъ нельзя не признать непосредственное воздѣйствіе на русскій народъ реформъ Петра по сравненію съ глубиной раскола, порожденнаго реформами патр. Никона. Тутъ клинъ былъ забитъ непоправимый, въ самыя нѣдра народной массы. Здѣсь не создавались лишь условія для возникновенія будущаго духовнаго раскола, какъ то было съ реформами Петра, а обнаруживался наличный расколъ исконный, пусть неумѣлыми дѣйствіями обостренный, но не ими рожденный, въ своей сущности. Надо ясно отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что то испытаніе огнемъ, которое готовила Россіи «западническая» реформа Петра, встрѣчено было ею не въ исходной ея цѣлостности, а уже по претерпѣніи другаго испытанія огнемъ, опалившаго самое духовное лоно Россіи и въ нѣкій глубокій тылъ оттѣснившаго наиболѣе стойкій церковно-православный бытъ, который, вообще, на всемъ протяженіи Имперскаго нашего бытія служилъ неизмѣнно нѣкимъ спасительнымъ балластомъ, отяготягчавшимъ Россію въ ея новомъ бурномъ плаваніи въ общеніи все болѣе тѣснымъ съ Западомъ.

XXVIII.

Западное вліяніе свѣтское. Переводная литература. Ея преимущественно свѣтски-развлекательный характеръ, даже когда она извлекается изъ литературы религіозной. «Великое Зерцало». «Римскія дѣянія». Рыцарскія повѣсти. Повѣсть о Бовѣ королевичѣ. «Фацеціи» и «жарты». Апофегматы. Театръ. Какія «дѣйства» знала Русь? Пещное дѣйство, какъ единственное въ точномъ смыслѣ «дѣйство». Возникновеніе подлиннаго театра въ царскомъ дворцѣ. Магистръ Грегори. «Артаксерксово дѣйство» или иначе «Комедія о Эсфири». Первый спектакль въ 1672 г. Юдифь. Юрій Гивнеръ. Общая характеристика театральнаго репертуара. Что отъ него осталось? Школьныя комедіи.

Тутъ на первомъ мѣстѣ надо поставить переводную литературу, въ значительной мѣрѣ просачивавшуюся къ намъ чрезъ Польшу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она носила характеръ оффиціально религіозный, она можетъ быть рзсматриваема съ нѣкоторымъ правомъ, какъ свѣтская, ибо интересъ къ ней былъ, какъ къ чтенію «развлекательному» по преимуществу. Это надо сказать о т. н. «Великомъ Зерцалѣ», относящемся къ латинской житійной литературѣ, но въ переводѣ совершенно лишенномъ специфическихъ особенностей подлинника. Огромной популярности достигла повѣсть объ Удонѣ, изображающая судьбу одного грѣшнаго епископа. Свѣтскимъ характеромъ обладали «Римскія дѣянія» — повѣсти историческаго свойства. Нарочито свѣтскій характеръ носятъ т. н. «рыцарскія повѣсти», освоен-

ныя русской переводной литературой и частично ставшія русскимъ оригинальнымъ фольклоромъ, въ переработанномъ видѣ. На первомъ мѣстѣ тутъ надо поставить повѣсть о Бовѣ королевичѣ — французская легенда, въ итальянской передѣлкѣ попавшая къ адріатическимъ славянамъ, а оттуда чрезъ Сербію къ намъ! Сохранились во множествѣ списки ея еще до-петровскіе. Позднѣе популярность ея только расла, выдержавъ свыше 200 лубочныхъ изданій. Постепенно и Бова и все его окруженіе такъ обрусѣли и оправославились, что иногда повѣствованіе пріобрѣтаетъ законченный обликъ русскаго народнаго сказа, съ заключительнымъ былиннымъ величаніемъ: «И Бовѣ слава не минетца отнынѣ и до вѣка». Вошли въ обиходъ и многія иныя аналогичныя повѣсти. Съ цѣлью забавы, не всегда скромной, стали переводятся т. н. «фацеціи» (по латински) или «жарты» (по польски) — т.е. смѣхотворныя повѣсти. Вошли въ обиходъ также нѣкоторыя басни и т. н. «апофегматы», какъ именовались нравоучительные анекдоты изъ жизни знаменитыхъ людей.

Особо стоитъ театръ, который впервые въ тѣ времена, правда, только въ отношеніи Двора и ему близкихъ, сталъ, въ своей чисто-свѣтской природѣ, частью русской жизни. Россія и раньше знала и полюбила нѣкоторыя «дѣйства», совершавшіяся въ храмѣ. Древнѣйшимъ было «пещное дѣйство», изображавшее вверженіе въ пещь огненную трехъ отроковъ. Особенное значеніе пріобрѣло «шествіе на осляти», въ которомъ въ Москвѣ принимали участіе Царь и Патріархъ. Извѣстно еще было «дѣйство Страшнаго Суда». Эти благочестивыя торжества совершались не только въ Москвѣ, но и по другимъ городамъ съ XVI вѣка. Сохранились описанія этихъ торжествъ западными посѣтителями. Шествіе на осляти пріобрѣло значеніе всенароднаго торжества, имѣвшаго огромный духовно-нравственный смыслъ, раскрывавшій русское своеобразіе, особо благодатное, взаимоотношенія Царя и Церкви. Дѣйство Страшнаго Суда имѣло значеніе только всенароднаго показа образа Страшнаго Суда. «Дѣйствомъ» въ собственномъ смыслѣ слова было только пещное дѣйство, содержаніе котораго сохранилось во всей подробности. Совершалось оно съ участіемъ «халдеевъ» и трехъ отроковъ. Вполнѣ театральный характеръ имѣли другія дѣйства, — т. н. «школьныя мистеріи», пришедшія къ намъ изъ Польши. О нихъ будетъ дальше рѣчь. Но и тутъ религіозное начало господствуетъ.

Подлинный «театръ» возникъ во дворцѣ. Это было дѣломъ лютеранскаго пастора магистра І. Г. Грегори, саксонца. Ему повелѣно было собрать въ Москвѣ «дѣтей разныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка» и разучить «Артаксерксово дѣйство», или, иначе, «Комедію о Эсфири». Первый спектакль состоялся въ октябрѣ 1672 г. Затѣмъ пошли «Юдифь», «Малая прохладная комедія объ Іосифѣ», «Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ», «Баязетъ и Тамерланъ». Имѣлись и вполнѣ свѣтскія комедіи изъ англій-

скаго репетуара, тогда ходячаго, съ участіемъ шута и съ грубыми, какъ комическими, такъ и трагическими эффектами. Эти пьесы не ставились во дворѣ, но привычка къ этому жанру иностранныхъ режиссеровъ придавала въ какой то мѣрѣ всѣмъ постановкамъ и характеръ «потѣшный». Сохранились изъ всего репертуара полностію лишь двѣ пьесы: «Юдифь» и «Комедія о Тамерланѣ и Баязетѣ». При Грегори репертуаръ выдерживался въ болѣе строгихъ тонахъ, но, когда, со смертію его, дѣло перешло въ руки Юрія Гивнера, ветхозавѣтныя темы начали смѣняться мифологическими.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ этомъ театрѣ, скажемъ нѣсколько словъ о пьесѣ «Юдифь». Огромная эта пьеса (дѣйствіе длилось до 10 часовъ!), изъ семи «дѣйствій» и 29 «сѣней», т. е. сценъ, да еще и съ «между сѣніями», передаетъ библейскій сюжетъ, перемежая его сценами трагизма и комизма. Видное мѣсто было удѣлено т. наз. «дурацкимъ персонамъ» — обжорамъ, пьяницамъ, хвастунамъ, трусамъ, т. е. шутовскимъ персонамъ, обязаннымъ смѣшить. Эти эпизоды не упраздняли, однако, тяжеловѣсной серьезности пьесы, переведенной, съ большой примѣсью славянскаго языка, съ нѣмецкаго переводчиками Посольскаго приказа. Со смертью Царя театръ заглохъ, просуществовавъ 4 года. Ставились пьесы въ селѣ Преображенскомъ въ спѣшно выстроенной большой деревянной «комедійной хороминѣ.» О размѣрѣ сцены можно судить по тому, что на декорацію неба пошло 500 аршинъ.

XXIX.

Вліяніе Кіева. Греко-латинская школа, учрежденная патр. Филаретомъ при Чудовомъ монастырѣ. Новое училище боярина Ртищева при Андреевскомъ монастырѣ. Откуда взять учителей? Роль Кіева. Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій. Учеба и справа. Симеонъ Полоцкій: школьныя драмы; комедіи; вирши; латинская ересь.

Въ 1633 г. патр. Филаретъ учредилъ первое высшее училище при Чудовомъ монастырѣ — греко-латинскую школу. Завѣдываніе ею возложено было на ученаго монаха Арсенія Глухого, «справщика», достаточно образованнаго.

Въ 1649 г. близкій Тишайшему бояринъ Ртищевъ основываетъ новое училище при Андреевскомъ монастырѣ. Откуда взять учителей? Естественно взоръ обращается къ Кіеву, гдѣ, какъ мы знаемъ, возникъ разсадникъ православнаго просвѣщенія. Кіевъ, силою вещей, становится во главѣ и московскаго просвѣщенія. Преемникъ Петра Могилы, по просьбѣ Царя, присылаетъ двухъ ученыхъ монаховъ: Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго. Кіевская ученость возглавляетъ и учебу и справу. Въ области литературной особое, можно сказать исключительное, значеніе пріобрѣтаетъ другой монахъ, нѣсколько позже прибывшій изъ Кіева въ Москву (1663 г.), Симеонъ

Полоцкій, ставшій наставникомъ дѣтей Царя. Обладая незаурядными дарованіями и исключительной плодовитостью, онъ въ своемъ лицѣ явилъ цѣлое литературное движеніе. Онъ былъ и проповѣдникъ, собравшій свои проповѣди въ двухъ обширныхъ томахъ подъ заглавіемъ: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная». Былъ онъ и обличителемъ раскола, выпустивъ сочиненіе подъ наименованіемъ «Жезлъ правленія». Былъ онъ и педагогомъ, будучи поставленъ во главѣ школы, чисто латинскаго типа, которая успѣла подготовить только одинъ выпускъ, но потомъ возобновилась, подъ руководствомъ ученика Симеона, Сильвестра Медвѣдева, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Но главное, въ планѣ литературномъ, значеніе имѣетъ дѣятельность Симеона, какъ драматурга и поэта: школьная комедія и вирши связаны съ его именемъ.

Школьныя драмы были педагогическимъ пріемомъ, способствующимъ религіозно-нравственному воспитанію учащихся, силами которыхъ онѣ и представлялись. Имѣлся, однако, въ нихъ обычно не только церковный, но и мифологическій элементъ, помогавшій олицетворять добродѣтели и пороки. Состояла драма изъ пролога, самой фабулы, заключавшей отъ 3 до 5 дѣйствій, и эпилога. Въ каждомъ актѣ было до 9 сценъ. Между актами допускались развлекательныя сценки — т. наз. интерлюдіи, или, въ переводѣ, «междувброшенныя игралища». Въ 70-хъ годахъ Симеонъ Полоцкій написалъ двѣ комедіи: «О Навуходоносорѣ-царѣ, о тѣлѣ златѣ и о трехъ отроцехъ, въ пещи не сожженныхъ» и «Комедію притчи о блудномъ сынѣ». Особенный успѣхъ имѣла послѣдняя, сначала расходившаяся въ спискахъ, а въ 1685 г. напечатанная, съ иллюстраціями. Комедія носила злободневно-нравоучительный характеръ. Младшій сынъ уходитъ, чтобы обогатиться опытомъ:

«Что стяжу въ дому? Чему научуся?
Лучше въ странствіи умомъ обогачуся,
Юньшихъ отъ мене отци посылаютъ
Въ чюждыя страны, потомъ ся не каютъ.»

Но на волѣ увлекается юноша разгульной жизнью... По покаянномъ возвращеніи и по отцовскомъ прощеніи, подводится всему нравоучительный итогъ: «Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати, — На младый разумъ свой не уповати...» Старѣйшимъ же надо молодыхъ прощать, слѣдуя заповѣдямъ Божіимъ.

Стихами написаны комедіи — т. наз. «виршами» («вѣрша», т. е. латинскій «версусъ», стихъ) — монотонной силлабической версификаціей съ неизмѣннымъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ. Уже въ скоромъ будущемъ назовется подобное рифмованіе, у иныхъ входившее въ привычку, «мало потребною вещью». Но по началу принимались эти вирши съ восторгомъ. Симеонъ Полоцкій писалъ ими всю жизнь, на самыя разныя темы, объединивъ все это свое творчество, къ концу своихъ дней, въ сборникѣ «Рифмологіонъ». Заклю-

чалъ въ себѣ 30 т. строкъ другой сборникъ, «Вертоградъ многоцвѣтный», который включалъ въ себя 1246 мелкихъ стихотвореній, распредѣленныхъ по рубрикамъ: подобія, образы, присловія, толкованія, эпитафіи и т. д. Переложилъ стихами онъ и псалтирь — «Рифмотворная Псалтирь», со стихотворнымъ переложеніемъ мѣсяцеслова. Изъ учениковъ по стихотворчеству Симеона Полоцкаго извѣстны Сильвестръ Медвѣдевъ и Каріонъ Истоминъ, справщики Печатнаго двора, ученые монахи.

Польско-латинское вліяніе проявлялось, конечно, не только въ такой, относительно безбидной, формѣ. Проскальзывало многое иное, вызывавшее естественную настороженность московскаго общества, которая переходила порою въ прямую враждебность, огульную, по отношенію къ самой культурѣ, съ латинскимъ языкомъ связанной. Не лишена была серьезнаго основанія подобная настороженность: вѣдь прямая ересь готова была пустить корни въ Москвѣ! Въ полемической (противъ раскольниковъ) книгѣ Симеона Полоцкаго «Жезлъ правленія» (1666 г.) было высказано, безъ всякихъ обиняковъ, латинское мнѣніе о времени пресуществленія св. Дровъ, противорѣчащее ученію Православной Церкви, но утвердившееся въ Кіевѣ. Оно было опрокинуто только рѣшительнымъ противодѣйствіемъ Москвы. Представители греческой учености, каковыми были Епифаній Славинецкій и бр. Лихуды, обличили эту ересь. Между Епифаніемъ и Симеономъ Полоцкимъ происходили пренія при патр. Питиримѣ. Позднѣе шли диспуты между ученикомъ Симеона, С. Медвѣдевымъ, и бр. Лихудами. Не безъ большихъ усилій восторжествовало Православіе.

XXX.

Взаимоотношеніе съ греками. Общая характеристика латинской образованности. Кто выступалъ на сторонѣ греческой образованности? Основаніе греческаго училища. Имѣло ли оно успѣхъ? Почему не побѣдило направленіе греческое? Учрежденіе въ 1687 г. новой «славяно-греко-латинской академіи». Примитвность русскаго церковнаго сознанія въ его отвращенности отъ образованія вообще. Опасность гордыни невѣжества. Проблема «справы», какъ задача, не разрѣшимая внѣ обращенія къ образованности. Путь долженъ былъ вести непримѣнно къ грекамъ — такъ естественно раждалось направленіе, нашедшее яркое воплощеніе въ патр. Никонѣ.

Церковная образованность, какъ мы видѣли, шла къ намъ, силой вещей, чрезъ нашъ западъ, гдѣ она была обряжена уже въ одѣяніе латинское. То была вѣками сложившаяся система, восходящая, чрезъ средневѣковую схоластику, къ античной образованности. «Тривіумъ», т. е. троица, состоящая изъ грамматики, діалектики и риторики. Тутъ же — «квадривіумъ», т.е. четверица, состоящая изъ арифметики, гео-

метріи, астрономіи и музыки. А надъ всѣмъ этимъ — философія, царица наукъ. Такъ было въ античномъ мірѣ. Въ христіанствѣ сама философія стала лишь преддверіемъ къ богословію. «Квадривіумъ» отмеръ. Всѣ остальныя науки слились въ стройный организмъ латинской богословской школы, которая шла и къ намъ съ нашего запада, гдѣ образовывались кадры такъ вышколенныхъ церковно-научныхъ работниковъ. Не всѣ, правда, были латинизованы. Имѣлись и исключенія. Извѣстный намъ уже Епифаній Славинецкій остался убѣжденнымъ сторонникомъ греческой образованности. Внося къ намъ нѣкоторые новые навыки (онъ, въ частности, обновилъ вышедшую у насъ изъ обихода живую проповѣдь, какъ естественную принадлежность богослуженія). Опытный справщикъ, онъ составилъ два словаря — греко-славяно-латинскій и богословско-филологическій для уразумѣнія затруднительныхъ мѣстъ св. Писанія. Онъ явился и защитникомъ оппозиціи латинству, пропагандирующей организацію въ Москвѣ школы греческаго типа, въ чемъ, естественно, встрѣтилъ горячую поддержку со стороны Константинопольскаго патріарха. Появленіе, позднѣйшее, братьевъ Лихудовъ было результатомъ этого движенія, которое сумѣло открыть греческое училище при типографіи, — въ противовѣсъ училищу «латинскому», заиконоспасскому, «грамотѣ славянскаго ученія и латыни» посвященному. Показательно, что въ школѣ греческой было учениковъ въ десять разъ больше, чѣмъ въ латинской (ихъ было до 200). Законно было устремленіе къ греческому просвѣщенію, но шансы обѣихъ тенденцій были не равны: на одной сторонѣ была стройная система и сплоченные кадры, ею вышколенные, а на другой — пусть и общее устремленіе, но лишь отдѣльные люди, вдохновленные этимъ устремленіемъ. Поэтому ,формально одержавъ побѣду, греческое направленіе вынуждено было сдаться, практически принявъ и для себя, въ какой то мѣрѣ, систему латинскую. Это выразилось въ сліяніи обоихъ училищъ въ 1687 г. въ ново-образованной «слвяно-греко-латинской Академіи».

Но главное, что обращало Русь къ грекамъ, было не образованіе, какъ таковое. Какъ ни важна была эта задача предъ лицомъ нашего невѣжества, глубокаго и широкаго, невѣжество это никакъ не мѣшало дѣлу обыденнаго благочестія. Только въ вопросахъ сколько нибудь сложныхъ и спорныхъ обнаруживалось вся безпомощность русскаго церковнаго общества. Вообще же, на вопросъ о знаніи философіи, русскій человѣкъ пріученъ былъ отвѣчать спокойнымъ и увѣреннымъ, даже самодовольнымъ, отрицаніемъ. Мотивы этого отрицанія прекрасно передавались слѣдующей ходячей формулой: «еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ, учусь книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно моя грѣшная душа отъ грѣхъ очистити». Эта установка сознанія отвѣчала самой природѣ русскаго благочестія, смиреннодѣятельнаго. Но поскольку она принимала ха-

рактеръ самоутвержденія, сознательнаго, намѣреннаго, съ отверженіемъ болѣе глубокаго проникновенія въ смыслъ всего того, на чемъ держалось благочестіе, возникала опасность своеобразной гордыни невѣжества, которая и легла въ основу нашего раскола старообрядчества. Осознавъ себя носителемъ Православія въ мірѣ, который, въ своей западной части ушелъ въ ересь латинства, а въ своей восточной части, давшей намъ истинную вѣру, сталъ жертвой агарянъ, русскій церковный народъ подвергался естественному соблазну переоцѣнки своего значенія, дѣлая свое, привычное ему, благочестіе какъ бы высшимъ арбитромъ истинности, съ исключеніемъ самой возможности критическаго похода къ тѣмъ или инымъ элементамъ его. А между тѣмъ вопросъ висѣлъ надъ русской церковностію издавна важности первостепенной, требовавшій именно критическаго подхода къ самой основѣ церковной жизни: къ тѣмъ книгамъ, на которыхъ основывается вѣра. Точно ли передаетъ ихъ содержаніе тотъ текстъ, который дается въ руки русскаго вѣрующаго человѣка? Не произошло ли искаженія въ процессѣ переписки? Не создалось ли такое уже искаженіе, которое касается не просто отдѣльнаго мѣста отдѣльной книги, а установившихся обычаевъ, сложившейся практики, общепринятаго церковнаго обихода? Кто можетъ быть здѣсь авторитетомъ? Естественно обращеніе къ собратіямъ, обладающимъ должной подготовкой, научно-богословской. Мы знаемъ, какимъ, однако, жестокимъ трудностямъ подвергся Максимъ Грекъ. А между тѣмъ проблема церковной «справы» стояла, требуя разрѣшенія, какъ то на Стоглавомъ Соборѣ было высказано устами Царя. Можно ли было рѣшить этотъ вопросъ однѣми своими, русскими, силами? Очевидно — нѣтъ! Оригиналы то были вѣдь греческіе! Путь велъ къ Византіи, пусть и была она подъ властію агарянъ. Путь велъ къ согласованію рѣшеній въ этой области со старшими сестрами-церквами, пусть и онѣ всѣ были, и несвободны, и безпомощны, и матеріально зависимы отъ могучей Москвы. Такъ раждалось направленіе жизни, которое и воплотилъ въ себѣ патріархъ Никонъ.

XXXI.

Протопопъ Аввакумъ. Огромное дарованіе литературное Аввакума, нашедшее выраженіе въ его замѣчательномъ «Житіи» — автобіографіи. Личность Аввакума, какъ она вырисовывается изъ этого «житія». Основныя черты его біографіи начальной. Бракъ. Священство. Столкновенія Аввакума-священника съ «начальникомъ». Бѣгство въ Москву. Какъ его принимаютъ? Возстановленіе въ правахъ — съ какимъ результатомъ? Отношеніе къ Аввакуму Царя и его приближенныхъ. Обвиняетъ ли его Царь и въ дальнѣйшихъ конфликтахъ? Реформа Никона. Какъ ее ощутилъ Аввакумъ? Опала. Ссылка. Какъ складывается тамъ жизнь? Дальнѣйшая ссылка. Какъ тамъ склады-

вается жизнь? Взаимоотношенія съ Пашковымъ. Супруга Аввакума. Взаимоотношенія Царя и Аввакума. Возвращеніе въ Москву. Путь туда. Долго ли сдерживается Аввакумъ? Новая опала. Горесть Царя. Попытки сближенія и примиренія. Конечная судьба Аввакума.

Протестъ русскаго церковно-православнаго быта противъ всякаго новшества, откуда бы оно ни шло и какой бы характеръ ни имѣло, протестъ въ предѣльно-напряженной, ярко-непримиримой и, притомъ, литературно-блистательной, формѣ, воплотилъ въ себѣ протопопъ Аввакумъ. Въ исторіи литературы русской ему должно быть отведено особо-видное, совершенно исключительное, мѣсто, какъ автору не только множества (до 50) писаній, въ видѣ челобитенъ, писемъ и документовъ полемическаго характера, но и единственнаго въ своемъ родѣ, собственнаго своего «житія», исполненнаго огромной, и нравственной, и литературной силы. Изобразимъ основные этапы жизни этого замѣчательнаго человѣка, одновременно давая представленіе непосредственное и объ этой его автобіографіи.

«Рожденіе мое въ нижегородскихъ предѣлахъ, за Кудмою рѣкою, въ с. Григоровѣ. Отецъ ми бысть священникъ Петръ, мати Марія, инока Мароа. Отецъ же мой прилежаще питія хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божію. Азъ же нѣкогда видѣхъ у сосѣдъ скотину умершу и, той нощи возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть; и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся нощи молитися. Потомъ мати моя овдовѣла и я осиротѣлъ молодъ, и отъ соплеменниковъ во изгнаніи быхомъ. Изволила же мати моя меня женить. Азъ же пресвятѣй Богородицѣ молихся, да дасть ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица, сиротина-жъ, безпрестанно обыкла ходити въ церковь, имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ купецъ Марко, богатъ гораздо и, егда умеръ, послѣ его все истощилось. Она же въ скудости живяше и моляшеся Богу, да сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ; и бысть по волѣ Божіей тако. По семъ мати моя отшедъ къ Богу въ подвизѣ велицѣ. Азъ же, отъ изгнанія преселихся въ ино мѣсто, рукоположенъ въ діаконы 20 лѣтъ съ годомъ и по дву лѣтѣхъ въ попы поставленъ.»

Началась священническая жизнь Аввакума — въ условіяхъ стараго, нетронутаго никакими новшествами, патріархальнаго быта. Вложился ли въ него Аввакумъ? Нѣтъ. Конфликтъ идетъ за конфликтомъ — въ рѣзчайшихъ формахъ и по всѣмъ направленіямъ. Стояніе за правду, съ той ревностію и въ томъ видѣ, какъ то свойственно было темпераменту Аввакума, вызывало, въ свою очередь реакцію бурную, самое описаніе которой вызываетъ у читателя оторопь. Тяжело было Аввакуму прежде всего съ паствой. Еще въ началѣ своей пастырской дѣятельности, когда паствы у него было много «сотъ съ пять или шесть», такую досаду ощутилъ онъ, что «пришедъ въ свою избу плакався предъ образомъ Господнимъ, яко и очи опухли, и

молися прилежно, да отлучитъ мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. И падохъ на землю на лицѣ своемъ рыдаше горьцѣ, и забыхся лежа, невѣмъ, какъ плачу». И было тутъ видѣніе ему — предвѣщавшее ему съ его семьей большія скорби. И скоро, дѣйствительно, обрушились онѣ на него. Нѣкій начальникъ разсвирѣпѣлъ на него. Онъ и дома его билъ, а когда Аввакумъ, избитый, пошелъ служить вечерню, то на пути опять его настигъ. Чуть не убилъ онъ Аввакума изъ пищали, да та на его счастье не стрѣляла. Наконецъ, дворъ отнялъ — и хлѣба на дорогу не далъ. «И въ то же время родился сынъ мой Прокопій, который сидитъ съ матерію въ землю закопанъ. Азъ же, взявъ клюку, а мати некрещеннаго младенца, побрели, аможе Богъ наставитъ и на пути крестили, якоже Филиппъ каженника древле. Егда же азъ прибрелъ къ Москвѣ, къ духовнику, протопопу Стефану и къ Неронову протопопу Іоанну, они же обо мнѣ царю возвѣстиша, и государь меня началъ съ тѣхъ поръ знати».

Аввакумъ былъ оцѣненъ Царемъ и его приближенными. Торжественно, особою «грамотою», возстанавливается онъ на прежнемъ мѣстѣ. Но снова не уживается. «Пришли въ село мое плясовыя медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я, грѣшникъ, по Христу ревнуя, изгналъ ихъ, и хари и бубны изломалъ на полѣ одинъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнявъ, одного ушибъ, и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле». Какъ разъ мимо ѣхалъ воевода Шереметевъ — жалобу ему принесли на попа. Шереметевъ призвалъ его на судно, на которомъ плылъ, и разнесъ его. На бѣду сынъ у воеводы оказался «брадобритецъ». Ревнитель, узрѣвъ этотъ «блудоносный образъ», отказался дать ему благословеніе. Разгнѣванный воевода чуть не сбросилъ попа въ Волгу.

Не могъ никакъ ужиться Аввакумъ на селѣ. Выгналъ его народъ. И опять «сволокся» онъ въ Москву. Здѣсь онъ опять нашелъ защиту, признаніе, помощь. Его ставятъ въ протопопы и назначаютъ въ Юрьевецъ Поволжскій. Но и тамъ — то же. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ у протопопа уже острое столкновеніе со всѣми — и съ духовенствомъ, и съ народомъ. Едва удается воеводѣ спасти его отъ разъяренной толпы. Пушкарей приходится ставить около его дома. Ночью приходится бѣжать ему самъ третей. Опять Аввакумъ въ Москвѣ — и опять встрѣчаетъ тутъ лишь высокую оцѣнку и поддержку. Въ немъ видятъ ревнителя истиннаго благочестія: царь упрекаетъ Аввакума въ томъ лишь, что онъ покинулъ паству...

Не шлютъ больше никуда ревнителя — въ Москвѣ остается онъ, въ кругу близкихъ царю. Приставляютъ его къ дѣлу книжной справы. Съ Никономъ друженъ въ это время Аввакумъ. «По семъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита», пишетъ Аввакумъ. Но вотъ начались реформы Никона — и все мгновенно перемѣнилось! Измѣнилъ Никонъ, какъ извѣстно, порядокъ

поклоновъ молитвы Ефрема Сирина. «Мы же задумались, сошедшися между собою, видимъ, яко зима хощетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали». Нашла, однако, тутъ коса на камень. Схваченъ оказался Аввакумъ, битъ, посаженъ на цѣпь: «сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ, во тьмѣ сидя, кланяяся на цѣпи, не знаю, на востокъ, не знаю, на западъ...» Всячески ублажали Аввакума, уговаривали. Вывели его, облегчили сидѣніе... Ничего не добились. Повезли уже къ соборной церкви «стричь» — едва царь умолилъ патріарха помиловать. Сосланъ оказался протопопъ въ Тобольскъ. «3000 верстъ, недѣль съ тринадцать, волокли телѣгами и водою, и саньми половину пути». Но не въ опалѣ онъ въ Тобольскѣ. Никакъ! Его принимаютъ съ честью! Ему дается мѣсто при одной церкви. Снова тутъ скандалъ! Заступился протопопъ за дьякона, защищаетъ его отъ одного дьяка — да какъ! Посадилъ онъ дьяка на полу въ церкви и «за церковный мятежъ постегалъ ремнемъ нарочито-таки», приводя его къ покаянію. Отвѣтомъ было то, что друзья дьяка, въ полночь, окружили избу, гдѣ жилъ протопопъ, намѣреваясь утопить его. «Мучился я съ мѣсяцъ, отъ нихъ бѣгаючи втай, иное въ церкви ночую, иное въ тюрьму просился — ино не пустятъ.»

Сталъ, было, Аввакумъ и къ новымъ порядкамъ привыкать. Но быстро спохватился — видѣніе ему было! Въ результатѣ — уже настоящая ссылка. Отправляютъ его въ Даурію въ полкъ къ нѣкоему Пашкову, который крѣпко его мучилъ, долгіе годы. Впрочемъ, самъ Аввакумъ такъ объ этомъ писалъ: «Десять лѣтъ меня Пашковъ мучилъ, или я его, не знаю, Богъ разберетъ». Двухъ сыновей потерялъ Аввакумъ. «Охъ времени тому! у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающися по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореніемъ перебивающеся, кое-какъ мучились. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко дали двѣ клячи, а самъ и протопопица бѣдная бредетъ-бредетъ, да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томный же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «Матушка государыня, прости!» а протопопица: «Что ты, батько, меня задавилъ!» Я пришелъ. На меня бѣдная пеняетъ, говоря: «Долго ли мука сія, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна! до самой смерти». Она, вздохня, отвѣчала: «Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ».

Царь любилъ протопопа неуемнаго. Вѣроятно, тосковалъ не мало по немъ. Между ними отношенія были совсѣмъ особенныя, исполненныя взаимной нѣжности умилительно-трогательной. «Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не уничижай его и въ церкви, и въ дому, и въ пословицахъ», — вотъ въ какомъ тонѣ писалъ протопопъ царю. Вызвали, наконецъ, Аввакума обратно въ Москву. Ѣхалъ онъ свободно. Когда пріѣхалъ въ русскіе города — видитъ «яко ничто же успѣваетъ». Молчать, или

говорить? «Протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же рече подробну извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ, говорить мнѣ или молчать? связяли вы меня!» Она же мнѣ говоритъ, поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудню еретическую!»

Такъ и продолжалъ онъ свой путь — «по всѣмъ городамъ и селамъ, во церквахъ и на торгахъ крича, проповѣдуя слово Божіе и уча и обличая безбожную ересь». Въ Москвѣ Никона уже не было. Царь и бояре встрѣтили Аввакума «яко ангела Божія». Съ полгода миренъ былъ протопопъ. Потомъ «паки заворчалъ, написалъ царю многонько-таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ... Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ». Попалъ Аввакумъ снова въ ссылку — въ Мезень. Чрезъ полтора года его вернули. Въ Пафнутьевомъ монастырѣ умоляли: «Долго ли тебѣ мучить насъ? соединись съ нами, Аввакумушка! Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ на глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ». Тутъ ужъ кончилось плохо: «ввели меня въ соборный храмъ и стригли (т. е. разстригли)... потомъ проклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мнѣ тяжко въ обѣдню ту». Отвезли въ Угрѣшскій монастырь. «И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря». Многажды убѣждали протопопа — возили въ Москву, предъ патріархи вселенскіе. Отъ царя неоднократно приходили посланцы, благословенія спрашивали и умоляли, говорили «царевымъ глаголомъ»: «пожалуй-де, послушай меня, соединись со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ». Отвѣтъ былъ: «Аще я и несмысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то я знаю, что вся церковь отъ св. отцевъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, яко же пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ». Наконецъ, сосланъ былъ въ Пустозерскъ. 14 апр. 1682, при царѣ Ѳеодорѣ, сожженъ былъ протопопъ Аввакумъ въ срубѣ «за великія на царскій домъ хулы».

XXXII.

Исправленіе книгъ и реформа патр. Никона. Возникновеніе раскола. Чувствительность русскаго человѣка къ книжной традиціи и къ преданію. Трудности, отсюда возникавшія при прежнихъ попыткахъ исправленія книгъ. Новый примѣръ архим. Діонисія. Попытки обращенія къ востоку. Арсеній Сухановъ. Чѣмъ начались реформы патр. Никона? Б. патр. Константинопольскій Аѳанасій. Соборъ 1654 г. Запросъ патріарху Константинопольскому Паисію и его мудрый отвѣтъ. Соборъ 1655 г. съ участіемъ патріарховъ восточныхъ. Принятіе троеперстія. Расколъ въ полномъ дѣйствіи.

Русское благочестіе было очень чувствительно къ нарушенію традиціи: все полученное отъ Церкви воспринимлось съ дѣтской до-

вѣрчивостію, какъ святое и нерушимое,и всякое измѣненіе казалось безчинствомъ и вольномысліемъ. Въ лѣтописи подъ 1476 г. читаемъ о «нѣкоторыхъ философахъ», которые начали пѣть «о Господи помилуй». Частица «о» лѣтописцемъ воспринималась, какъ «философское» новшество! А между тѣмъ задача «справы» была насущной: описки, ошибки, извращенія естественно множились, засоряя книги. Внѣдряясь въ бытъ, онѣ укореняли тѣ или иныя неправильности. Съ воцареніемъ Романовыхъ «справа» опять стала на очередь. Привлекли къ ней архимандрита Троицко-Сергіевой Лавры Діонисія, человѣка безупречнаго. Полтора года сидѣлъ онъ съ двумя сотрудниками надъ исправленіемъ «Потребника». Буря поднялась. Изъ водосвятной молитвы убрали они вкравшееся туда лишнее слово, свидѣтельствовавшее о томъ, что вода освящается не только Духомъ Святымъ, но — «и огнемъ». Доносы пошли. Молва въ народѣ: «еретики хотятъ вывести огонь изъ міра». Дошли до того, что униженіямъ подвергся преп. Діонисій предъ толпами народа. Мало того. Соборомъ запрещенъ былъ онъ въ священствѣ! Лишь вмѣшательство возвратившагося изъ плѣна патр. Филарета реабилитировало святаго, и онъ, какъ читемъ въ его житіи, «отъ Царя прославленъ бысть и отпущенъ въ великую лавру съ честію и дарами». То было въ 1619 г. Запрашиваются относительно «огня» восточные патріархи, а тѣмъ временемъ печатается въ требникѣ «и огнемъ» съ указаніемъ на поляхъ: «быти сему оглаголанію до патріаршаго указа». Приходитъ, наконецъ, въ 1625 г. грамота патріарховъ восточныхъ. Только тогда выбрасывается «и огнемъ». И такъ были неувѣрены церковныя власти въ правильности того, что ими въ печатномъ видѣ выпускалось въ свѣтъ, что въ предисловіи въ послѣдней напечатнной при патр. Іосифѣ книгѣ «Кормчая» читаемъ: «Воззри, аще нелѣностенъ еси, обрящеши ли гдѣ правѣ списанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу?... Но вѣмъ, яко неудобь обрѣсти возможеши».

На православный востокъ естественно обращался взоръ для установленія истины. Знаемъ, что былъ посланъ туда Арсеній Сухановъ. Сохрнилось обстоятельное описаніе продѣланнаго имъ путешествія: «Проскинитарій». Тутъ находимъ не только дневникъ путевой. не только описаніе святыхъ мѣстъ, но и обзоръ богослужебныхъ особенностей, авторомъ замѣченныхъ, и обычаевъ церковныхъ — безъ нарочитаго то дѣлается обличительнаго паѳоса, но трезво-критически, съ явнымъ неодобреніемъ кое-чего изъ замѣченнаго.

Началомъ «реформъ» патр. Никона можно считать 1653 г., когда разослана была «память», предъ Великимъ Постомъ, вводившая новшество о поклонахъ при молитвѣ Ефрема Сирина (4 земныхъ и 12 поясныхъ) и о троеперстномъ наложеніи крестнаго знамени. Показательно, что именно къ этому времени относится пребываніе въ Россіи б. патріарха константинопольскаго Аѳанасія, мужа святаго, на обратномъ пути изъ Москвы скончавшагося въЛубнахъ, гдѣ и по-

чиваютъ его св. мощи. Онъ «зазиралъ» Никону о двуперстіи, а также указывалъ на необходимость исправленій. Собрался въ 1654 г. Соборъ, на которомъ патріархомъ поставленъ былъ вопросъ о необходимости уничтожать всякія новины. О перстосложеніи вопросъ не подымался. Что касается поклоновъ — несогласіе высказалъ еп. Павелъ. Единство было по вопросу о необходимости устраненія несогласій, въ обычаяхъ и книгахъ, съ церковной древностію, сохранившейся въ церкви восточной. Еп. Павелъ подвергся жестокимъ карамъ. Вопросъ его неповиновенія, какъ и общій вопросъ, были посланы на заключеніе къ константинопольскому патріарху Паисію. Отвѣтъ его осуждалъ поступокъ еп. Павла, какъ осуждено было и сопротивленіе позднѣйшее Неронова и другихъ: найдены тутъ были признаки ереси и раскола. Но по существу звалъ патріархъ къ осторожности. Испорченныхъ и строптивыхъ людей можно отлучать, какъ «бросающихъ подозрѣніе на нашихъ (т. е. греческихъ) святыхъ». Но, сами по себѣ, отличія въ чинопослѣдованіяхъ — не такъ ужъ существенны. Не такъ ужъ существенно и самое перстосложеніе. Сопротивленіе отдѣльныхъ лицъ по этимъ вопросамъ предосудительно. Но вопросы, по своему существу, остаются маловажными, и разность въ подобныхъ случяхъ не должна приводить къ раздѣленію. Троеперстное знаменіе Патріархъ, впрочемъ, признавалъ древнимъ обыкновеніемъ.

Дальнѣйшій этапъ — соборъ 1655-6 г. г., съ участіемъ патр. Макарія антіохійскаго и Гавріила Сербскаго. Здѣсь принято было троеперстіе. Идетъ своимъ ходомъ и исправленіе книгъ. Новая мѣра принимается: отобраніе книгъ старыхъ. Намѣчалось, было, примиреніе съ Нероновымъ, на взаимныхъ уступкахъ. Размолвка Царя съ Никономъ, однако, окрыляетъ оппозицію. Въ 1665 г. Царь могъ писать: «у насъ весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ каждый служитъ по своему». Расколъ — состоялся.

XXXIII.

Расколъ. Русскій соборъ 1666 г. Судъ надъ расколоучителями. Кары. Соборъ 1667 г. для суда надъ патріархомъ. Одобрены постановленія русскаго собора о расколоучителяхъ. Общая оцѣнка раскола и мѣръ противъ него принятыхъ. Можно ли считать, что расколъ былъ созданъ требовательностью излишней патр. Никона? Въ чемъ основной грѣхъ раскола? Попытка истолковать событія концомъ міра. Хула на Церковь. Наставленія протопопа Аввакума.

Паденіе патр. Никона не повело къ торжеству раскола. Въ 1666 г., въ ожиданіи восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ, собрался русскій соборъ для суда надъ расколоучителями. Въ вину имъ вмѣнялось не то, что употреблялись книги и блюлись обряды до-никоновскіе, а то, что хула изрыгалась на Церковь и ея служителей. Непокаявшихся предали отлученію и послали въ заточеніе.

Тутъ же соборъ составилъ «Наставленіе», излагавшее хулы раскольниковъ на Церковь и призывавшее всѣхъ покоряться св. восточной Церкви, совершать службы по исправленнымъ книгамъ и соблюдать обрядовыя исправленія. Едва завершились засѣданія собора, уже въ 1667 г., какъ прибыли два восточныхъ патріарха: Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій. Съ ихъ участіемъ состоялся соборъ, осудившій Никона. Далѣе соборъ одобрилъ состоявшіяся исправленія, подтвердилъ то, что сказано было въ «Наставленіи», заповѣдалъ покоряться Церкви — и предалъ непокоряющихся анаѳемѣ.

Расколъ прочно вошелъ въ русскую жизнь. Оторвана оказалась отъ Церкви очень значительная часть русскаго народа. Въ чемъ же сущность раскола? Надо отдавать себѣ ясный отчетъ въ двойственномъ содержаніи того умоначертанія, которое привело къ расколу. Пусть были проявлены излишній ригоризмъ и излишняя требовательность въ отношеніи къ **нѣкоторымъ** явленіямъ стараго церковнаго быта — не въ этомъ сущность дѣла. Чтобы удовлетворить раскольниковъ Церковь вообще должна была бы вообще отказаться отъ права вносить какія бы то ни было измѣненія и исправленія. Другими словами: Церковь должна была бы капитулировать предъ горделивымъ невѣжествомъ! Можно понять, какъ оправданную обстоятельствми реакцію, то отталкиваніе отъ образованности, которое было вызвано на Западѣ Россіи походомъ противъ православія со стороны латинства. Извѣстный намъ аѳонскій монахъ Вишенскій противупоставлялъ латинскимъ «хитростямъ» церковно-православный бытъ: вмѣсто «лживой діалектики, учащей претворять бѣлое въ черное и черное въ бѣлое». онъ предлагалъ исключительно изучать часословъ; вмѣсто «хитрорѣчивыхъ силлогизмовъ и велерѣчивой реторики» проходить псалтырь; вмѣсто философіи, «научающей разумную мысль скитаться по воздуху» и «мѣрять аршиномъ хвосты звѣздъ», изучать октоихъ. Онъ предлагалъ обращаться непосредственно и исключительно къ «дѣятельному» богословію — къ евангелію и апостолу, «съ толкованіемъ простымъ и не хитрымъ». Эти совѣты могли быть полезны церковному народу, но они не могли быть приняты Церковью въ ея цѣломъ. А именно этого и требовали отъ Церкви раскольники, проявляя притомъ воинственную сопротивляемость не только въ отношеніи «латинства», но и въ отношеніи православнаго востока. Выходило такъ, что все и вездѣ, внѣ установившагося на Руси церковнаго быта, уже не-истинно. Все и вездѣ погрязло въ неправдѣ. Только одна Русь, замкнувшись въ своемъ, ей ставшимъ привычнымъ, церковномъ быту, сохранила истинную вѣру. Это убѣжденіе заострялось въ отверженіе всего кругомъ, какъ уже явно возникающаго антихристова царства. Расколъ подхлестывалъ свою воинственность признаніемъ нашего вѣка послѣднимъ временемъ. Найденъ былъ для этого и буквенный поводъ: 1666 г. признанъ былъ годомъ, соотвѣтственнымъ прорицанію апокалиптическому. Сатана связанъ на 1000 лѣтъ. При-

бавимъ число 666. Остается еще 33 съ половиною года, т. к. сатана былъ связанъ со дня сошествія Господа во адъ. Такъ училъ нѣкій старецъ Авраамій. Вооруженные такими аргументами, раскольники дѣйствительно изрыгали самую страшную хулу на Церковь и соотвѣтствено опредѣляли свое поведеніе. «Не подобаетъ, говорили они, православнымъ христіанамъ ни благословенія отъ никоніанъ пріимати, ни службы, ни крещенія, ни молитвы, ни въ церкви съ ними не молитися, ниже въ дому; еретическихъ книгъ не читати и пѣнія еретическаго не слушати». Поскольку такой разрывъ становился практически невозможнымъ въ силу требованій власти, Аввакумъ давалъ такія наставленія: «По нуждѣ затащатъ въ церковь, то ты молитвы Іисусовы воздыхая говори, а пѣнія ихъ не слушай, образу Спасову вмѣстѣ не кланяйся, но когда они престанутъ отъ молитвы, тогда кланяйся». Если попъ съ крестомъ и водою придетъ въ домъ — «и въ дому бывъ водою намочитъ и ты послѣ вымети метлою, ребятамъ вели отъ него спрятаться, а самъ съ женою ходи тутъ и виномъ его пой, а самъ говори: прости, недостойны ко кресту. Онъ кропитъ, а ты рожу то въ уголъ вороти, или въ мошну въ тѣ поры лѣзъ, да деньги ему добывай, а жена за домашними дѣлами поди, да говори ему... не время мнѣ. Да какъ нибудь что собаку отживете его. А хотя омочитъ водою бы твоя душа не хотѣла.» А вотъ совѣтъ относительно хожденія къ исповѣди: «Аще нужда привлечетъ на исповѣдь идти къ никоніанину, то ты ему сказки сказывай». Если кто причастится — на того епитимія, равно и на того, кто «хотя глумляся перекрестится тремя перстами». Что касается обоснованія старой вѣры, то всякая аргументація отпадаетъ: «Азъ есмь ни риторъ, дидаскальства и логофетства не искусенъ, простецъ человѣкъ и зѣло исполненъ невѣдѣнія», самодовольно говорилъ о себѣ Аввакумъ.

XXXIV.

Григорій Котошихинъ. Біографія автора сочиненія «О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича». Рукопись ея. Въ чемъ цѣнность памятника? Обращикъ ея текста — о царскомъ воспитаніи. Содержаніе памятника. Можно ли признавать его объективнымъ свидѣтельствомъ о Россіи эпохи царя Алексѣя Михайловича? Примѣры пристрастныхъ сужденій.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ въ исторіи русской словесности сочиненіе Григорія Котошихина «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Подъячій посольскаго приказа, не разъ бывавшій по дѣламъ службы заграницею, онъ бѣжалъ въ Польшу, потомъ былъ въ Пруссіи, а жизнь кончилъ въ Стокгольмѣ, гдѣ, уже лютеранинъ, носилъ имя Ивана-Александра Селицкаго. За убійство своего хозяина былъ по приговору казненъ. Убійство произошло на любовной почвѣ. Моральная его недоброкачественность обнаружи-

лась въ бытность его еще на русской службѣ. По заданію шведскаго правительства онъ составилъ записку, которая должна была освѣдомить иностранцевъ о тѣхъ сторонахъ русской жизни, которыя имъ были трудно доступны, а для Котошихина тайны не составляли. Рукопись находится въ библіотекѣ г. Упсала, безъ заглавія. Переводы шведскіе были озаглавлены такъ: «О русскомъ царствѣ и правленіи». Записка является драгоцѣннымъ памятникомъ описательнымъ, при всей своей завѣдомой пристрастности. Поучительна она и какъ образчикъ приказнаго стиля. Одаренность Котошихина внѣ сомнѣнія.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его сочиненія:

«О царскомъ воспитаніи. А на воспитаніе царевича или царевны выбираютъ всякихъ чиновъ изъ женъ жену добрую и чистую и млекомъ сладостну и здорову, и живетъ та жена у царицы въ Верху (жилое царское помѣщеніе) на воспитаніе годъ, а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянска роду, мужа ея пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вотчину дастъ, а подъяческая и инаго служиваго чину, прибавятъ чести и дадутъ жалованія немало, а посадскаго человѣка, и такимъ по тому жъ дано будетъ жалованіе немалое, а тягла и податей на царя съ мужа ея не емлютъ, по ихъ животъ. Да у того жъ царевича или царевны бываетъ приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянька и иныя прислужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ для береженія и наученія боярина, честью великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища окольничьяго или думнаго человѣка; также изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ стольники такихъ же младыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ и въ учители выбираютъ учительныхъ людей тихихъ и не бражниковъ; а писать выбираютъ изъ Посольскихъ подъячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческому, нѣмецкому и никоторымъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ. И бываютъ царевичамъ и царевнамъ всякому свои хоромы и люди, кому ихъ оберегати, особые. А до 15 лѣтъ и больше царевичъ, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и окромѣ бояръ и ближнихъ людей видѣти никого не можетъ (таковый бо обычай), а по 15 лѣтѣхъ укажутъ его всѣмъ людемъ, какъ ходитъ съ отцемъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изо многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно. Царевичи же во младыхъ дѣтѣхъ и царевны, большія и меньшія, внегда случится имъ идти къ церкви, и тогда около ихъ во всѣ стороны несутъ суконныя полы (т. е. заслоны), что люди зрѣти ихъ не могутъ, также какъ и въ церкви стоятъ люди видѣти ихъ не могутъ, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церкви завѣшаны тафтою; и въ то время въ церкви кромѣ бояръ и ближнихъ людей мало иные люди бываютъ. А какъ ѣздятъ молитися по монастыремъ, и тогда каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтами жъ. А учинены

бываютъ царицѣ и царевнамъ, для зимнія ѣзды, каптаны на саняхъ избушками, обиты барахатомъ или сукномъ, по обѣ стороны двери съ затворами слюдяными и съ завѣсами тафтяными; а для лѣтнія ѣзды колымаги сдѣланы на рыдванную стать, покрыты сукномъ же; входятъ въ нихъ по лѣстницамъ, а сдѣланы бываютъ на колесахъ просто, какъ и простая телѣга, а не такъ какъ бываютъ кареты висячія на ремняхъ; и тѣ колымаги и каптаны бываютъ о двухъ оглобляхъ, а дышелъ не бываетъ, и лошадей въ нихъ запрягаютъ по одной, а потомъ прибавливаютъ и иныя лошади въ припряжь».

«О житіи бояръ, и думныхъ, и ближнихъ и иныхъ чиновъ людей. Бояре и ближніе люди живутъ въ домѣхъ своихъ, въ каменныхъ и деревянныхъ, безъ великаго устроенія и призрѣнія; и живутъ съ женами своими и съ дѣтьми своими покоями. Да у нихъ же большихъ, не у многихъ, бояръ учинены на дворѣхъ своихъ церкви; а у которыхъ церквей нѣтъ, и они большіе и середнихъ статей бояре, которымъ повелено держати въ домѣхъ своихъ поповъ, заутреню и часы и молебенъ и вечерню отправляютъ у себя въ своихъ хоромѣхъ, а у обѣдни бываютъ въ церквахъ, кто гдѣ прихожъ, или гдѣ похочетъ; а въ домѣхъ у нихъ своихъ, кромѣ церквей, обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ они бояре и ближніе люди попомъ своимъ жалованіе по сговору погодно и дается женатымъ людемъ попомъ мѣсячный кормъ и ѣствы и питіе, а вдовые попы ѣдятъ съ боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось». Мы привели эти отрывки, чтобы дать понятіе о писательской манерѣ автора. Все описаніе раздѣлено на 13 главъ. Первая, послѣ короткаго историческаго вступленія, говоритъ о придворной жизни (оттуда мы и привели большую выдержку). Вторая глава говоритъ о служиломъ дворянствѣ, боярствѣ, мѣстничествѣ. Относительно Боярской Думы находимъ такое сужденіе, ставшее знаменитымъ: «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщеваютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные».

Три слѣдующія главы посвящены предмету наиболѣе близкому автору: внѣшнимъ сношеніямъ Россіи. Отзывается о своихъ соотечественникахъ Котошихинъ сурово: «Россійскаго государства люди породою своею спѣсивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спѣсивства и безстыдства и ненависти и неправды.» Съ еще большею рѣзкостью говоритъ Котошихинъ о русской женщинѣ. Приученная къ затвору и неученая, она и «породнымъ разумомъ простовата». Слѣдующія три главы говорятъ объ управленіи государствомъ, дальнѣйшія три о служиломъ дворянствѣ, купечествѣ и крестьянствѣ, 12-ая о торговлѣ и послѣдняя о семейномъ бытѣ боярства (небольшой отрывокъ изъ нея данъ выше). Особенно обстоятельно описаны обычаи брачные — въ краскахъ нарочито

темныхъ, съ заключенiемъ такимъ: «Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ».

XXXV.

Юрiй Крижаничъ. Кто онъ былъ и какъ попалъ въ Россiю? Сложность его натуры и его отношенiя къ дѣйствительности, въ частности, къ русской дѣйствительности. Что онъ ждалъ отъ Россiи? Имѣла ли записка Крижанича реальное значенiе въ ту эпоху?

Еще несравненно болѣе рѣзкую оцѣнку русской дѣйствительности даетъ другой ея описатель, хорватъ Юрiй Крижаничъ, католикъ-унiатъ, ученый мечтатель, сумѣвшiй сочетать преданность унiатству съ воспаленнымъ панславизмомъ. Предварительно ознакомившись съ русскимъ языкомъ, онъ черезъ Польшу проникаетъ въ Москву, имѣя три задачи предъ собою: «во-первыхъ, поднять славянскiй языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобъ мы могли правильно говорить и писать, чтобы было у насъ обилiе реченiй, сколько нужно для выраженiя человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ; во-вторыхъ, написать исторiю славянъ, въ которой опровергнуть нѣмецкiя лжи и клеветы; въ-третьихъ, обнаружить хитрости и обольщенiя, которыми чужiе народы обманываютъ насъ, славянъ». Попавъ въ 1659 г. въ Москву, Крижаничъ, при всемъ своемъ добромъ желанiи послужить Царю, въ лицѣ котораго онъ видѣлъ могучую силу, способную быть проводникомъ его мечтанiй, не удержался тамъ и уже въ 1661 г. былъ отправленъ въ Тобольскъ: «быть ему тамъ у Государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно». Тамъ ему удалось выполнить первую изъ поставленныхъ себѣ задачъ. Написано имъ было и обширное сочиненiе «Политичныя думы», увидѣвшее свѣтъ подъ заглавiемъ «Русское государство въ половинѣ XVIII вѣка» лишь во второй половинѣ XIX в.

Убiйственную даетъ картину Крижаничъ русскаго общественнаго быта: бѣдность, косность, грязь, пьянство, трусость, забитость, произволъ, безстыдство. Все это, однако можетъ быть измѣнено. «Да не скажетъ кто либо, что намъ, славянамъ, путь къ знанiю закрытъ рѣшенiемъ небесъ, какъ будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки; и остальные народы не въ одинъ день и годъ, но мало по малу учились отъ другихъ: такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство славянское, какого прежде не бывало въ нашемъ племени...» Отъ кого же должно идти спасительное просвѣщенiе? Отъ самодержавной власти: «повеленiемъ царскимъ все можно исправить и завести все полезное». Широкими мазками набрасываетъ Крижаничъ программу преобра-

зованій — во многомъ близкую реформамъ Петра. Но одновременно обрушивается онъ и на грековъ-схизматиковъ. Трудно сказать, кого больше ненавидитъ онъ: нѣмцевъ или грековъ. Параллель проводитъ онъ между ними, отбрасывая и тѣхъ и другихъ. Обновленную Россію видитъ онъ въ сферѣ Рима, хотя и мыслитъ Россію въ образѣ водительницы всего славянства, какъ цѣлостнаго культурнаго единства. «Чужебѣсіе» претитъ ему, равно, какъ и «чужевластво» невыносимо для него. «Въ твоихъ рукахъ, писалъ онъ царю, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе — совершенная покорность и послушаніе подданыхъ». Мы видимъ въ явленіи Крижанича нѣчто духовно-родственное современному Восточному обряду, облеченное въ паѳосъ все-славянства и видящее мечту эту исполненной силою самодержавія. Только при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ возвращенъ былъ изъ ссылки Крижаничъ, въ 1676 г. Не долго пробывъ въ Москвѣ, онъ покинулъ предѣлы Россіи. Является его сочиненіе лишь обращикомъ отвлеченнаго прожектерства, или оказало оно практическое воздѣйствіе на руководителей русской жизни? Объ этомъ можно только гадать. Въ всякомъ случаѣ списокъ творенія Крижанича имѣлся «на верху государевомъ».

XXXVI.

Общая храктеристика духовнаго облика до-петровской Руси. Все-цѣлостность овладѣнія Россіи Христіанствомъ. Своеобразіе подъ этимъ угломъ зрѣнія Руси по сравненію съ Византіей: сужденія Гилярова-Платонова и Хомякова. Младенческая простота русскаго православнаго сознанія, естественно устраняющая всякую пытливость. Естественное же отсюда воспріятіе совершенствованія только въ планѣ личнаго духовнаго роста. Превращеніе блага младенческой чистоты церковнаго сознанія въ зло гордыни невѣжества, поскольку предметомъ вѣрности оказывается не Истина, а усвоенное извращеніе ея, съ превращеніемъ отсюда свойствъ, способствующихъ спасенію души, въ препятствія тому. Общее равенство, вытекающее изъ первенства въ сознаніи всѣхъ задачи спасенія души: духовный же ростъ лишь повышаетъ смиреніе. Отрицательное опредѣленіе православной русскости, какъ отсутствіе цѣнностей, способныхъ соперничать съ дѣломъ спасенія души, устремленнымъ къ святости, откуда и возникновеніе опредѣленія Исторической Россіи, какъ Святой Руси.

Въ заключеніе остановимся нѣсколько на общей харктеристикѣ нашего отечества въ томъ его духовномъ обликѣ, какой ему дала многовѣковая исторія — ко времени Петровскихъ реформъ. Совершенно своеобразнымъ было отношеніе къ Вѣрѣ, ставшее достояніемъ Русскаго народа. Соприкосновеніе нашихъ предковъ съ Христіанствомъ

могло возникать еще въ апостольскія времена. Могло сказываться нарочитое благодѣтельное воздѣйствіе Крыма, въ позднѣйшія времена, когда онъ сталъ своего рода цитаделью Православія и центромъ просвѣщенія для громадныхъ пространствъ: вѣдь во времена иконоборчества сюда стремились правовѣрные бѣженцы, превратившіе Крымъ въ подлинный разсадникъ истинной вѣры. Спасеніе Царьграда Влахернской Божіей Матерью отъ нашихъ предковъ возымѣло такое дѣйствіе на нападавшихъ, что патр. Фотій торжествующе провозглашалъ уже проникновеніе свѣта Христіанства въ свирѣпую Русь. Были посланы первые миссіонеры въ Кіевъ, и можно, съ извѣстнымъ правомъ, говорить о тѣхъ временахъ, какъ о первомъ крещеніи Руси, памятникомъ чего остался, какъ храмъ св. Николая (имя то Аскольда при крещеніи), такъ и чтимая народомъ Аскольдова могила. При Олегѣ христіанство могло распространяться только подспудно, но успѣхи его все же были таковы, что при Игорѣ Русь была уже частично православной: при заключеніи договора съ греками Русь присягала, въ православной своей части, въ соборной церкви св. Иліи! Въ княженіе же Св. Ольги должно было въ такой мѣрѣ крѣпиться Христіанство, что можно, съ полнымъ правомъ, говорить о второмъ крещеніи Руси. Все, это, однако, были еще начатки, пускавшіе, конечно, глубокіе корни ,но не получавшіе возможности расцвѣсти полнымъ цвѣтомъ. То было дѣломъ Св. Владиміра. Но надо помнить, что христіанство на Руси было уже къ тому времени бытовой реальностью. Арабскіе писатели ко времени IX вѣка такъ писали о русскихъ: « — они имѣютъ многіе города, также церкви, гдѣ навѣшиваютъ колокола, въ которые ударяютъ молоткомъ, подобно тому, какъ у насъ христіане ударяютъ деревянной колотушкой по доскѣ». В. Ламанскій свидѣтельствуетъ, что на Руси были еще до Владиміра «русскіе священники, дьяконы, псаломщики, вообще воспитанники и члены старой христіанской общины, выросшіе на славянскомъ богословіи и воспитанные «славянской грамотою».

Со св. Владиміромъ Христіанство овладѣваетъ Русью — всецѣло. Гиляровъ-Платоновъ такъ характеризуетъ это овладѣніе: «Тихо, почти безъ сопротивленія, приняла (русская) земля новыя, необычныя ей церковныя учрежденія. Жизнь не могла имъ ничего противупоставить, кромѣ предразсудковъ, тѣмъ менѣе способныхъ къ дѣятельному сопротивленію, чѣмъ менѣе они были сознаны и тѣмъ ближе къ народному сознанію и чувству являлась вѣра, приносимая на родномъ языкѣ. Народъ не имѣлъ даже духовныхъ понятій въ языкѣ, чтобы бороться съ понятіями новыми. Вѣра, можно сказать, не столько у насъ замѣщала старое, сколько восполняла отсутствовавшее. Скоро весь народъ сталъ православнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Православіе стало проникать, какъ начало, вглубь народной жизни. Подъ вліяніемъ его измѣнялись бытовыя и гражданскія отношенія или, по крайней мѣрѣ, теряли старый смыслъ

и принимали новый; сама домашняя жизнь подчинялась новому началу, сообразуя распредѣленіе своего времени съ порядкомъ богослужебнаго дня... Младенчествовавшему народу осталось только вводить въ сознаніе готовый смыслъ, чтобы освящать новыя явленія жизни и усвоять готовый уставъ для своей дѣятельности». Поучительно сопоставить съ этими словами, сказанными о Россіи однимъ изъ славянофиловъ младшаго поколѣнія, слова одного изъ основоположниковъ славянофильства, Хомякова, о Византіи, въ ея отношеніи къ Христіанству: «Великій подвигъ былъ совершенъ Константиномъ. Духовное начало, способное возвратить жизнь государству, было торжественно признано. Но христіанство не принесло своихъ плодовъ. Его послѣдователи множились быстро, но едвали не быстрѣе еще развратились. Теплая вѣра замѣнилась холодной привычкой или равнодушнымъ подражаніемъ чужому примѣру: уши, закрытыя для проповѣди евангельской, открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане-мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ-льстецовъ... Законы и гражданская жизнь остались равнодушными къ перемѣнѣ исповѣданія. Слово евангельское просвѣтило совѣсть человѣка, но не коснулось совѣсти гражданина». Хомяковъ причину гибели Византіи и видитъ «въ этомъ внутреннемъ разногласіи человѣка христіанскаго и государства, сохранившаго все наслѣдство идолопоклонства».

Эти двѣ цитаты достаточно рельефно рисуютъ намъ тотъ разительный контрастъ, который являютъ такія, казалось бы, духовно родственныя національно-государственныя образованія, какъ Русь и Византія. Но мало того, что вѣра занимала совершенно иное мѣсто въ душѣ русскаго и въ душѣ византійца — самое существо вѣры было разнаго направленія. Русскому человѣку была не свойственна пытливость, что, надо думать, тоже въ значительной мѣрѣ опредѣлялось культурнымъ младенчествомъ. То, что для тронутаго культурой человѣка было труднымъ, а иногда и просто неосуществимымъ самоограниченіемъ, то совершенно естественно было присуще русскому человѣку. Пронизанъ оказался русскій человѣкъ аксіомой чистаго Христіанства! Тертулліанъ говорилъ: «Мы не нуждаемся ни въ любознательности послѣ Іисуса Христа, ни въ изысканіяхъ послѣ Евангелія. Вѣря имъ, мы не имѣемъ надобности вѣрить чему либо иному, кромѣ этого! Ничего не знать противнаго правилу «вѣры» — значитъ все знать». Ту же мысль св. Іоаннъ Златоустъ выражалъ такъ: «Изслѣдованіе разоряетъ вѣру: кто изслѣдуетъ что нибудь, тотъ еще не нашелъ; кто изслѣдуетъ, тотъ не можетъ вѣрить... Если бы сказанное намъ происходило отъ людей, тогда слѣдовало бы заниматься изслѣдованіемъ, но такъ какъ оно происходитъ отъ Бога, то нужно только благоговѣть предъ этимъ и вѣрить. Если же не будемъ вѣрить этому, то не будемъ убѣждены и въ томъ, что существуетъ Богъ». А вотъ какъ говорилъ нашъ отечественный богословъ, Зиновій Отенскій, ограждая отъ ереси русскихъ людей, когда появилась и у насъ эта нечисть: «Едино же

Господне ученіе новое въ Дусѣ Святѣмъ, свидѣтельствуемо силами и различными чудесъ дарованьми еже апостолъ сказуетъ: древняя мимоидоша, се быша вся нова. Аще Господня нова быша, кая и еще нова нынѣ ученія? Господню ученію уже сущу, и како паки нынѣ новое ученіе? Во святыхъ книгахъ нигдѣ же не обрѣтается нову ученію божественному быти; яко едино свидѣтельствуемо ученіе Божіе чюдесы въ ветхомъ письмени, и едино же новое ученіе Христово, подаяніемъ Духа Святаго свидѣтельствуемо, прореченное отъ всѣхъ святыхъ пророкъ. Откуду же убо нынѣ ученіе и еще новое проповѣдуемо, ему же невозможно быти никогда же, даже и до скончанія міру всему...»

Особенно точно отвѣчаетъ умоначертанію русскаго православнаго человѣка ученіе Викентія Лиринскаго, который говорилъ такъ: «Развѣ невозможенъ никакой прогрессъ религіозный въ Церкви Христовой? Пусть прогрессъ будетъ, и весьма большой. Кто будетъ такимъ ненавистникомъ и врагомъ Божіимъ, чтобы помѣшать этому? Но надобно, чтобы это былъ, дѣйствительно, прогрессъ вѣры, а не измѣненіе. Къ сущности предмета принадлежитъ возрастаніе его въ самомъ себѣ; напротивъ того, измѣненіе состоитъ въ перемѣнѣ этого предмета на другой. Итакъ, пусть возрастаетъ и возрастаетъ сильно — разумъ, знаніе, мудрость, каждаго и всѣхъ, частнаго человѣка и всей Церкви, съ возрастами и вѣками; но пусть все это остается въ своей природѣ, въ томъ же догматѣ, въ томъ же смыслѣ, въ томъ же чувствѣ.»

Это поученіе ранняго Отца Церкви отвѣчаетъ основоположной двойственности русскаго сознанія, всѣхъ въ одну духовную семью сливающей, но одновременно внѣшнія границы ставящей, нарушеніе коихъ способно воздвигнуть непроходимую стѣну между нами самими. Духовный ростъ, и каждаго человѣка въ отдѣльности, и всего русскаго цѣлаго вмѣстѣ — вотъ что насъ сливаетъ воедино. И тутъ, какъ бы ни различались по своему общественному положенію и по всѣмъ возможнымъ внѣшнимъ признакамъ люди — они имѣютъ общій языкъ и они равны, свое взаимоотношеніе опредѣляя только духовной своей качественностью, предъ силой которой падаютъ всѣ «перегородки». И склоняется благоговѣйно предѣльно-высшій предъ этой силой, хотя бы она была присуща предѣльно-низшему. Но эта духовная сила должна себя являть въ формахъ строжайшей консервативности, не покушаясь на измѣненіе ничтожнѣйшей мелочи, въ составѣ сложившагося церковнаго порядка закрѣпленной. Иначе могли возникать, уже въ ущербъ духовной качественности, раздѣленія катастрофически-глубокія — и опять таки совершенно пренебрегающія всѣми формами общенія, даже церковными! И это было проявленіемъ младенчества — но уже въ его столь же естественной невѣжественности. Величайшее благо, опредѣлившее высокое избранничество Русскаго народа, такъ могло оборачиваться въ величайшее зло, способное обезцѣнить пріятую Истину.

Законенъ испугъ предъ «чужимъ», противорѣчащимъ святому «своему». Объ этомъ такъ училъ преп. Исаія: «Если кто начнетъ говорить тебѣ неполезныя слова, то не преклонись выслушать его, чтобы не повредить душу твою. Не устыдись лица его, если онъ оскорбится этимъ. Не потерпи, чтобы онъ продолжалъ рѣчь свою, скажи ему: «Душа моя не можетъ выносить словъ твоихъ! Перестань говорить объ этомъ, умоляю тебя. Я не тверже перваго человѣка, котораго создалъ Богъ руками Своими и который былъ обольщенъ бесѣдой злой». Бѣги отъ душевредныхъ словъ, не желая слышать ихъ. Смотри же, чтобы, убѣгая тѣломъ, не сохранить тайнаго желанія знать, что намѣревался сказать тебѣ начавшій говорить неполезное. Бѣги бѣгствомъ рѣшительнымъ, чтобы тотчасъ забыть и то, что успѣлъ выслушать. Если допустишь остаться чему либо изъ слышаннаго, то демоны не преминутъ воспользоваться этимъ и нанести язву.» Русскій человѣкъ естественно оказывался проникнутъ именно такимъ умонастроеніемъ — и въ этомъ была его сила. Но бѣда можетъ оказаться безысходной, если такая направленность воли и духа раскроется, въ своей неукротимой ничѣмъ силѣ, предъ лицомъ исправленія прокравшейся ошибки — пусть даже это исправленіе совершается высшей законной властью, отъ Бога поставленной, въ симфоническомъ единствѣ Царя и Церкви. Смиреніе благоговѣйное предъ лицомъ Богооткровенной Истины оказывается такъ превращеннымъ — въ гордыню невѣжества...

И такъ, и русскій человѣкъ, каждый въ отдѣльности, и русскій народъ, въ его цѣлостности, все время оказывались какъ бы на лезвіи ножа, между спасеніемъ и гибелью. Налицо были всѣ свойства, способствующія дѣлу спасенія. Готовность была безропотно все пріять изъ рукъ Божіихъ, не сумняся. «Отъялъ Господь отъ насъ силу, а недоумѣніе и грозу и страхъ и трепетъ вложилъ въ насъ за грѣхи наши» — такъ лѣтописецъ отзывался о Батыевомъ нашествіи. «Бысть милость Божія надъ христіаны, посланъ отъ Бога моръ на люди», читаемъ мы въ той же лѣтописи (Новгородской). А вотъ какъ одинъ обыкновенный благочестивый, достаточно книжный человѣкъ XVI вѣка опредѣлялъ вообще окружавшую его дѣйствительность. «Слышалъ я нѣкогда книгу о плѣненіи Трои. Въ этой книгѣ плетены многія похвалы Еллинамъ отъ Омира и Овидія. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе многихъ лѣтъ. Но хотя Геркулъ и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался, и тварь паче Творца почиталъ. Также и Ахиллъ и Троянскаго царя Пріама сыновья были еллины и, отъ еллиновъ похваляемы, сподобились такой прелестной славы. Коль паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ великихъ нашихъ дѣятелей, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую отъ Бога благодать пріяли, что не только человѣки, но и самые Ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. Мы ли не будемъ о чудесахъ ихъ проповѣдывать?»

Земля сливается тутъ съ Небомъ! Но это не освобождаетъ

каждаго изъ насъ отъ тяготѣющаго надъ нимъ грѣха — почему и не возникаетъ гордыни праведности! Что важно? Никифоръ Грекъ такъ говорилъ объ этомъ: «Аще и есьмы таци (т. е. въ «трупахъ грѣховныхъ»!), но слово Божіе, иже въ насъ, здраво есть и цѣло». Вотъ, значитъ, въ чемъ подлинная сила наша: Слово Божіе должно неизмѣнно быть здраво и цѣло въ насъ! И тогда — будь спокоенъ и увѣренъ! Не смущайся своимъ ничтожествомъ! «До Бога высоко, говоритъ простонародный умъ, училъ однажды митр. Филаретъ Московскій. Да, высоко, для тебя, который низко мыслишь. Въ самомъ дѣлѣ до Бога ни низко, ни высоко, ни близко, ни далеко, поелику Онъ вездѣ сущъ, и потому ближе къ тебѣ, нежели твоя душа къ твоему тѣлу, только умѣй найти эту близость вѣрою и молитвою. «Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его въ истинѣ» (Пс. 144, 18). Но я сего недостоинъ, скажетъ кто либо. Такъ отвергай скорѣе все, что дѣлаетъ тебя недостойнымъ, а между тѣмъ вѣруй и молись, и уповай на Бога». Это надо было говорить митр. Филарету Московскому своимъ современникамъ — этому не надо было учить ни московскихъ русскихъ людей, ни кіевскихъ, только что къ Богу пришедшихъ. Для русскаго человѣка понятнымъ и естественнымъ было то, о чемъ съ такой силою возглашалъ Симеонъ Новый Богословъ: «Чудо неизъяснимое! Текутъ слезы вещественныя изъ очей вещественныхъ и омываютъ душу невещественную отъ сквернъ грѣховныхъ: падаютъ на землю, но низвергаютъ демоновъ и освобождаютъ душу отъ невидимыхъ узъ грѣха! О, слезы! вы, источаясь отъ дѣйствія божественнаго просвѣщенія, отверзаете самое небо и низводите божественное утѣшеніе».

Подобныя слезы на Руси могли столь же легко течь и въ царственныхъ палатахъ и въ послѣдней хижинѣ безсловеснаго раба — дѣлая всѣхъ равными и позволяя Царю находить высшее утѣшеніе въ томъ, чтобы въ величайшій праздникъ лично самому послужить нищимъ за трапезой въ открывшемся гостепріимно для нихъ царскомъ дворцѣ...

Какой выводъ можно сдѣлать изъ всего сказаннаго? Тотъ, что русскій человѣкъ, такъ сказать, естественно, натурально, обыденно, за-просто слѣдовалъ завѣтамъ святыхъ отцовъ, обращаемымъ къ подвижникамъ. «Знаніе слѣдуетъ за вѣрою, а не предшествуетъ ей, училъ Кириллъ Александрійскій, по сказанному: аще не увѣрите, ниже имате разумѣти (Ис. 7, 9). Простая и непытливая вѣра т. о. составляетъ собою какъ бы основаніе, на которомъ, уже послѣ, созидается познаніе, мало по мало приводящее насъ въ мѣру возраста Христова и такъ же въ мужа совершеннаго и духовнаго». «Для чего унываешь, человѣкъ, взывалъ Кириллъ Іерусалимскій по поводу тайны предвѣчнаго рожденія Сына Отцомъ, если не знаешь, чего не знаютъ и небеса. И не небеса только не знаютъ сего рažденія, но не знаетъ и все ангельское естество... И дивился я всегда пытливости дерзновенныхъ, изъ мнимаго благоговѣнія впадающихъ въ нечестіе... Почему ты довѣдываешься о томъ, чего и Духъ Святый не начерталъ

въ Писаніяхъ? Не зная написаннаго, пытливо довѣдываешься о ненаписанномъ. Много вопросовъ въ Божественныхъ писаніяхъ, не постигаемъ и написаннаго — къ чему же довѣдываться о ненаписанномъ? Достаточно для насъ знать, что Богъ родилъ единаго Сына... Не стыдись сознаться въ незнаніи, потому что не знаешь вмѣстѣ съ ангелами... Что Богъ имѣетъ Сына, вѣруй сему, а какъ имѣетъ не допытывайся узнать, потому что, доискиваясь сего, не найдешь».

Обращеніе къ русскому человѣку съ такими внушеніями было бы безпредметнымъ: такимъ уже было его самосознаніе. Духовная качественность у насъ опредѣлялась исключительно личнымъ совершенствованіемъ. Простъ ли былъ русскій человѣкъ, былъ ли онъ максимально богословски подвинутъ — богословія для него, какъ самостоятельной, независимой, самодовлѣющей, отвлеченной сферы знанія, не существовало. Онъ познавалъ Истину исключительно въ планѣ личнаго спасенія, почему и трактаты богословскіе у насъ всегда имѣли назначеніе прикладное — въ этомъ именно планѣ и только въ немъ.

Надо распространить это утвержденіе и на всю сферу того, что покрывается понятіемъ «культуры»: Русь не знала «культуры», какъ самодовлѣющей сферы жизни. И это въ самомъ широчайшемъ планѣ: даже политики, какъ таковой, Русь не знала! Она свое поведеніе всяческое опредѣляла по принципамъ житейскаго обихода, основаннаго на началахъ религіозно-нравственныхъ. Въ этомъ и было своеобразіе Руси по сравненію со всѣмъ человѣчествомъ. Спасеніе души опредѣляло все. Все остальное имѣло условный, относительный характеръ, ничто не могло притязать на абсолютную цѣнность. Мы и на нашемъ предметѣ могли констатировать, что «литературы», какъ таковой, до-петровская Русь и представить себѣ не могла. То же можно сказать объ искусствѣ, о наукѣ, о гражданскомъ обиходѣ. Самостоятельной цѣнности не имѣла самая государственность, не имѣло самое національное сознаніе! Все носило служебный характеръ въ отношеніи основнаго, единственно-абсолютнаго: спасенія души!

Это самосознаніе, русскому человѣку присущее, и дѣлало наше отечество въ представленіи, какъ самихъ русскихъ, такъ и присматривающихся къ нимъ иностранцевъ, «Святой Русью». Русскость, въ сознаніи русскихъ, отожествлялась съ Православіемъ. Чтобы стать «русскимъ», достаточно было приладившемуся чужаку стать «православнымъ». Чтобы перестать быть «своему» русскимъ — достаточно было ему перестать быть «православнымъ». Всѣ были грѣшниками, но передъ всѣми стоялъ единственный идеалъ совершенства: святость, что вытекало изъ христіанскаго сознанія, всѣми всецѣло усвоеннаго. Вотъ почему съ полнымъ правомъ могъ утвердиться за Исторической Россіей эпитетъ «святости». Этимъ опредѣлилея и характеръ письменности того времени, словесности, книжности: все, какъ мы видѣли, имѣло своимъ центромъ — Церковь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
3	5 св.	опредѣлялсь	опредѣлялась
3	8 св.	нѣки	нѣкiй
3	9 сн.	устновка	установка
5	2 св.	Промысль	Промыслъ
7	18 сн.	откашлкялся	откашлялся
7	6 сн.	гдѣ онъ	гда онъ
7	2 сн.	ресницъ.	рѣсницъ.
9	2 сн.	начал	начало
10	9 сн.	ничтожнымъ	ничтожными
11	5 сн.	воякiя	всякiя
12	1 св.	мя носить	мя носитъ
13	1 св.	«Избраникъ Свято-	«Изборникъ Свято-
13	2 сн.	отъ древности нашей въ области храмозданiя и иконописи, свидѣ-	выхъ же шаговъ само- бытная культура. Въ об- ласти слова самобыт-
16	5 сн.	обсолютно	абсолютно
17	6 св.	Оособая	Особая
17	16 св.	«Окуду	«Откуду
17	17 сн.	значе-	значенiе
18	9 сн.	ликовъ	ликомъ
19	10 св.	событыiяхъ	событiяхъ
20	23 св.	едви	едва
21	14 св.	несред-	непосред-
22	11 св.	искуственности	искусственности
22	25 сн.	сравненями,	сравненiями,
24	14 св.	онѣ	они
25	13 св.	Мусинымъ Пушкинымъ	Мусинымъ-Пушкинымъ
26	5 св.	который	которыхъ
27	6 св.	событиемъ	событiемъ
27	4 сн.	разсказмъ	разсказомъ
27	23 сн.	котороымъ,	которымъ,
28	8 св.	замѣчетъ	замѣчаетъ
28	18 сн.	«Слва».	«Слова».
30	19 св.	испытавалась	испытывалась
32	22 сн.	оцѣники	оцѣнки
34	1 сн.	напольшеся	наполньшеся
35	7 св.	педвергавшей	подвергавшей
40	16 св.	могло	могли
40	1 сн.	нелогiю.	неалогiю.
45	21 сн.	скончнiя	скончанiя

46	13 сн.	успѣли	успѣвали
46	16 сн.	которымъ	которыхъ
51	8 сн.	евнгельско	евангельско
56	9 св.	**Косаго**	**Косого**
57	23 сн.	оглаживались	сглаживались
58	6 св.	Макарія	Макарій
58	18 св.	всцѣло	всецѣло
60	3 св.	Третьимъ	«Третьимъ
65	2 сн.	благовѣсть	благовѣстъ
67	12 св.	раздржительность,	раздражительность,
71	2 сн.	свои	своихъ
71	3 сн.	такіе	такая
71	2 сн.	хоромъ	храминъ
72	1 св.	верей,	дверей,
73	9 сн.	работаю	работою
75	12 св.	«как	«какъ
77	20 сн.	паломничестѣ	паломничествѣ
79	2 сн.	Готонъ	Готанъ
80	11 св.	Мапу-	Ману-
84	9 св.	относитстя	относится
85	8 св.	бубліотекѣ	библіотекѣ
85	2 сн.	очи (. е.	очи (т. е.
88	8 св.	изѣстнаго,	извѣстнаго,
91	16 св.	владеній.	владѣній.
91	10 сн.	;;	;
97	2 сн.	епохѣ	эпохѣ
97	17 сн.	надобнастями	надобностями
98	22 сн.	(поученй)».	(поученій)».
100	19 св.	сельскмъ	сельскомъ
101	20 сн.	**Сокольничьяго**	**Сокольничья**
107	7 св.	литературнго	литературнаго
108	13 сн.	говоритъ	говорить
109	18 св.	отягчавшимъ	чавшимъ
109	9 сн.	рзсматриваема	разсматриваема
113	18 св.	Дровъ,	Даровъ,
115	11 св.	похода	подхода
117	1 св.	молися	молихся
117	11 св.	некрещеннаго	некрещенаво
117	13 св.	каженника	каженика
117	15 св.	началъ	почалъ
119	2 св.	рече	ей
119	1 сн.	воспринимлось	вопринималось
120	19 св.	читемъ	читаемъ
120	19 сн.	напечатной	напечатанной
120	13 сн.	Сохрнилось	Сохранилось
124	16 св.	подъяческая	подъяческаго